

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ, ГАРМОНИЯ В РЕЧИ

Сборник научных статей

Минск МГЛУ
2020

УДК 81
ББК 81.0
А69

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 7 от 21.05.2019 г.

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент Л. П. Морозова (МГЛУ); кандидат филологических наук О. А. Пантелеенко (БГУ)

Редакционная коллегия: А. Е. Крючкова (*отв. редактор*), С. Н. Панкратова (*зам. отв. редактора*), В. Д. Бурло, Ю. В. Овсейчик

Аномалия в языке, гармония в речи : сб. науч. ст. редкол. : А69 А. Е. Крючкова (отв.ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – 180 с.
ISBN 978-985-460-952-2.

Сборник включает материалы круглого стола, посвященного памяти выдающегося лингвиста, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Альбины Николаевны Степановой (21.07.1929 – 20.10.2017), который состоялся в Минском государственном лингвистическом университете 16 ноября 2018 г.

В сборнике освещаются вопросы, связанные с семантикой текста и синтаксисом предложения, прагматикой речевых актов и референцией системных единиц с позиции говорящего субъекта в разных типах дискурса (педагогическом, поэтическом, рекламном и политическом); анализируются проблемы лингвокультурологии, социолингвистики и гендерной лингвистики, фонетического и лексического строя языка, его стилистических особенностей и словообразовательных возможностей.

Для специалистов в области романских и германских языков, общего и сравнительного языкознания, научных работников и аспирантов.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-460-952-2

© Минский государственный
лингвистический университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Евчик Н. С.</i> Аномалии языка, сокрытые гармонией речи	8
<i>Кузнецов В. Г.</i> Словообразовательные лакуны французского языка	11
<i>Курганова Н. И.</i> Интегративный подход к исследованию значения слова	14
<i>Нурахметов Е. Н., Кенжигожина К. С.</i> Роль интонационных метафор в интерпретации текста	17
<i>Писанова Т. В.</i> Эстетическая специфика романа Х. Кортасара «Игра в классики» как продукт аномального художественного текста	20
<i>Бартенева И. И.</i> К вопросу об условиях реализации референциальной эволюции в тексте	26
<i>Бартош Н. Н.</i> Место структуры «N + <i>il y a</i> » в системе средств выражения категории бытийности	29
<i>Биюмена А. А., Моссэ Е. П.</i> Ритмічны анамаліі ў паэтычным тэксце	32
<i>Булат Е. А.</i> Отрицание как механизм речевого воздействия политического дискурса	35
<i>Бурло В. Д.</i> О наблюдениях над отдельными фактами современного разговорного французского дискурса	39
<i>Верезубова Е. Е.</i> «Деньги – время – вода»: к вопросу об образной основе экономической и финансовой лексики во французском и русском языках	44
<i>Гаврилович А. А.</i> Псевдоанонимность личного местоимения <i>tu</i> в редакционной переписке	48
<i>Гапанович Е. А.</i> Семантико-синтаксические возможности координации во французском языке	55
<i>Грачева Л. А.</i> Сокращенные номинации в составе лексико-семантической системы сферы образования (на материале французского языка)	62
<i>Грищенко Н. М.</i> Поэтический текст как эстетический объект в контексте «духа эпохи»	66
<i>Грушецкая Е. Н.</i> Коммуникативно-прагматический аспект педагогического дискурса	69
<i>Дудина А. М.</i> Своеобразие представления концепта «деньги» во французской и белорусской лингвокультурах	72
<i>Змудяк Г. А.</i> Прямые и косвенные способы выражения речевого акта «одобрение» во французском языке	77
<i>Казловская Л. П.</i> Психологический аспект темпоральных отношений в языке	82
<i>Колесник С. А.</i> Отражение гендерных особенностей в современной испаноязычной коммуникации	86
<i>Костюченко В. Ю.</i> Модальные значения ирреальных наклонений в русских и английских сетевых ток-шоу и интернет-комментариях	89
<i>Крючкова А. Е.</i> Переход исторического имени собственного лица в имя нарицательное	93
<i>Лебедева И. Г.</i> Просодия теленовостей на русском, белорусском и французском языках	98

<i>Макаренко М. М.</i> Типы различий в плане содержания между русскими и английскими паронимами с основой на <i>-ция /-tion</i> , восходящими к общим латинским источникам.....	100
<i>Манько Н. И.</i> Динамический характер моно- и полипропозитивного простого предложения	103
<i>Матюшевская И. В.</i> Префиксальные неологизмы как средство обогащения языка СМИ	108
<i>Мяховский А. А.</i> Фактор намеренности при контаминации (семантический аспект).....	111
<i>Нестерович Н. В.</i> Образ женщины во французской и итальянской лингвокультурах	114
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Немодальное употребление модального глагола <i>vouloir</i>	117
<i>Павловский В. А.</i> Препозиция и постпозиция прилагательного как явление стилистики во французском языке	1211
<i>Панкратова С. Н., Стрельцова Т. А.</i> Эллипсис как частное проявление компрессии текста (на материале современного французского языка).....	129
<i>Романкевич М. Н.</i> Сочетаемость возможности номинаций цвета во французском языке	13535
<i>Рыбчинская О. С.</i> Экспликация темы в метакоммуникативных комментариях интеррогативов (на материале французских политических ток-шоу).....	138
<i>Сарвилина С. С.</i> Франкоязычный рекламный дискурс: механизмы увеличения суггестивного потенциала	142
<i>Сытько А. В.</i> Деонтика в рекламном дискурсе: аномалия или норма?	145
<i>Талецкая Т. Н.</i> Синтаксические аномалии и их коммуникативное предназначение.....	152
<i>Темнохуд А. В.</i> Нарушение системных правил как способ проявления индивидуальности говорящего субъекта	154
<i>Устинович В. В.</i> О просодических характеристиках компонентов коммуникативной структуры французских устных высказываний с топикализированным элементом	157
<i>Flimonova I. Yu.</i> Image linguistique du locuteur natif du nord de la France par le biais de l'œuvre d'Alexandre Desrousseaux	161
<i>Чиркун А. Б.</i> Эстетическая оценка лиц женского пола (на материале испанского языка).....	165
<i>Щенникова Н. М.</i> Роль заимствований в словаре сокращений французского языка.....	169
<i>Яцкевич М.С.</i> Реализация аргументов предпочтения на материале современного французского языка	172
Наши авторы	176

CONTENTS

Preface.....	3
<i>Evchik N. S.</i> Language Anomalies Hidden by the Harmony of Speech	8
<i>Kuznetsov V. G.</i> Derivational Lacunae in the French Language	11
<i>Kurganova N. I.</i> An Integrative Approach to the Study of Word Meaning.....	14
<i>Nurakhmetov E. N., Kenzhigozhina K. S.</i> The Role of Intonation Metaphors in Text Interpretation.....	17
<i>Pisanova T. V.</i> The Aesthetic Specifics of the Novel by J. Cortazar «Hopscotch» as a Product of the Abnormal Literary Text	20
<i>Barteneva I. I.</i> On Conditions of Implementing Referential Evolution in Text	26
<i>Bartosh N. N.</i> The Position of the Structure “N + <i>il y a</i> ” among Means of Expressing the Category of Being	29
<i>Biyumena A. A., Mosse E. P.</i> Rhythmic Anomalies in the Poetic Text	32
<i>Bulat E. A.</i> Negation as a Mechanism of Speech Impact of Political Discourse	35
<i>Burlo V. D.</i> Observing certain Facts of Modern Spoken French Discourse	39
<i>Verezubova E. Ye.</i> “Money – Time – Water”: on the Figurative Basis of Economic and Finacial Vocabulary in French and Russian	44
<i>Gavrilovich A. A.</i> Pseudo-anonymity of the Personal Pronoun <i>tu</i> in Editorial Correspondence.....	48
<i>Gapanovich E. A.</i> Semantic and Syntactic Prospects of Coordination in the French Language.....	55
<i>Gracheva L. A.</i> Abbreviated Nominations in the Lexical and Semantic System of the Educational Sphere (Based on Modern French).....	62
<i>Grischenko N. M.</i> The Poetic Text as an Aesthetic Object in the Context of the “Spirit of the Times”	66
<i>Grushetskaya E. N.</i> The Communicative and Pragmatic Aspect of Pedagogical Discourse.....	69
<i>Dudina A. M.</i> The Peculiarity of Presenting the Concept of Money in French and Belarusian Linguacultures.....	72
<i>Zmudiak G. A.</i> Direct and Indirect Means of Expressing the Speech Act of Approval in French.....	77
<i>Kazlovskaya L. P.</i> The Psychological Aspect of Temporal Relations in Language	82
<i>Kolesnik S. A.</i> The Reflection of Gender Features in Modern Spanish Language Communication.....	86
<i>Kostuchenko V. Yu.</i> Modal Meanings of Irrealis Moods in Russian and English Network Talk Shows and Online Comments.....	889
<i>Kruchkova A. Ye.</i> The Conversion of the Historical Proper Name of a Person to a Common Name	93
<i>Lebedeva I. G.</i> The Prosody of TV News in Russian, Belarusian, and French	98
<i>Makarenko M. M.</i> Types of Differences in Terms of Content between Russian and English Paronyms Ending in <i>-ция / -tion</i> that go back to Common Latin Sources.....	100
<i>Manko N. I.</i> The Dynamic Nature of a Mono- and Polypropositive Simple Sentence.....	103

<i>Matsiusheuskaya I. V.</i> Prefixal Neologisms as a Means of Enriching the Language of the Media	108
<i>Myakhovsky A. A.</i> The Factor of Intention in Contamination (Semantic Aspect)	111
<i>Nesterovich N. V.</i> The Image of Woman in French and Italian Linguacultures	114
<i>Ovseichik Yu. V.</i> The Modeless Use of the Modal Verb <i>Vouloir</i>	117
<i>Pavlovsky V. A.</i> The Preposition and Postposition of an Adjective as a Stylistic Phenomenon in French	1211
<i>Pankratova S. N., Streltsova T. A.</i> Ellipsis as a Particular Manifestation of Text Compression (Based on Modern French)	129
<i>Romankevich M. N.</i> Combinability Prospects of Color Nominations in the French Language	135
<i>Rybchinskaya O. S.</i> Topic Explication in Metacommunicative Comments of Interrogatives (Based on French Political Talk Shows)	138
<i>Sarvilina S. S.</i> Francophone Advertising Discourse: Mechanisms to Increase Suggestive Potential	142
<i>Sytko A. V.</i> Deontics in Advertising Discourse: Anomaly or Norm?	145
<i>Taletskaia T. N.</i> Syntactic Anomalies and Their Communicative Purpose	152
<i>Temnokhud A. V.</i> Violation of the System rules as a Way of Manifesting Individuality of the Speaking Subject	154
<i>Ustinovich V. V.</i> On Prosodic Features of Constituents of the Communicative Structure of French Utterances with a Topicalized Element	157
<i>Filimonova I. Yu.</i> Linguistic Image of the Native Speaker of Northern France through the Work of Alexandre Desrousseaux	161
<i>Chyrkun A. B.</i> The Aesthetic Evaluation of Females in the Spanish Language	165
<i>Shchennikova N. M.</i> The Role of Borrowings in the French Dictionary of Abbreviations	169
<i>Yatskevich M. S.</i> The Realization of Preference Arguments in Modern French	172
Our authors	176

ПРЕДИСЛОВИЕ

С одной стороны, есть противоречие между нормой и аномалией, а с другой – если нет аномалии, то есть ли норма?

А.Н. Степанова

Выдающийся ученый-романист, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор Альбина Николаевна Степанова внесла неоценимый вклад в создание активно действующей школы функциональной лингвистики. Личность ученого интеллектуально и эмоционально важна для каждого, кто был знаком с ней, с ее трудами, со стилем работы в образовании и науке. Подготовив около 50 кандидатов филологических наук, Альбина Николаевна стоит в первом ряду ученых Беларуси по количеству и качеству сделанного по проблемам романских языков. Она щедро передавала знания своим ученикам, уделяя им много сил и внимания, прививала любовь к науке о языке, добросовестность, стремление к творческому поиску и самостоятельности. Сегодня все они трудятся в учреждениях высшего образования Республики Беларусь, а также ближнего и дальнего зарубежья, продолжая традиции своего наставника.

Жизнь Альбины Николаевны сопровождалась постоянным поиском ответов на вопросы, которые она сама же себе и задавала. Мы все хорошо помним ее лекционные курсы и научные семинары «Проблемы референции лингвистического знака» и «Язык и время: языковая / речевая деятельность, думающий / говорящий субъект». Она делилась идеями, но никогда не навязывала свои взгляды, уважая чужое мнение. Бескорыстие, умение слушать, готовность помочь коллегам и высочайшая работоспособность – ведущие качества Альбины Николаевны, которые неизменно притягивали всех, кто с ней общался, и вызывали глубокое почтение. Для нас она навсегда останется Учителем, примером бескорыстного служения науке и просвещению.

16 ноября 2018 г. состоялся международный круглый стол «Аномалия в языке, гармония в речи», посвященный памяти Альбины Николаевны. Сфера научных интересов его участников была чрезвычайно широка: от семантического синтаксиса, коммуникативной лингвистики и прагматики до когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации. Такое разнообразие поднимаемых проблем заставило уже известных ученых и молодых исследователей, еще начинающих свой научный путь, в ходе плодотворных дискуссий задуматься над поиском ответов на еще не решенные вопросы современной лингвистики. Найти противоречия в языке и речи и попытаться объяснить их природу собрались не только романисты и германисты из нашей страны, но и гости из России и Казахстана. Результаты активной работы участников круглого стола отражены в предлагаемом сборнике научных статей.

Коллектив авторов

Н. С. Евчик

(Минск, Беларусь)

АНОМАЛИИ ЯЗЫКА, СОКРЫТЫЕ ГАРМОНИЕЙ РЕЧИ

Несмотря на гармонию иноязычной речи, в перцептивной базе изучаемого иностранного языка наблюдаются аномалии, не позволяющие индивиду понимать языковой материал с первого предъявления. Статья раскрывает механизм и методику своевременного выявления аномалий слухо-перцептивного порядка.

Ключевые слова: перцептивная база языка, гармония иноязычной речи, аномалии языка, слоговые цепи, акцентно-ритмические структуры, понимание смысла, явления плюс / минус-сегментации.

В общем и закономерном процессе освоения иностранного языка лицами, начинающими его изучать для профессиональных целей в специальном вузе, примерно на втором году обучения наступает период, когда индивид, овладев значениями достаточного количества словарных лексических единиц и познав правила их грамматического конструирования в смысловые единицы и их последовательности, переходит от стадии воспроизводства речи к стадии ее практически самостоятельного порождения. Его относительно свободное участие в тематических диалогах, создание достаточно развернутых монологических высказываний информативного и аргументативного содержания производят впечатление человека, говорящего на иностранном языке, а значит, и адекватно понимающего иноязычную речь с первого предъявления. Это впечатление усиливается к середине/концу второго года обучения и оценивается на экзаменах баллами в диапазоне 7–10 единиц, поскольку гармония речи, выраженная достаточно хорошо актуализированным процессом ее артикуляции в рамках изученной тематики, выступает очевидной.

Тем не менее с использованием новых лингвистических знаний, разработанных при учете сведений из смежных с лингвистикой наук по нейропсихологии речи, появляется основание глубже исследовать процессы, происходящие в индивидуальной перцептивной базе языка, особенностью которой является то, что она, в отличие от артикуляции, скрыта от прямого наблюдения.

Из этих сведений известно, что речь – как прижизненно формирующаяся функция – является продуктом сложного развития: вначале, разделенная между двумя людьми, она носит развернутую форму, а при усвоении общечеловеческого опыта, постепенно свертываясь, приобретает черты внутреннего акта, свойственного каждому отдельному человеку. Процесс разворачивания и свертывания речи осуществляется в рамках речевой функциональной системы.

Речевая функциональная система, выступая результатом интегративной деятельности мозга и образованием сложнейшей уровневой иерархии, является суперсистемой взаимосвязанных субсистем – системой систем, функционирующих по единой архитектонике, – одновременно будучи субсистемой по отношению к функциональной системе поведенческого акта в целом. Низшие иерархические уровни речевой функциональной системы выполняют функции восприятия и воспроизводства речевых сигналов, а высшие обеспечивают операции с языком, представленным в памяти индивида абстрактными кодами – языковыми символическими обобщениями. Вместе взятые, эти высшие языковые обобщения составляют перцептивную базу языка – основу ведущих лингвистических действий индивида: понимания, запоминания, производства речи, чтения. И поэтому перцептивная база языка являет собой когнитивную реальность, существование и развитие которой обусловлены нейропсихологической и социальной природой человека, а также свойственной ему коммуникативно-познавательной деятельностью.

Проблема исследования процесса восприятия речи заключается в поиске ответа на вопрос о том, как человек воспринимает смысл сообщения, переданного ему при посредстве артикуляции другим индивидом. В научных терминах он получает следующую формулировку: «Как непрерывный речевой сигнал декодируется в отдельные, доступные пониманию дискретные единицы?»

Причиной сложности проблемы восприятия иноязычной речи служит то, что между артикуляторными, акустическими, перцептивными единицами и их языковыми коррелятами нет однозначного соответствия: артикуляторный, акустический и перцептивный коды имеют разную субстанцию, и переход индивида от одного кода к другому в рамках одного языка требует формирования эталонов каждого из них, тренировки в ловкости перекодирования, адекватного воссоздания исходно задуманной мысли.

Для решения поставленной проблемы обратим внимание на следующий факт: минимальной дискретной единицей речевосприятия и речепроизводства (т.е. декодирования речевого сигнала, так же, как и его кодирования) является не собственно звук, а *слог*. Именно слог, выступая полем для реализации фонем, выстраивает речевой поток в специфически расчлененные слоговые цепи и тем самым создает просодию звучания, которая формируется в соответствии с задуманным смыслом сообщения и складывается в устах говорящего индивида в «причудливый узор облеченных в звуки мыслей». В конечном итоге в постижении закономерностей артикуляции и адекватной перцептивной расшифровки звучащего речевого сигнала в виде создаваемых просодических узоров, свойственных языку, и состоит задача его освоения.

На фоне совокупной структуры просодической системы любого языка выделяется *ритм* как явление, имеющее свой, сугубо оригинальный (т.е.

системно значимый) характер – неповторимость в каждом из них. Осуществляясь в слоговых цепях посредством чередования ударных слогов со слогами безударными через более или менее одинаковые временные интервалы, ритм создает структуру смысловых единиц речи.

Для декодирования иноязычной речи в языковой перцептивной базе реципиента должны активизироваться лингвистические обобщения эквивалентных структур: они должны пройти сравнение по правилам, выработанным в процессе их формирования. Только положительный результат сравнения выводит индивида на нормативное понимание сообщения. Степень понимания воспринимаемого сообщения находится в прямо пропорциональных отношениях с количеством адекватно идентифицированных акцентно-ритмических структур, поскольку именно они выступают остовом всех типов смысловых единиц.

Однако при всей своей важности акцентно-ритмическим структурам речи характерно такое свойство, как неявность, то есть скрытость от прямого наблюдения. Объясняется это тем, что слоговой состав, обеспечивая – посредством своего вербального наполнения – план содержания, формируется в процессе динамики речи спонтанно и поэтому на уровне столь же динамично текущего восприятия характеризуется отсутствием явно контролируемых компонентов плана выражения. При этом для понимания сути выявления аномалии в перцептивной базе изучаемого иностранного языка важно подчеркнуть, что психофизиологические аспекты иноязычной перцептивной деятельности носят неявный характер не только для испытуемых, но и для исследователя. Стремление раскрыть этот исключительно тонкий по дифференциации адаптивный процесс позволило разработать диагностику по методу плюс/минус-сегментации слогов, позволяющую со всей очевидностью в перцептивной базе индивида наблюдать несоответствие системе изучаемого языка при интерпретации им смысловых единиц иноязычной речи, опознаваемых на слух.

Экспериментальное исследование данной проблемы позволило получить оценку степени аномалии языка через соотнесение ее с качеством воспринятых индивидом акцентно-ритмических структур. Выявлено, что наличие аномалии в перцептивной базе языка индивида обусловлено трансформацией слоговой структуры иноязычных смысловых единиц как следствия минус-сегментации или плюс-сегментации их слоговых элементов – 48 % и 9 % случаев соответственно, что приводит к неадекватности понимания звучащего высказывания в контрольной группе испытуемых. Плюс-сегментация подразумевает добавление несуществующих слогов, тогда как минус-сегментация означает отсутствие в восприятии тех слогов, которые реально звучат в иноязычной речи, и их замену на не имеющие места в звучании. Даже в тех случаях, когда перцепируемые единицы содержат адекватное количество

воспринимаемых слогов, их внутренняя организация в акцентно-ритмическую структуру может отличаться от аутентичной, в результате чего восприятие все же теряет искомое качество полноты и ясности смысла.

Напротив, своевременная работа, выполненная по технологии полисенсорного лингвотренинга в основной группе, обнаруживает в языковом сознании индивида минус-сегментацию в 13 % при системном соответствии на 87 %, которое является вполне достаточным, чтобы обеспечить понимание иноязычного сообщения в условиях высокой фоностилистической сложности.

В качестве вывода по процедуре диагностики аномалий в перцептивной базе языка индивида относительно системы изучаемого языка есть основание сформулировать следующий: нормативная результативность акта иноязычной коммуникации зависит от степени соответствия эталонов в языковой перцептивной базе индивида акцентно-ритмической структуре аутентичной речи, звучащей на изучаемом языке.

Despite manifestation of sufficient harmony in the individual's own foreign-language speech, in their language perception base there are anomalies interfering with understanding by ear from the first presentation of speech produced in the same foreign language. This article discusses the mechanism and method of timely identification of language anomalies at the hearing-perceptual level.

В. Г. Кузнецов
(Москва, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЛАКУНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется лакунарность аффиксальной деривации французского языка в когнитивном аспекте. Пространственная и временная категоризации, играющие значительную роль в формировании языковой картины мира французского языка, рассматриваются посредством значений аффиксов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лакуна, аффикс, словообразовательное значение, категоризация, сопоставительная дериватология, языковая картина мира.

Термин *лакуна* был введен в научный оборот франко-канадскими лингвистами Ж.-П. Винеи и Ж. Дарбельне [1]. Под словообразовательной лакуной понимается пустое место в словообразовательной системе языка, т.е. отсутствие аффикса при наличии в концептуальной сфере понятийного содержания, соответствующего этой единице. Наличие словообразовательных лакун во французском языке обусловлено его ограниченными деривационными возможностями в силу аналитического строя.

Так, пространственная категоризация со значением удаления в языке флективного строя (например, русском) вербализуется аффиксом *от-*,

а в языке аналитического строя (французском) – лексическими и реже грамматическими средствами либо никак не выражается. См.: *отплыть* – *prendre la mer, s'éloigner à la nage* (о людях, животных); *отбежать* – *s'éloigner en courant* (деепричастие образа действия); *отойти* – *s'en aller, partir*. В последнем примере значение удаления не является релевантным, и оно никак не выражается.

Пространственным категориальным признаком обладает префикс *в-* в значении ‘проникнуть, разместиться в к.-л. пространстве посредством способа, названного мотивирующим глаголом’: *влететь* – *entrer*; *вползти* – *se faufiler*. Во французском языке способ передвижения не вербализуется. В отличие от конкретной номинации действия в русском языке, французский ограничивается более общим обозначением действия в глаголе *врыть* – *planter*. А такое пространственное значение префикса *от-* как отделение части от целого может не выражаться во французском языке: *отрезать* – *couper*. В лексико-семантической системе имеет место лакуна.

Префикс *при-* характеризуется многозначностью. 1. Достижение цели движения (*прибежать*). Во французском языке есть глагольный префикс *а-* с тем же значением (*accourir*). 2. Доведение действия до определенного результата (*приневолить*). Данное аспектное значение не передается лексически во французском языке. Словарные эквиваленты совпадают с соответствующими бесприставочными глаголами (*forcer*). 3. Сближение, соприкосновение (*приставить*). Во французском языке значение префикса передается предлогом (*appuyer contre*). 4. Неполнота действия путем сжатия, уплотнения, давления сверху : *притаптывать* ч.-л. (ногами).

Категория времени отличается не меньшим разнообразием, чем категория пространства. Во французском языке отсутствует однословный эквивалент префиксу *за-*, имеющему значение ‘продолжительность действия’: *заждаться* – *attendre avec impatience, croquer le marmot* (употребляется однословный эквивалент, но в фамильярном стиле: *poireauter*).

В этом языке нет и эквивалента префиксу *про-* в значении ‘нереализованность к.-л. действия (часто с нежелательным результатом)’. Так, *проспать* передается описательно: *ne pas se réveiller à temps*; *проглядеть* (не заметить) – *ne pas apercevoir*; *прогулять* (пропустить уроки) – *manquer les classes, faire l'école buissonnière*. Префикс *про-* имеет также другие временные значения: ‘действие, непродолжительное во времени’ (*проболеть* – *être malade un certain temps*).

Префикс *от-* имеет такие значения, как ‘завершение, прекращение действия’: *отцветсти* – *perdre les fleurs*, *отзвонить* – *finir de sonner*; *отучить* – *faire perdre à qn. l'habitude de faire qch.*; ‘полнота действия’: *отоспаться* – *dormir son souûl, ~ à son aise*; ‘доведение действия до нежелательного состояния’: *отлежать* (руку, ногу) – *avoir le bras (le pied) engourdi*; *отсидеть* – *avoir les fourmis dans la jambe*.

Префикс *no-* русских глаголов передается на французский отдельно оформленными словосочетаниями, а в некоторых значениях вообще не передается. 1. Совершение действия в течение непродолжительного действия: *побегать* – *courir un peu*. 2. Действие с перерывами в ослабленной степени: *поглядывать* – *jeter des regards*. 3. Действие в ослабленной степени: *поохать* – *gémir, geindre*. Значение префикса не передается. 3. Распространение действия на все или многие объекты : *попрятать* – *cacher*. При передаче на французский язык происходит утрата значения префикса русского глагола. 4. Начало совершения к.-л. действия: *поползти* – *ramper*. Значение префикса также не вербализуется.

Префикс *до-* имеет значение ‘довести к.-л. действие до конца или до какого-н. предела’: *добелить, доварить, дочитать, домыть*. Ввиду отсутствия морфологического эквивалента значение этого префикса передается глаголом *achever* + основной глагол: *achever de blanchir, de cuire, de lire, de laver*.

Лакунарность суффиксов также имеет место в сопоставляемых языках. Во французском языке значительное количество лакун связано с русским суффиксом с абстрактным значением *-ость*: *необоснованность* – *mal fondé m.*, *незаменимость* – *impossibilité de remplacer*, *незаконченность* – *non fini m.*, *очередность* – *ordre successif / de priorité*, *последовательность* – *esprit de suite*, *недисциплинированность* – *manque de discipline*. Можно также упомянуть лакунарность существительных с суффиксом *-ение* : *избиение* – *voies de fait, passage à tabac*; *протезирование* – *mise en place des prothèses*.

Наличие словообразовательных лакун связано также с отсутствием уменьшительно-ласкательных суффиксов во французском языке. *Мальчишка, мальчуган, мальчик, мальчишечка, мальчонок* имеют во французском всего лишь два лексических эквивалента: *garçonnet* и *petit garçon*.

Следует заметить, что носители языка не осознают наличие лакун, которые можно выделить только при сопоставительно-типологических исследованиях и в практике перевода.

Основателем исследования словообразования в сопоставительном аспекте можно по праву назвать Ш. Балли. В работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» он последовательно сравнивает словообразовательные возможности префиксов глаголов в языках аналитического и флективного строя – французского и немецкого: «Немецкий язык выражает различные действия главным образом с помощью глагольных приставок: наследие, которое оставил индоевропейский язык и которое довольно хорошо сохранили германские, славянские и балтийские языки, в то время как латинский и романские языки почти им не пользуются» [2, с. 383]. По сопоставительной дериватологии французского и русского языков работ мало.

Неразличение словообразовательных, деривационных лакун может привести к ошибочным заключениям. Так, О. А. Огурцова неправомерно объясняет наличие во французском языке лакуны, эквивалентом которой

является отдельное слово *заварка*, тем, что в России привычка пить чай больше распространена, чем в странах Европы [3]. Между тем причина заключается в том, что во французском языке нет глагола *заваривать*, который передается глаголом с широким значением *faire (le thé)*.

Наличие лексических лакун – «пустых клеток» – в словарном составе языка объясняется не характером национального менталитета, а особенностями развития лексико-семантической системы, ее словообразовательными возможностями.

Деривация (в том числе префиксальная и суффиксальная) играет большую роль в категоризации и структуризации предметов и явлений объективной действительности. «Словообразовательная категоризация – процесс познавательной деятельности человека, позволяющий подвести объект под определенную категорию или рубрику опыта при помощи словообразования» [4, с. 6].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что словообразовательные средства играют существенную роль в категоризации и структуризации объективной действительности и тем самым формируют языковую картину мира французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vinay, J.-P.* Stylistique comparée du français et de l'anglais / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. – Montréal: Beauchemin, 1958. – 331 p.
2. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. *Огурцова, О. А.* К проблеме лакунарности / О. А. Огурцова // Функциональные особенности лингвистических единиц : сб. науч. ст. – Краснодар: КГУ, 1979. – Вып. 3. – С. 77–83.
4. *Абросимова, Л. С.* Словообразование в языковой категоризации мира / Л. С. Абросимова. – Ростов н/Д : ЮФУ, 2015. – 328 с.

The article dwells on the role of French prefixes and suffixes in space and time categorization in relation to the formation of French world within the paradigm of cognitive linguistics.

Н. И. Курганова
(Минск, Беларусь)

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В статье дается обоснование интегративного подхода к исследованию значения, выделяются его основные характеристики как живого знания. Раскрывается суть интегративного подхода к исследованию значения слова, предлагается модель смыслового поля как интегративной динамической модели значения, объединяющая значение и смысл, индивида и культуру, результаты и процессы когнитивно-дискурсивной деятельности.

Ключевые слова: значение, живое знание, интегративный подход, смысловое поле.

Признание ведущей роли человека в процессах функционирования значения позволяет рассматривать данную категорию с позиций *живого знания*, что полностью соответствует антропоцентрической парадигме. Последовательная реализация антропоцентрического подхода исходит из того, что человек является «главной фигурой» в процессах формирования значения, без которого в принципе не может существовать значение [1, с. 32–33].

Попробуем выделить основные характеристики значения с позиций антропоцентрической лингвистики.

1. Значение как живое знание отличается *двойной онтологией* – соотносённостью с индивидуальным и общественным сознанием. Положение о двойственной природе значения впервые было сформулировано А. Н. Леонтьевым [2], затем получило логическое развитие в работах А. А. Залевской [3; 4; 5]. Вхождение значения в индивидуальную и общественную системы знания обуславливает его диалогический характер. На интерсубъективную природу данной категории в свое время указывал Л. С. Выготский [6], а сегодня ее активно разрабатывают А. В. Кравченко [7] и Й. Златев [8].

2. Значение с позиций антропоцентрической парадигмы – это *биокультурное* и *социокультурное* понятие, поскольку оно «характеризует взаимодействие между организмом и средой» [8, с. 314]. Главная роль значения – помочь человеку адаптироваться в этом мире, в результате чего оно впитывает смыслы, идеи, ценности, актуальные для конкретных природных, исторических и социокультурных условий. Все это открывает широкие перспективы для изучения национально-культурной специфики значения, а также ставит задачу уточнения механизмов влияния культуры на его формирование и функционирование.

3. Отличительной особенностью значения как живого знания является его постоянное *движение* и *развитие*. В свое время Л. С. Выготский [6] на основе экспериментальных исследований убедительно доказал, что значение слова меняется по мере развития ребенка. А. Р. Лурия также всегда подчеркивал динамичный характер значения слова: по его мнению, «было бы величайшей ошибкой считать, что слова имеют неизменное, всегда одинаковое значение» [9, с. 223]. В отечественной лингвистике мысль о развитии значения высказывалась уже А. А. Потебней [10]. В современной психолингвистике проблема динамики значения активно исследовалась А. А. Залевской на богатом экспериментальном материале (см. [3; 4; 5]).

4. Значение как живое знание конструируется носителями языка и культуры, поскольку оно не дано изначально человеку, а вырабатывается в процессах интеракции в социуме. Это значит, что значение не «выучивается» в готовом виде, а постоянно *конструируется* познающим субъектом по правилам и моделям, выработанным в культуре.

5. Главным механизмом освоения и конструирования культурных значений является общение с другими людьми. Следовательно, значение постоянно функционирует в процессах *понимания* и *порождения смыслов*, поскольку именно смысл несет значимую информацию, представляющую особую ценность для индивида. Это значит, что значение как живое знание характеризуется слитностью со смыслом. Именно слитность значения и смысла является, по словам В. П. Зинченко, фундаментальным свойством живого знания [11, с. 27]. Таким образом, значение с позиций интегративного подхода – это не только результаты познавательной деятельности, которые можно описать через набор определенных признаков. Значение – это также совокупность когнитивно-дискурсивных процессов понимания; это континуальный процесс порождения смыслов. Значения и смыслы представляют «крайние точки» смыслового континуума – процессов и результатов смыслообразовательной деятельности человека.

6. Признание континуального характера значения, находящегося в тесной взаимосвязи со смыслом, позволяет строить динамические модели его функционирования (например, *интерфейсная теория значения* А. А. Залевской [5], *смысловое поле* Н. И. Кургановой [12]).

Смысловое поле объединяет коллективное и индивидуальное знания, результаты и процессы функционирования живого знания, индивида и социум. Это – двойственное образование, которое подчиняется закономерностям психической жизни человека и «впитывает» в себя социокультурный опыт общения и познания. В функционировании подобного смыслового поля можно выделить два вектора: *вектор освоения/понимания значений* и *вектор конструирования смыслов*, которые находятся в отношениях тесной взаимосвязи и взаимной дополнителности. Смысловое поле существует благодаря смыслообразовательной деятельности людей и ею определяется.

Разработка интегративной концепции значения требует отказа от «статичных» моделей значения предыдущих поколений и сдвигает акценты на построение динамических моделей, что возможно только лишь на основе подлинного антропоцентризма. Интегративный подход к исследованию значения смещает акценты с поиска необходимых и достаточных признаков значения на его функционирование, что позволяет объединить значение и смысл, человека и культуру в рамках единого смыслового поля, формирующегося в процессах познания и общения [13], а также предполагает обязательный учет среды и культуры, что позволяет исследовать национально-культурную специфику значения.

Разработка интегративной теории значения возможна только на основе содружества целого ряда научных дисциплин и творческого использования различных принципов и подходов. Интегративный подход позволяет восстановить целостность гуманитарного знания, которое оставалось «разорванным» в рамках системно-центрического подхода к языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская, А. А. Некоторые перспективные направления психолингвистических исследований / А. А. Залевская // Языковое сознание: парадигмы исследования: сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М.; Калуга : ИП Кошелев А. Б. (Изд-во «Эйдос»), 2007. – С. 24–39.
2. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М. : Смысл; Издат. центр «Академия», 2005. – 352 с.
3. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику: учебник / А. А. Залевская. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 560 с.
4. Залевская, А. А. Значение слова сквозь призму эксперимента / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. – 239 с.
5. Zalevskaya, A. Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach / A. Zalevskaya. – London : IASHE. – 2014. – 180 p.
6. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
7. Кравченко, А. В. Является ли язык репрезентативной системой? / А. В. Кравченко // Studia Linguistica Cognitiva. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1: Язык и познание. – С. 135–156.
8. Златев, Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения / Й. Златев // Studia Linguistica Cognitiva. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание. – С. 308–361.
9. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
10. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 615 с.
11. Зинченко, В. П. Психологическая педагогика: материалы к курсу лекций / В. П. Зинченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Самара: Самар. Дом печати, 1998. – 296 с.
12. Курганова, Н. И. Смысловое поле при моделировании структурных и операционных параметров значения слова / Н. И. Курганова // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология – 2012. – № 29. – Вып. 4: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 70–77.
13. Курганова, Н. И. Смысловое поле при моделировании значения слова / Н. И. Курганова. – Мурманск : МГГУ, 2012. – 296 с.

The author of the article offers an integrative approach to the study of the word meaning and tries to determine the main features and characteristics of the meaning as a living knowledge.

Е. Н. Нурахметов, К. С. Кенжигожина
(Астана, Казахстан)

РОЛЬ ИНТОНАЦИОННЫХ МЕТАФОР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

В статье авторы отмечают, что в интерпретации текста интонационные метафоры играют стилистическую роль и создают по контрасту с ожидаемым определенный стилистический эффект. Эти формы являются маркированными и осуществляют двойное кодирование высказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *интонация, метафора, стилистический эффект, длительность, форма, ритм, пауза, тембр.*

Лексические и грамматические единицы конкретного языка являются произвольными знаками, то есть не имеют естественной связи между содержанием и выражением. Мелодические формы не принадлежат к этой категории знаков. Естественная (и живая) связь характеризует эмотивные интонации, о чем свидетельствует типология: сходство модальных, вопросительных, побудительных и утвердительных интонаций в различных языках. Поэтому интонацию нельзя считать полностью произвольным знаком.

В качестве доказательства произвольности знака ученые обычно приводят в пример наличие синонимии и омонимии. В области лексикологии и грамматики эти явления многочисленны, но в области интонации – это, по мнению М. Ромпортла, исключительные случаи [1, р. 127].

Во многих европейских языках одна и та же мелодическая форма (или близкие формы) выражает вопросительную и одновременно утвердительную модальность. В то же время различные формы мелодики могут указывать на одну и ту же модальность. Например, мелодика общего вопроса (*да / нет*) во французском языке характеризуется повышением тона. Однако в своих экспериментах И. Фонадь наблюдал падение тона в этом типе вопросов без вопросительного слова [2, р. 220].

Таким образом, мелодическая омонимия и синонимия создают некоторую проблему в связи с мотивированностью интонационных знаков. Однако эта проблема легко разрешается, как только вводятся принципы преобразования, переноса и метафоры, которые распространяются на все виды знаков языка, включая и интонационные. Метафорическая трансформация происходит в риторических вопросах, где преобладает императив, и оформляется соответствующей (т.е. понижающейся) интонацией. Многие интонационные метафоры стали уже застывшими: например, повышение тона в вежливом приказании.

В интерпретации текста интонационные метафоры играют стилистическую роль и создают – по контрасту с ожидаемым – определенный *стили-стический эффект*. Эти формы являются маркированными и осуществляют двойное кодирование высказывания.

Интонация может не соответствовать синтаксической структуре, что также создает стилистический эффект. Так, интонация перечисления там, где его нет с точки зрения содержания, производит впечатление усталости и скуки. Вторичное (имплицированное) высказывание оказывается более важным, чем то, что передано словесным рядом. И. Фонадь считает правильным изучать интонацию в исполнении, в чтении, т.е. в тех случаях, когда мы имеем дело с сознательным выбором стиля и выражающих его звуковых средств.

Согласно этому ученому, существуют мелодические клише, которые ассоциируются с определенным смыслом. См.: *Mais bien sûr!*; *Ça va pas la tête, non?!* Говорящий может использовать эту мелодику в сочетании

с нейтральной фразой, которая обычно не употребляется с мелодическим клише данного типа. Он может произнести фразу *Il a une voiture* с мелодикой фразы *Mais bien sûr*. В этом случае мелодика сразу же вызывает в памяти слушающего исходный текст. Таким образом можно накладывать друг на друга различные типы текстов [2].

В случае грамматической и лексической омонимии помогает разрешающий контекст, но вопрос об интонации более сложен. Интонация настолько вариативна, что правильнее говорить о переработанной метафоре. Можно рассматривать переработку мелодической метафоры как своего рода наложение или совмещение нескольких простых мелодических форм. Имитирующие воспроизводили простую мелодическую форму (каждый свою), как бы разлагая сложную форму на составляющие. При этом из комплексного смысла выделялись его отдельные оттенки, а также варианты эмоциональных состояний.

Особое внимание в теории интонации уделяется паузам, которые возникают в речи далеко не случайным образом. Паузы различной длины могут изменить смысл последующего высказывания, создают психологическое напряжение. Как пишет И. Фонадь, они показывают поворотные моменты текста. В драматическом произведении и при чтении поэтических текстов существует особая стратегия расстановки пауз, происходит некая борьба паузы со словом, что создает драматическое напряжение [2].

Наряду с мелодикой, тембром, паузой и длительностью фонетисты традиционно включают ритм в круг просодических компонентов речи. В этом случае ритм должен пониматься в узком смысле, т.е. как некоторая периодичность в речи (чередование гласных и согласных, ударных и безударных слогов и т.п.). Однако ритм – как эстетическая и философская категория – имеет более широкое толкование: это способ организации пространственно-временного континуума. С этой точки зрения подходит к ритму А. М. Антипова. Она рассматривает ритм не как частное просодическое явление, а как «общезыковую систему, которая обнаруживается на всех уровнях языка и организует его в целом» [3, с. 101]. По ее мнению, отношение элементов ритмической системы определяется иерархическим принципом построения.

В этой связи представляется необходимым уточнить, что ритм все же не является компонентом системы языка и не повторяет иерархии уровней этой системы (фонема, морфема, лексема и т.д.). По нашему мнению, ритм принадлежит не единицам языка, а единицам речи (слово, фраза, сверхфразовое единство, текст) и упорядочивает их структуру с целью оптимизации восприятия. Действительно, сегменты текста организованы способом включения, и ритм – это способ превращения хаоса в порядок, наиболее ярко выступая в поэтическом тексте (стих, заговор, обряд, ритмическая проза и т.д.) и менее ярко – в научном и обиходно-разговорном стилях. На основании речевых сегментов можно построить ритмические схемы (например, схему распределения ударных и безударных слогов в синтагме).

Как утверждает А. М. Антипова, ритм может как бы манипулировать с различными компонентами (регулярная повторяемость звука, звукосочетания, мелодического подъема, интенсивности произнесения, регулярная смена тембра) [3]. Мы считаем, что эти компоненты нельзя включать в ритмическую систему как таковую, и придерживаемся той точки зрения, что существуют различные элементы языка, периодическое повторение которых создает ритм текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Romportl, M. Synonymy and homonymy / M. Romportl // Studies in Pronetics. – Prague: Academia, 1973. – P. 127–146.*
2. *Fonagy, I. La métaphore en phonétique / I. Fonagy. – Ottawa: Didier, 1980. – 220 p.*
3. *Антипова, А. М. Ритмическая система английской речи / А. М. Антипова. – М. : Высш. шк., 1984. – 119 с.*

Metaphors play a great role and create certain stylistic effect when interpreting the intonation. These forms are marked and carry out double coding of utterance.

Т. В. Писанова

(Москва, Россия)

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА Х. КОРТАСАРА «ИГРА В КЛАССИКИ» КАК ПРОДУКТ АНОМАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье исследуется специфика реализации принципов и механизмов языковой аномальности в романе «Игра в классики» аргентинского писателя Х. Кортасара с целью осмысления последовательного использования языковой аномальности как основного приема текстопорождения и средства моделирования особого художественного мира. Поставленная цель способствует осуществлению комплексных исследований языковых аномалий в художественном повествовании отдельного автора и определению общих закономерностей моделирования аномального художественного мира и художественного текста. Определение смысловых доминант художественного повествования Х. Кортасара в аспекте аномальной языковой концептуализации мира и общих принципов текстопорождения позволяет усовершенствовать критерии разграничения аномальных и узуальных явлений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *языковая аномальность, художественный текст, Хулио Кортасар, «новый роман», текстопорождение, эстетическая специфика.*

Проблема языковой аномальности представляет теоретический и практический интерес в связи с многочисленными и разнообразными нарушениями и отклонениями от известных закономерностей функционирования языка. Современные ученые высоко оценивают повышенную информативность аномальных явлений в сфере языка. «Непорядок информативен уже

потому, что не сливается с фоном» [1, с. 76]. Аномальные высказывания и тексты нередко приобретают эстетический эффект в восприятии адресата. Прагмасемантическая природа аномальности способствует тому, что любая языковая аномалия способна стать фактом эстетического (художественного) использования языка. Кроме того, функциональная значимость аномалий предполагает осознанное применение разнообразных возможностей в плане эстетической выразительности. Изучение языковых аномалий в художественном тексте как отклонений от системных закономерностей коррелирует с текстоцентрическим подходом, предполагающим противопоставление «естественного» и «семиотического» режимов существования для любого объекта (или класса объектов) реальной действительности [2, с. 594].

Аномальность в художественном тексте соотносится с темой нелинейного характера базовых единиц и категорий естественного языка. Комплексный характер актуализации языковых аномалий в художественном тексте связан с проблематикой «язык как творчество», с изучением эстетической и шире – культурной значимости языковой игры и языкового эксперимента. По мнению некоторых исследователей, существует «поэтика языковой деформации» как поиск новых средств языковой выразительности для художественного освоения меняющегося мира [3, с. 200].

Объектом исследования является феномен языковой аномальности, понимаемый в широком смысле как значимое отклонение от принятых в литературной и языковой среде стандартов, имеющее языковой характер манифестации, но не эталонную системно-языковую природу. Предметом настоящего исследования является специфика реализации принципов и механизмов языковой аномальности в романе «Игра в классики» аргентинского писателя Х. Кортасара – одного из самых популярных и авторитетных прозаиков второй половины XX столетия, принятого в равной степени как интеллектуалами, так и неискушенными читателями. Цель исследования состоит в осмыслении последовательного использования языковой аномальности как основного приема текстопорождения и средства моделирования особого художественного мира, что способствует осуществлению комплексного изучения языковых аномалий в художественном повествовании отдельного автора и определению общих закономерностей моделей аномального художественного мира и художественного текста, характерных для мировой литературы. Определение смысловых доминант художественного повествования Х. Кортасара в аспекте аномальной языковой концептуализации мира и общих принципов текстопорождения позволяет усовершенствовать критерии разграничения аномальных и узуальных явлений. Для достижения этих целей и задач необходим эмпирический материал, обладающий специфическими свойствами языковой аномальности.

Обратимся к середине XX в., когда постмодернистские литературные эксперименты вышли за рамки традиционного романа в сферу «нового

романа», и художественный дискурс стал оцениваться по тем или иным причинам как девиантный. Художественные произведения-проекты Х. Кортасара демонстрируют новый путь движения в сторону постромана (или «нового романа») в русле тенденций развития современного художественно-эстетического сознания. Они весьма репрезентативны с точки зрения целостного понимания принципов «аномализации» языка и текста. Такие литературные проекты, как «Игра в классики», «Конец игры», «62. Модель для сборки» и другие, больше, чем просто романы, это постмодернистские продукты рубежа эпох и культур. Сила игры – во всемогуществе фантазии и веры. Основа творчества для Х. Кортасара – в поэзии, а суть поэзии – игра. Его любимыми героями неизменно являются фавориты игры – дети, чудачки, поэты, люди богемы. С помощью игры, регулируя свои поступки по строгим законам, ими самими изобретенным, они пытаются преодолеть абсурдность большого мира, от них не зависящего, неорганизованного, однако считающегося правильным и закономерным [4, с. 17]. Игра предстает как способ отгородиться от реальности, возможность украсить серую повседневность, попытка преодолеть реальность. Как подчеркивает Вс. Багно, Х. Кортасар демонстрирует необозримые возможности игры, показывает пронизанность ею всей нашей жизни: игра словами, игра в любви, игра с общечеловеческой моралью. Показательно, что уже в первой фразе романа писателя речь идет об «игре в жизнь». Все эти произведения развиваются, «ветвятся», достраиваются, вовлекая в постмодернистские языковые игры наиболее эстетически развитых читателей.

Атмосфера игры пронизывает главный роман, демонстрируя все ее оттенки. Предложенные Кортасаром два возможных и равноправных способа чтения романа – это тоже игра. «Петляющий» способ чтения – это аналог игры в классики: перемещаться по сложной траектории по клеточкам-главам, пока не попадешь на «Небо», то есть пока не откроется авторский замысел во всей полноте и глубине. Игра – это в известном смысле Потерянный Рай человечества, как и детство для взрослого. Сосуществование, взаимодополняемость и несовместимость *homo sapiens* и *homo ludens*, мыслящего человека и играющего, являются одной из основ творчества Х. Кортасара.

Роман Х. Кортасара – полифоничный, полисемантический, полижанровый текст – наводит на литературные параллели, будучи аналогом таких романов XX в., как «Улисс», «Сто лет одиночества», «Шум и ярость», «Мастер и Маргарита», «Сад расходящихся тропок», «Хазарский словарь». Он может быть приобщен к гиперинтеллектуальному этапу творчества автора, в котором преобладает эстетический принцип постижения действительности [5, р. 20]. В «Игре в классики» осуществлена своеобразная возгонка магического реализма, абсурдизма и других авангардистско-модернистских приемов. Следуя законам гипертекста, роман «ветвится», в нем множество цитат, переосмысливающих литературу далекого и недавнего прошлого. Что

касается литературных ассоциаций, то Х. Кортасар искусно вплетает в ткань романа изощренную игру с классической литературой. Не случайно постмодернистский роман называют новой классикой, или «новым романом»: идеи симметрии, строго выверенные параллели. Каждая глава романа композиционно выверена и представляет самостоятельную художественную ценность. Х. Кортасар парадоксально сочетает избыточность литературных приемов с минимализмом языковых средств. Наряду с критикой языковой практики автор прокламирует задачу создания нового языка. Первый такой опыт сделан в главе 68 «Игры в классики»: персонажи романа, Оливейра и Мага, возмущаются ханжескими табу, жеманством и условностями, с какими люди вокруг них говорят о сексуальных отношениях, изобретают понятный лишь им двоим язык для описания любовных сцен.

Критика языка, которой занимаются персонажи романа, происходит на фоне сбивчивых и непоследовательных теоретических рассуждений автора. Его позиция состояла в том, что роман нацелен на прямую атаку на язык, так как, по мнению писателя, язык обманывает практически на каждом слове. При этом Кортасар восставал не против языка в его полноте или в его сущности, а против его употребления, против определенного языка, который ему казался фальшивым, приспособленным к неблагоприятным целям. Свою цель автор романа видел в восстановлении слов, подвергшихся дискриминации в классовом обществе, а также в разрушении клише, очищении слов от прилипшего дурного смысла. Х. Кортасар наделяет персонажей страстью, с которой они возмущаются литературными, газетными и бытовыми штампами, высмеивают фарисейскую выпренность и красоты стиля, извлеченные из академического языка.

В жанрово-видовом плане роман «Игра в классики» синтезирует черты драмы, трагикомедии, мелодрамы, детектива. Его можно назвать и произведением-притчей, повествующим о страстях человека XX века. В произведении прослеживается самохарактеристика, соответствующая истокам постмодернистской стилистики, но не она определяет богатство его формы-содержания. Кортасар выдвигает своего рода манифест перехода от романа к построману, при этом автор во многом апеллирует к идеям авангарда 1960 гг.

В романе присутствует лингвистическая мистификация. «Игру в классики» можно интерпретировать в духе дерридианской игры, которую до дна не исчерпать, до последнего винтика не развинтить. Языковые идентификаторы личностей героев образуют абстрактную картину, сотканную из стилизованной формулы ДНК. Х. Кортасар, по сути, заявляет о том, что традиционный роман лишен перспектив развития из-за тирании слова. Автор провозглашает будущее за новым языком, способным стать самодостаточным содержанием конкретного литературного жанра как эстетического и творческого явления. Автору действительно удалось избавиться от многих тираний языка и жанровой формы и создать нечто новое. Это относится

в первую очередь к замысловатым сериям интертекстуальных двойных экспозиций и наложений, эффекта перелистывания текста романа. Несмотря на то, что аргентинский писатель выступает против литературно-повествовательного романа, на практике он реализует сочетание экспериментальных и классических средств художественного выражения.

Свой литературный проект Х. Кортасар задумал как своеобразный кинороман в виде потока сознания, возрождающего магию кино, как альтернативу дискретности современного потока литературных образов. «Игра в классики» содержит множество ракурсов. Это – метафора современности, метафора человека своего времени – путешественника из Латинской Америки, которому казалось, что перед ним открыт весь мир, и прежде всего Париж, но при этом это – метафора памяти, хранящей все самое дорогое и ценное. Названия станций, метро, улиц, площадей, бульваров, набережных и мостов Парижа звучат как заговоры и заклинания. Европейский опыт оказался для писателя положительным и, по воспоминаниям Освальдо Сориано, косвенно повлиял на создание аргентинской литературы, так как Кортасар писал на испанском языке [6, с. 259]. Главный герой Оливейра в этом ракурсе – не только пример всего пережитого, но и воображаемого.

Вместе с тем главное у Х. Кортасара – эстетизм, соседствующий с символикой. Символичны и многочисленные повторы, маркирующие наиболее значимые события в жизни героев. «Игра в классики» – пример постмодернистской дисгармоничной гармонии на разных уровнях текста. Совокупность всех глав (частей) образует целостную фреску, создает ощущение совершенной композиции. С дисгармоничной гармонией связана и присущая роману антиномичность: в ней переплетаются высокое и низкое, духовное и физиологичное, возвышающее и шокирующее, прекрасное и безобразное. Все классические и современные категории в тексте искусно гармонизированы, что создает ощущение квинтэссенции эстетического в его сегодняшнем понимании. Единство эмоционального и интеллектуального смыслов приковывает внимание читателя. Эрудиция автора романа оказывается способной генерировать художественную концепцию высокого эстетического уровня. В романе присутствуют и переборы, редкие ошибки вкуса. Возможно, это осознанная стратегия в русле нонклассики с приверженностью к гротеску и шоковой эстетике. Такого рода издержки не отменяют и не затемняют главное: своеобразный разговор с собой и читателем – впечатляющее проявление игрового начала, Игры с большой буквы как ипостаси эстетического в его современном понимании. Эта игра постоянно развивается, обогащается новыми смыслами, проявляется в новых формах.

Эффекты возврата и перелистывания придают роману то качество, которое наделяет текст живостью и игривостью. Анализировать отдельные эпизоды можно бесконечно долго. В целом они создают ощущение творческой силы, неисчерпаемой фантазии писателя-игрока, на основе игровой техники открывающего окна в мир игры.

Литературный эксперимент Х. Кортасара рассчитан на интерактивный отклик читателя. Представленный проект «оживления» классического романа, развития сюжета во времени и пространстве, направлен на актуализацию его вневременного смысла, при этом модная деконструкция сюжета не оборачивается банальной деструкцией. Амбициозный замысел писателя основывается на обыгрывании ставших уже классическими для XX в. тем: интерьерное–экстериорное, материальное–нематериальное, мужское–женское, хозяин–гость, Восток–Запад. Постмодернистская стратегия включает в себя игру с кичем: осознанное инкрустирование его элементов в художественную ткань романа призвано очищать кич, превращать его в одну из ироничных фигур стиля. Сама жизнь воспринимается как текст, игра знаков и цитат, требующая деконструкции. Ироническое отношение к массовой культуре как к кичевой, тривиальной, невыразительной, некрасивой, плоской позволяет эстетизировать ее как оригинальную, альтернативную, другую по отношению к классической культуре. Увлечение Х. Кортасара эстетикой лени – подробное описание сцен необремененного трудом ежедневного существования героев романа – тесно связано с интерпретацией символов. Из-под игровой оболочки романа просвечивают глубинные экзистенциальные смыслы.

Роман Х. Кортасара «Игра в классики» – это разомкнутая структура, «петляющая» во времени и пространстве, стремящаяся раздвинуть рамки современного романа и создать обновленный жанр, соответствующий эстетическому опыту и менталитету современного человека. Вместе с тем следует подчеркнуть, что литературный эксперимент Х. Кортасара доказал не возможность создания нового языка, а принципиальную невозможность разрушения естественного языка. Языковые аномалии «Игры в классики» выступают как конструктивный мирообразующий и текстообразующий фактор художественного повествования, в котором девиантность является воплощением аномального мира и аномальных способов его художественного освоения.

Языковые аномалии художественного текста принципиально не подлежат исчерпывающему истолкованию, при этом чем качественнее текст и талантливее автор, тем больше возможностей его множественной интерпретации. Присутствие в мировой культуре, литературе и языке воспроизводимых в разных вариантах моделей аномальной концептуализации мира, языка и наррации, обладающих значительным эстетическим потенциалом, в высокой степени востребовано современным читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Лотман, Ю. М. Семиосфера: культура и взрыв, Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – 704 с.
3. Зубова, Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л. В. Зубова. – М. : Новое лит. обозрение, 2000. – 432 с.

4. Багно, В. Хулио Кортасар, или Правила игры с классиком / Х. Кортасар // Собр. соч.: в 4 т. / пер с исп.; сост. и предисл. В. Багно. – СПб. : Северо-Запад, 1992. – Т. I. – 672 с.
5. Bianchi, R. Julio Cortazar. El dedo en el ventilador / R. Bianchi. – Cuba, La Habana, 1983. – № 77. – P. 20.
6. Сориано, О. Писатель, страна, утрата / О. Сориано // Латинская Америка: лит. альманах. – М., 1986. – Вып. 4. – 259 с.

The subject of the study is the specifics of the implementation of the principles and mechanisms of linguistic anomaly in the novel *Hopscotch* by Argentine wrighter Julio Cortazar. The purpose of the study is to analyze the consistent use of the language anomaly as the main method of text generation and means of modeling a special artistic world. The goal is to study linguistic anomalies in the artistic narrative of the individual author and to determine the general patterns of the anomalous artistic world and literary text. The definition of semantic dominants of the artistic narration of J. Cortazar in the aspect of the anomalous linguistic conceptualization of the world and the general principles of text generation makes possible to improve the criteria for the distinction between anomalous and usual phenomena.

И. И. Бартенева
(Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ В ТЕКСТЕ

Появившееся в последнее время понятие *эволютивный референт* указывает на возможность восприятия динамичности референта и соотносится не с конечным результатом процесса развития и появлением качественно нового, а свидетельствует о сохранении соотнесенности с одним и тем же референтом, но с допустимыми изменениями. Предметы и индивидуумы могут меняться, но есть определенный предел. Поэтому остается комплекс нерешенных вопросов, связанных, прежде всего, с приоритетом материи или сознания. Роль лингвистики заключается в том, что она с помощью своих средств готовит нас к реализации или изменению референции имени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *референция, референт, эволютивный референт, кореференция, лингвистические средства, когнитивный фактор.*

Референция характерна для всех лингвистических знаков как свойство, позволяющее отсылать к экстралингвистическим реалиям. Референт представляет собой реальный (конкретный) предмет/объект, обозначаемый именем в актуальной речи. «Предметная природа имени способствует тому, что оно оказывается основной референциальной единицей» [1, с. 129].

В лингвистике уже давно ведутся споры о том, динамичен (т.е. изменяем) ли сам референт. Появившееся в последнее время понятие *эволютивный референт* указывает на возможность восприятия динамичности референта. Речь идет прежде всего о представлении референта как объекта действительности в его развитии, то есть определенной эволюции, не затра-

гивающей его природную сущность. Эволютивный референт соотносится не с конечным результатом процесса развития и появлением качественно нового референта – продукта каких-либо преобразований. Он свидетельствует о сохранении соотнесенности с одним и тем же референтом, но с допустимыми изменениями (трансформациями), имеющими место в процессе его эволюции. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что референты – индивидуумы или объекты – модифицируются естественным путем или же под влиянием каких-либо причин извне. Сравним такие известные случаи, как превращение тыквы в карету в сказке о Золушке, гусеницы в бабочку или же случай с листком бумаги, из которого делают какую-либо поделку. Вопрос состоит в том, чтобы уточнить лингвистические средства, используемые для выражения подобных изменений, а отсюда и выявить последствия их реализации.

Как и до каких пор мы можем называть одним именем вещь, если она подверглась изменению? Ответ затрагивает онтологическую основу вещи. Еще Гераклит говорил о том, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды (или это возможно?). Может ли сущность оставаться одной и той же, если в ней нет неизменного ядра? В то же время естественные изменения тела (и духа) противоречат этому. Так, актер В. Машков в одном из своих интервью называет себя в 20-летнем возрасте в 3-ем лице, так как считает, что он в молодости и он сейчас – два разных человека, две личности. Подтверждением тому, что мы в детстве и в зрелости можем быть разными личностями, является то, что наши декларативные знания меняются не только количественно, но и качественно, становятся иерархически другими. А как быть с человеком, сделавшим пластическую операцию? Как отнестись к тому, что какая-то вещь реального мира может быть представлена в чьем-то сознании в двух вариантах, причем сам человек может даже не подозревать, что это одна и та же вещь. «Понятие референции знака включает не только различные объективные (отражательные) связи с действительностью, но и их субъективную интерпретацию говорящим» [1, с. 129].

Если заменить у какой-либо вещи незначительную деталь, то речь будет идти, по всей вероятности, об одной и той же вещи, но если большая часть будет заменена, то это уже, видимо, будет другая вещь. Точно так же первый объект, превратившийся в сказках (или в фантастической литературе) в другой, нужно принимать за два – первичный и вторичный – разных объекта. Аналогичная ситуация складывается и в драматургии. Актер, без сомнения, вкладывает в характер персонажа частицу себя, но это всего лишь частица (маска), а большинство людей опознает сущность по внешней форме, а не по внутренней. А отсюда часто происходит отождествление артиста с его персонажем. Что же касается зеленого и созревшего лимона, то он все равно остается лимоном, как и человек, ставший ученым, артистом, плотником и т.д., остается этим человеком.

Предметы и индивидуумы могут меняться, но есть определенный предел. Поэтому остается комплекс нерешенных вопросов, связанных прежде всего с приоритетом материи или сознания. По какому из признаков – внешних или внутренних – определить, имеем ли мы дело с одним объектом или перед нами другой объект? Например, когда человек превращается в сказках, мифах или легендах в животное, то остается ли он человеком, если мы уже «не видим» его души, мыслей? Или, наоборот, человек, ставший животным, может ли считаться таковым, если он продолжает мыслить по-человечески? Иначе говоря, можем ли мы принять следующее предположение: «Si réellement, un homme est transformé en insecte, alors son cerveau deviendra ipso facto celui d'un insecte et il n'y a donc plus de raisons de considérer qu'il puisse encore avoir des pensées d'homme ?» [2, p. 17].

Вопросы, которые необходимо рассматривать, охватывают одновременно область когниции и область языка: «Il devrait être clair que la réalisation d'une référence, ou mieux «l'accomplissement d'une référenciation» est un acte psychique où un agent cognitif apparie une séquence en langue et une situation sensible extralinguistique» [3, p. 210]. Роль лингвистики заключается в том, что она с помощью своих средств готовит нас к реализации или изменению референции имени. Лингвистический способ выражения – это лишь код, позволяющий вступать в коммуникацию. Актуализация говорящим человеком лексического и синтаксического порядка устанавливает последовательность, которая ассоциирует предмет с внешним миром. Успешность этого действия предполагает, что именно когнитивный фактор подчиняет себе различные лингвистические системы и правила употребления, которые с ним ассоциируются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанова, А. Н. О референции имени и глагола / А. Н. Степанова // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: материалы докл. Междунар. конф., посвящ. 50-летию МГЛУ : в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.] – Минск, 1998. – Ч. 2 – С. 129–130.
2. Ferret, F. Le philosophe et son scalpel / F. Ferret. – Paris : Minuit, 1993. – 112 p.
3. Tyvaert, J.-E. Le verbe comme germe de la préparation linguistique à la référenciation / J.-E. Tyvaert // Recherches linguistiques. – Paris : Librairie Klincksieck, 1997. – № 20 : La continuité référencielle. – P. 209–228.

The article deals with the problem of the evolving referent and linguistic means that are used to show it in the text. This question is considered from the cognitive point of view.

Н. Н. Бартош
(Минск, Беларусь)

МЕСТО СТРУКТУРЫ «N + *il y a*» В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ БЫТИЙНОСТИ

Статья посвящена анализу малоизученной синтаксической структуры «N + *il y a*». Несмотря на особое коммуникативно-прагматическое назначение она сохраняет общую семантику бытийности за счет присутствия бытийной формулы *il y a*. Сравнение с традиционными личными и безличными бытийными предложениями позволило выявить ее промежуточный статус в системе средств выражения категории бытийности, определяемый как формально-бытийный.

Ключевые слова: категория бытийности, личные и безличные бытийные предложения, бытийная формула *il y a*, говорящий.

Основное предназначение широко распространенных во французском языке безличных предложений с предикатом, выраженным бытийной формулой *il y a* ‘есть, имеется’, состоит в первичном утверждении бытия предмета или его введении в речь, что закономерно предполагает конечную позицию именного компонента. Например: *Parmi tous les tigres, il y a des tigres blancs* ‘Среди всех тигров существуют (букв. есть) белые тигры’; *Dans ce zoo, il y a des tigres blancs* ‘В этом зоопарке есть белые тигры’. Однако наряду с традиционной бытийной структурой «*il y a* + N» также возможен и обратный порядок следования ее компонентов: «N + *il y a*» [1, p. 249–250]. При этом в препозиции, как и в постпозиции, лексическая наполняемость именного компонента достаточно разнообразна.

Ср.:

*La faute – si **faute** il y a – me paraît, à moi, bien légère!* ‘Его вина – если **вина имеется** – лично мне кажется очень незначительной!’ (G. Bernanos).

*Comme ça le studio, puisque **studio** il y a, reste libre pour quand j’ai une réunion de gens...* ‘Таким образом студия, поскольку **студия имеется**, остается свободной, когда у меня собираются люди...’ (J. Romain).

*Le jury le plus sévère – quand **jury** il y a – n’est pas toujours aussi libre qu’il conviendrait* ‘Самое строгое жюри – когда **жюри есть** – не всегда настолько свободно, как подобало бы’ (L. Edmée).

Анализ практического материала показал, что синтаксически структура «N + *il y a*» реализуется только в форме придаточного предложения, которое имеет вторичный – необязательный – характер, подтверждаемый возможностью его опущения без нарушения общего смысла основного высказывания. Однако при этом теряется важная прагматическая информация, что нарушает целостность восприятия представляемой ситуации с позиции самого говорящего. Придаточные предложения, включающие структуру

«N + *il y a*», используются говорящим намеренно и целенаправленно для выделения (благодаря порядку слов) прагматически значимого элемента высказывания, уже введенного эксплицитно или имплицитно предшествующим контекстом или коммуникативной ситуацией, а также для выражения персональной позиции к факту его существования (как правило, связанной с его достоверностью) и воздействия на адресата. Цель воздействия может быть разной: например, вызвать интерес к выделяемому компоненту высказывания, подчеркнуть его важность или, наоборот, зародить сомнение в его истинности, уместности и тем самым повлиять на восприятие адресатом информации, значимой для говорящего.

В то же время, несмотря на особое коммуникативно-прагматическое предназначение за счет присутствия формулы *il y a*, структура «N + *il y a*» сохраняет общую семантику бытийности ('N есть / имеется'), что закономерно вызывает вопрос о ее логико-семантическом статусе и соотносительности с другими средствами выражения данной категории.

С одной стороны, начальная позиция именного компонента, конечная позиция предиката и отсутствие локативного компонента (его наличие не требуется, поскольку не вводится новый предмет, требующий пространственно-временной локализации) сближают структуру «N + *il y a*» с классическими субъектно-предикатными личными бытийными предложениями типа *N est; N existe* 'N есть; N существует'. В этой связи А. Блинкенберг отмечает переход *il y a* от интродуктивной роли к более выраженному предикативному значению [2, р. 84], допуская, таким образом, возможность функционального уподобления *il y a* полнозначным глагольным предикатам *être* и *exister*. Однако полное признание данной точки зрения также означает, что основная смысловая и информационная нагрузка в рамках структуры «N + *il y a*» отводится безличному предикату *il y a*, за которым – наряду с *être* и *exister* – следовало бы признать способность выражать «экзистенциальный признак» предмета, т.е. сообщать о его реальности как таковой, но фактический материал исследования это не подтверждает.

Ср. следующий отрывок:

Je n'avais jamais relu ce premier tome, autrement que partiellement <...>. Me voici rassuré, si j'en avais besoin: l'œuvre, si œuvre il y a et œuvre il y a, existe 'До сих пор я никогда не перечитывал первый том, разве что частями <...>. И вот я успокоен, раз уж в этом я нуждался: **труд, если труд есть, а труд есть, существует**' (С. Mauriac), где автор, говоря об одном и том же предмете, прибегает одновременно и к структуре «N + *il y a*», и к предложению с глаголом *exister* в личной форме, разграничивая их логико-функциональное предназначение. Мысль о реальности предмета (литературный труд завершен и обладает «признаком существования в действительности») актуализируется при помощи полнозначного предиката *существовать* (*l'œuvre existe* 'труд существует'). А придаточное предложение *si œuvre il y a et œuvre il*

у а ('если труд есть, а труд есть') имеет иное предназначение: выделяя слово *œuvre*, говорящий акцентирует его значимость для представляемого положения дел, а также передает свои внутренние субъективные переживания, касающиеся уверенности в успешном окончании данной работы, чему способствует наличие подчинительного союза *si* в его первичном гипотетическом значении.

Таким образом, в отличие от предложений с личными бытийными глаголами, в информационном фокусе структуры «N + *il у а*» остается бытующий предмет, а формуле *il у а* в большей степени отводится роль предикатной «опоры», необходимой для построения синтаксически законченного предложения. В этой связи имеется основание говорить о *формально-предикативной функции* бытийной формулы *il у а*. Определение «формально» подчеркивает, что речь идет только о ее поверхностном уподоблении полнозначным личным предикатам в силу отсутствия способности полноценно выражать экзистенциальный признак предмета.

В то же время в рамках анализируемой структуры формула *il у а* сохраняет способность к интродукции, т.е. введению новой для адресата информации. При этом ее новизна связана не столько с бытующим предметом как таковым, хотя в ряде случаев он может соотноситься с еще не существующим в реальности (т. е. потенциально «новым» объектом, лицом или явлением). Новизна содержащейся в структуре «N + *il у а*» а информации обеспечивается, в первую очередь, наличием эмфазы: выделяемый элемент ситуации представляется для адресата с новой позиции, отражающей точку зрения говорящего. В этой связи можно говорить о *формально-интродуктивной функции* *il у а*. Определение «формально» указывает на ее условный характер: традиционная интродукция заключается в первичном введении предмета с целью его последующего употребления в речи, что, как было показано, не соответствует основному предназначению структуры «N + *il у а*».

Оба вида бытийных отношений – субъектно-предикатный и интродуктивный – совмещаются в синтаксической семантике структуры «N + *il у а*» в нерасчлененном виде, поэтому представляется возможным говорить о ее синкретичном характере. В зависимости от прагматических установок говорящего и характера сообщаемой информации одна из функций *il у а* – формально-предикативная или формально-интродуктивная – может представляться «доминирующей», не исключая при этом двойственности всей структуры.

Таким образом, структура «N + *il у а*» имеет особое – промежуточное – положение внутри парадигмы основных средств выражения бытийности французского языка. По своей функциональной специфике она отличается как от личных, так и от классических безличных бытийных предложений. Структура «N + *il у а*» не используется для традиционного описания объективной (или вымышленной) действительности с точки зрения существования и наличия в ней различных объектов, живых существ и явлений или выражения

их экзистенциальных признаков. Ее актуальный смысл создается не только «буквальным» значением составляющих ее компонентов, а в значительной степени предопределяется целевыми установками говорящего, что в совокупности дает основание определять ее статус как формально-бытийный. Как и в случае классической бытийной структуры «*il y a* + N», информационным центром формально-бытийной структуры «N + *il y a*» является именной компонент. Однако если в первом случае он становится им автоматически в силу своей новизны для адресата и конечной (рематической) позиции, в формально-бытийной структуре вынесение именного компонента в информационный фокус определяется его прагматической значимостью с позиции говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Grevisse, M. Le Bon Usage* / M. Grevisse, A. Goosse. – 16e éd. – Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016. – 1760 p.
2. *Blinkenberg, A. L'ordre des mots en français moderne* / A. Blinkenberg. – Copenhagen: Levin and Munksgaard, 1928. – 241 p.

The article is devoted to the analysis of the specific syntactic French structures with a noun preceding the existential formula *il y a*. Its comparison with traditional personal and impersonal existential sentences allowed to reveal its intermediate status in the system of means of expressing the category of existence which is defined as formally existential.

А. А. Биюмена, Е. П. Моссэ
(Минск, Беларусь)

РЫТМІЧНЫЯ АНАМАЛІІ Ў ПАЭТЫЧНЫМ ТЭКСЦЕ

Артыкул прысвечаны рэалізацыі анамаліі ў сістэме рытму паэтычнага тэксту. Авятляюцца знакавая прырода рытмічнай анамаліі, яе ўзаемадачынненні з метрычным канонам, аналізуецца стылістычны і інфармацыйны патэнцыял парушэнняў рытму ў вершы. У межах даследавання таксама ўздымаецца пытанне аб ролі эстэтыкі недасканалага ў сучасным культурным дыскурсе.

Ключевые слова: *паэтычны рытм, рытмічная анамалія, метр, інфармацыйная каштоўнасць, бінарная апазіцыя, рызома.*

Прадметам нашага даследавання з'яўляюцца анамаліі на ўзроўні рытмічнай арганізацыі паэтычнага тэксту. У адным з інтэрв'ю руская паэтка Вольга Седакова разважае аб кампазіцыйных канонах у паэзіі і аб адыходзе ад іх на прыкладзе аднаго свайго радка: «Скажем, в первой строке: *Неужели, Мария, только рамы скрипят...* – лишний безударный слог. Сделать эту

строку регулярной ничего не стоит – и, по видимости, без смысловых потерь: *Неужели, Мария, лишь рамы скрипят...* – и видите: это не просто тускло, но фальшиво!» [1].

У той жа час аўтар заўважае, што ні строгае вытрымліванне канона, ні яго абвяржэнне не можа служыць мерай «правільнасці» і «годнасці» тэксту, якой, зрэшты, не існуе, бо кожны твор вымагае адмысловага «аўтарскага» канона. З гэтага вынікае супярэчлівая і тым не менш справядлівая выснова: як захаванне, так і разбурэнне парадку можа паспрыяць росту інфармацыйнай каштоўнасці – усё залежыць ад зыходнага стану сістэмы, ад якога і вядзецца адлік. Калі першапачатковым станам сістэмы ёсць стан упарадкаванасці, то ўсё, што з яго выбіваецца, будзе выхоплівацца ўспрыманням і павышаць складанасць кода. Пры гэтым слухна і адваротнае: на фоне хаатычнага размеркавання элементаў унутры сістэмы пробліск пэўнай заканамернасці будзе выглядаць як анамалія і прымаць на сябе большую частку інфармацыйнай вагі. Дарэчы, гэтая мадэль выдатна апісвае і сучасныя паэтычныя тэндэнцыі, калі сярод пераважнай большасці свабодных вершаў класічныя ўзоры паэзіі лічацца, хутчэй, адхіленнем ад нормы і эстэтычным перажыткам.

У межах дадзенай работы, аднак, з прычыны прынятага за сістэму каардынат менавіта класічнага метра, анамальнасць мы надалей будзем разумець усё-такі згодна з першай трактоўкай – як адхіленне ад метрычнага стандарту. За аснову гэтага даследавання мы возьмем прыватную праяву апазіцыі *норма* – *анамалія*, а менавіта апазіцыю *метр* – *рытм*, дзе метр – гэта строгае, упарадкаванае чаргаванне ў вершы націскных і ненаціскных пазіцый, якое рэалізуецца ў рамках метрычнага канона; а рытм – рэальны гукавы лад канкрэтнага вершаванага радка ў супрацьлегласць метрычнай схеме.

Калі ў найпрасцейшую сістэму на аснове бінарнай апазіцыі (націскны/ненаціскны склад) уводзіцца пазасістэмны элемент рытму, то гэта мае два важныя наступствы: па-першае, павышэнне складанасці сістэмы разам са стратай магчымасці яе кампактнага апісання; па-другое, узрастанне інфармацыйнай каштоўнасці з прычыны зніжэння яе прадказальнасці і звязанага з гэтым пералому чытацкага чакання. У. Эка тлумачыць, што ў тэорыі інфармацыі адзінка інфармацыі – гэта так званы біт, то бок інфармацыя, якую мы атрымліваем у ходзе выбару паміж двюма роўнаверагнымі магчымасцямі. І, па сутнасці, любая інфармацыя можа быць прадстаўлена (закадавана) у выглядзе сумы аперацый выбару паміж элементамі бінарных апазіцый. Пры гэтым чым вышэйшая роўнаверагоднасць з'яўлення розных элементаў, тым больш непрадказальнай, неўпарадкаванай ёсць сістэма; і наадварот, у сітуацыі, калі адзін элемент мае верагоднасцю перавагу перад другім, сістэма здабывае большую прадказальнасць і, як вынік, меншую інфармацыйную вагу [2, с. 52–55]. Напрыклад, мы маем метрычную сістэму з 9 пазіцый, якія могуць быць запоўнены націскным або ненаціскным складам

.....; –

і аўтар вырашае, што структура радка павінна ўключаць у сябе тры харэічныя ступы і адну дактылічную:

/ – / – / – – / – .

Паколькі дзве харэічныя ступы стаяць на пачатку радка, яны тым самым задаюць прадказальную структурную мадэль яго інфармацыйнай сістэмы. Чытач, згодна з засвоенай у долі секунды мадэллю, справядліва чакае з'яўлення націску таксама на месцы 7-й пазіцыі. Але яго чаканне не апраўдваецца, а гэта значыць, што ступень прадказальнасці сістэмы ў дадзенай пазіцыі рэзка зніжаецца, паколькі не выконваецца зададзеная ад пачатку мадэль, і выбар паміж элементамі бінарнай апазіцыі – націскным або ненаціскным складам – становіцца роўнавялікім.

Не меней мэтазгоднай нам таксама ўяўляецца паралель паміж супрацьпастаўленнем метра з рытмам і сістэмы мовы з яе рэалізацыяй у маўленні, на якое ў свой час указаў Ф. дэ Сасюр. Некаторыя даследчыкі акурат бачаць у адыходзе ад строгага канона вершаскладання вынік палемікі з нейкай абстрактнай тэарэтычнай сістэмай метра, якая мае на мэце наданне паэтычнаму твору асобага прасадычнага стылю і ажыццяўленне творчай інтэнцыі аўтара.

Іншыя, аднак, не прызнаюць інтэрпрэтацыю верша ў тэрмінах сістэмы і, адпаведна, адмаўляюцца прыпісваць яму такія сістэмныя характарыстыкі, як структурнасць, лінейнасць, упарадкаванасць і г.д. Адным з прыкладаў ёсць трактоўка прыроды верша Ж. Дэлезам і Ф. Гватары, згодна з якой верш – гэта не мёртвае сістэмнае ўтварэнне ў духу Ф. дэ Сасюра, а – і тут яны ўводзяць новае паняцце для вызначэння асобай формы існавання верша – *рызома*, т.б. «неструктурный и нелинейный способ организации текста, оставляющий возможность для самофигурирования» [3, с. 28]. Паняцце рызома (ад фр. *rhizome* 'карэнічша') ёсць адным з ключавых паняткаў філасофіі постструктуралізму і постмадэрнізму. Прырода самой паэзіі ў дадзеным ракурсе ўяўляецца, як адзначае Ю.В. Шацін, крайне амбівалентнай, і невядома, ці паняцце сістэмы дастасавальнае да яе ў прынцыпе і як у кантэксце агульнай супрацьсістэмнасці паэзіі вызначыць статус «яшчэ больш несістэмных» паэтычных дэвіяцый: «Сейчас было бы преждевременным отвечать на вопрос, чем является феномен стихотворного текста – реализацией потенциальной системы языка или ризомой, направленной на разрушение такой системы. Вполне вероятно, что он расположен на границе двух реальностей, которая вызывает к принципу дополнительности в его интерпретации, подобно тому, как физики описывают явление фотона – то как волну, то как частицу» [3, с. 28].

Такім чынам, характар паэзіі нельга вызначыць адназначна як сістэмны або рызаматычны: кантынуум паэзіі, як і кантынуум мовы, мае ўнутраную градацыю, адзін полюс якой выяўляе высокую ступень структурнай арганізацыі (як у класічных творах), а другі развіваецца на аснове дэканструкцыі апошняй, адначасова адмаўляючы і інтэгруючы яе і здабываючы рысы рызаматычнасці.

Паняцце аномаліі не вельмі ўпісваецца ў класічную антычную канцэпцыю прыгажосці і гармоніі, якая звязвае дадзеныя праявы з катэгорыямі меры, прапорцыі, упарадкаванасці, сувымернасці і г.д. Спрабуючы адшукаць альтэрнатыўныя тэорыі, якія б поўна і адэкватна апісвалі эстэтычны кшталт аномалій, а таксама засведчвалі іх уллучанасць у канцэпт мастацкай і штодзённай гармоніі, мы звярнулі ўвагу на традыцыйныя паняткі філасофіі і рэлігіі Японіі, а менавіта на панятак *вабі-сабі*, які ставіць акцэнт на прыгажосці ўзаемадзеяння дасканаласці і недасканаласці, пранікнення элементаў недасканаласці ў дасканаласць і як вынік авысакароджванне апошняй за кошт ускладнення, дэфармацыі яе ўнутранага эстэтычнага рытму. Гэта пацёртасць фактуры, крывізна формы і асіметрычнасць дэталей, а разам з тым і іншы ўзровень эстэтычнага ўспрымання, на якім прыгажосць мысліцца і па-за межамі выверанай упарадкаванасці.

Новы погляд на няправільнасць і яе актыўнае задзейнічанне ў побытавым жыцці і мастацтве прадыхаваны сцвярджаннем з нядаўняга часу іншай эстэтычнай парадыхмы ў сусветнай культуры, якая і прыўносіць аномальныя тэндэнцыі ў прыватнасці і ў сучасную паэзію. Але гэта не проста даніна модзе, як можна было б падумаць, а разгортванне згодна з апісанымі вышэй фундаментальнымі эстэтычнымі, псіхалагічнымі і структурнымі законамі ўспрымання збалансаванай дыялектычнай прыгажосці ва ўзаемадзеянні правільнага і няправільнага.

ЛІТАРАТУРА

1. Седакова, О. А. Чтобы речь стала твоей речью : интервью В. Полухиной / О. А. Седакова // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 17. – С. 318–354.
2. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Г. Резник, А. В. Погоняйло. – СПб : Симпозиум, 2006. – 544 с.
3. Шатин, Ю. В. Ритм как система и как феномен. Два способа интерпретации русского стихотворного текста / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика. – 2016. – № 1. – С. 26 – 35.

The article deals with the issue of irregular rhythm in poetry as a form of language anomaly. It discusses the phenomenon of rhythm-based anomalies from the semiotic prospective and analyses its stylistic functions and information capacity.

Е. А. Булат
(Минск, Беларусь)

ОТРИЦАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Предметом исследования являются языковые средства выражения отрицания в коммуникативном процессе на материале испаноязычной публицистики. Анализируется принцип отрицания в газетном тексте с учетом прагматической концепции и в фокусе

понимания отрицания как функционально-семантической категории. Рассматриваются особенности использования языковых моделей негации в публичных выступлениях испаноязычных политиков с целью моделирования восприятия аудиторией передаваемой информации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *негация, реципиент, антитеза, парадокс, литота, гипофора, манипуляция, иллюкативная составляющая, контекст, модальность.*

Методологическая роль принципа отрицания в научно-теоретическом познании заключается в том, что он является универсальной формой предметного мира и человеческого мышления. Прагматическое стремление воспринимать информацию посредством анализа и синтеза отражает попытку человека постичь причинно-следственные связи в окружающей действительности. Предметом нашего исследования являются языковые средства выражения отрицания в коммуникативном процессе на материале испаноязычной публицистики.

Язык обладает достаточными средствами передачи отрицательного значения. В газетном испаноязычном тексте категория отрицания реализуется посредством целого комплекса средств выражения своих значений: морфологических, синтаксических, лексических. Остановимся на наиболее характерных приемах негации, используемых испаноязычными политиками как средством манипуляции общественным сознанием. Прежде всего, они применяют стилистические приемы (в том числе и прием контраста) с тем, чтобы добиться максимального экспрессивного эффекта и акцентировать внимание адресата на узловых моментах передаваемой информации. Так, выразительным приемом ораторской речи, способным организовать вокруг себя значительную часть политического текста, является *антитеза*, представляющая собой достаточно сложное – с семантической, прагматической и функциональной точек зрения – явление, языковая природа которого не однозначна.

Проанализируем использование антитезы в речи нынешнего премьер-министра Испании Педро Санчеса во время предвыборных политических дебатов: *¿Va a dimitir, señor Rajoy, o va a continuar aferrado al cargo... ?* [1]. Прибегая к данному риторическому приему, политик усиливает коммуникативную направленность текста и акцентирует внимание на ключевых идеях своего выступления. Тем самым оратор более ярко выражает свою позицию, так как структурная симметричность и аналитический характер антитезы способствуют убеждению аудитории в достоверности излагаемой информации. Однако полярность положительного и отрицательного относительна. И если в логике достаточно четко прослеживаются различия между суждениями аффирмации и негации, то наличие отрицательных средств в языковой структуре не гарантирует отрицательного содержания логического умозаключения, которое презентует данная языковая модель.

В языковых презентациях положительный и отрицательный полюса реализуются только в своем взаимоотношении, так как эти категории не только не взаимоисключающие, но и взаимно подразумевающие. Одна и та же идея может быть выражена как в утвердительном, так и в отрицательном суждении, вербализованном соответствующей конструкцией. Таким образом, несмотря на то, что антитеза включает в себя в качестве понятийной основы антонимию, она может одновременно объединять противоположные полюса универсального явления: *Una cosa es lo que se dice y otra lo que se hace, y otra muy diferente es lo que se dice que se hace* [2]. В данном фрагменте дискурса Николаса Мадуро, президента Боливарианской Республики Венесуэла, многократно и очень наглядно противопоставляются одни и те же лексические единицы, образуя в пределах одной лексемы сложную в функционально-семантическом отношении антитезу. Наличие широкого диапазона эмоциональных и идеологических коннотаций в выступлении венесуэльского политика создает хорошо прослеживаемую симметрию и обеспечивает выразительную смысловую соотнесенность компонентов текста. Оригинальным примером построения антитезы в пределах одной лексической единицы служит также высказывание Педро Санчеса: *Su respuesta, o mejor dicho, su no respuesta, no es digna...* [1]. Таким образом, можно заключить, что конструирование коммуникантом тех или иных идейно-политических установок в сознании адресата моделирует нужный вектор его отношения к содержанию политической речи.

К эффективным ораторским приемам негации относится также фигура *литоты*, к которой прибегает председатель сената Испании Пио Гарсиа-Эскудеро для выделения значимой информации в своем выступлении: *Quisiera referirme a otro aspecto en las relaciones entre nuestros países que tampoco ha dejado de experimentar que posee una fundamental importancia extratéctica* [3]. Аналогичного эффекта привлечения внимания аудитории за счет двойного отрицания достигает каталонский политический лидер Карлес Пучдемон: *... no quería dejar pasar la ocasión de enviaros un mensaje de buenos augurios para el nuevo año* [4].

В текстах политических дискурсов на испанском языке нами выявлено использование еще одного способа манипуляции сознанием социума – *парадоксастолы*. Этот прием состоит в усилении одного компонента через отрицание другого (семантически близкого). Приведем пример из речи президента Боливии Эво Моралеса: *Guerra contra guerra no es igual a paz* [5]. В данном случае речевое воздействие обусловлено не противопоставлением антонимичных лексем *guerra* и *paz*, а указанием на различительные признаки в структуре полисемантической лексической единицы *guerra*, что моделирует запрограммированное адресантом восприятие аудиторией предмета речи.

Еще одним эффективным манипуляционным приемом испаноязычных политиков является *гипофора*, которая представляет собой имплицитную либо эксплицитную ссылку на позицию противника с целью ее немедленного

опровержения. Ярким примером данного манипулятивного хода служит речь К. Пучдемона: *El presidente Rajoy propuso a los socios de la Unión Europea una solución rápida e indolora, un remedio casi milagroso, que resolvería el pleito catalán... Pues no.* [4]. Таким же синтаксическим приемом изобилуют политические речи Педро Санчеса: *Señorías, habrá quien tenga la tentación de agitar fantasmas del pasado para frenar la incuestionable fuerza moral de esta moción de censura* [1]. Показательна в этом отношении его речь, направленная на критику правительства Мариано Рахоя: *En la forma, -por mucho que usted, en fin, se empeñe en cuestionarlo – , en la forma de esta moción emana del artículo 113 de la Constitución Española* [1]. Отрицание политической линии Мариано Рахоя и указание на необходимость его немедленной отставки представляют собой ключевую модальность обличительной речи Педро Санчеса: *¿Qué más tiene que pasar, señor Rajoy, para que entienda que su permanencia al frente de la presidencia del Gobierno es dañina y es un lastre no solamente para el país sino para su propio partido?* [1]. В данном примере коммуникативная составляющая речи испанского оратора усиливается вопросительной конструкцией и прямым обращением к политическому противнику.

Опираясь на прием гипофоры, политик может усилить иллюкативную составляющую своего выступления при манипуляции антонимическими единицами, как, например, в случае провокационного обращения Педро Санчеса к политическому оппоненту: *¿Va a dimitir, señor Rajoy, o va a continuar aferrado al cargo debilitando la democracia y debilitando y devaluando la calidad institucional de la presidencia del Gobierno?* [1]. Аппелляция к данному синтаксическому приему позволила оратору акцентировать и довести до сознания слушателей наиболее слабые и уязвимые моменты в правлении М. Рахоя. Таким способом оратор конструирует коммуникативную ситуацию, вовлекая адресата в диалог и подготавливая его к восприятию последующей информации, что служит действенным средством развертывания скрытой полемики.

Таким образом, отрицание, будучи одной из значимых категорий языка, обусловленной стремлением человека к дифференциации явлений действительности, способствует усилению эмоциональной окраски публицистического дискурса и активизирует содержащуюся в нем коммуникативную установку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Discurso de Pedro Sánchez en el debate de la moción de censura contra el Gobierno de Rajoy. 31.05.2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.psoe.es>. – Date of access: 03.01.2019.
2. El País [Electronic resource]. – Mode of access : <https://elpais.com/> – Date of access : 03.01.2019.
3. Discurso del presidente del senado Pío García-Escudero [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.senado.es>. – Date of access : 03.01.2019.

4. El discurso íntegro de Puigdemont en Copenhague. El Nacional. Copenhague, lunes 22 de enero de 2018 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.elperiodico.com>. – Date of access : 03.01.2019.

5. El Mundo [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.elmundo.es/> – Date of access : 03.01.2019.

Means of denial expression in the communicative process of the Spanish media are under consideration in this article.

В. Д. Бурло
(Минск, Беларусь)

О НАБЛЮДЕНИЯХ НАД ОТДЕЛЬНЫМИ ФАКТАМИ СОВРЕМЕННОГО РАЗГОВОРНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ДИСКУРСА

Несмотря на обилие исследований в разных языках и, следовательно, мнений вопрос об отличии широко понимаемых дискурсивных слов и слов-паразитов остается открытым. В статье анализируются примеры слов и выражений, получивших широкое употребление в разговорном французском дискурсе. Представляется необходимым дальнейшее их изучение, однако распространение данного явления в речи далеко не безобидно.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *разговорный дискурс, дискурсивные маркеры, слова-паразиты, прагматические функции.*

Любой язык не стоит на месте: он развивается, обогащается новой лексикой, приобретает различные лексические и синтаксические средства или, используя уже существующие единицы, сообщает им новые функции (структуризации дискурса, выражения различных прагматических значений, создания экспрессии и т.п.).

Обратим внимание на единицы, уже давно и широко исследуемые в разных языках, однако до сих пор не получившие однозначного названия и определения, – так называемые дискурсивные маркеры, или слова, практически встречающиеся не только в разговорном дискурсе. Речь идет о таких единицах, как: в русском языке – *ну, значит, типа, короче, в общем, это, это самое, так сказать* и т. п. (которые еще называются часто «словами-паразитами»), а во французском – *genre, donc, voila, quoi, tu vois, je veux dire, tu sais* и многие другие. Считается, что понятие дискурсивного слова восходит к учению известного французского лингвиста О. Дюкро, а затем развито в трудах итальянского исследователя А. Кюлиоли [1], а термин *дискурсивные маркеры* – в работах Ж. Дости [2]. С этими терминами постоянно конкурируют модальные слова [3], частицы высказывания (*particules énonciatives*) [1], коннекторы в широком смысле, или маркеры структурирования речи (*marqueurs de structuration de la conversation*) [4, p. 1052] и т. п.

Исследователи отмечают также широту этого понятия, неоднозначность функций в речи и расходятся во мнениях о составе этого класса, его наполняемости конкретными единицами. Кроме уже выше названных в него включаются такие, как : *вероятно, по-видимому, нам кажется, как правило, конечно, допустим* и др.

Как видим, класс дискурсивных маркеров включает в себя единицы, относящиеся к разным частям речи: существительные, местоимения, частицы, наречия, союзы и др., а также выражения и предложения, что, естественно, затрудняет нахождение единых критериев их определения.

Что касается функций этих единиц в речи, то здесь приводятся следующие: они структурируют высказывание, помогают говорящему расставить смысловые акценты, вернуться и уточнить знаковую информацию, подчеркнуть отношение говорящего к теме высказывания, вовлечь собеседника в интеракцию. Отмечается также их эмоционально-экспрессивная функция.

Исследование маркеров в разговорном дискурсе осложняется различием терминологии в русском и французском языках. В русском языке термину *слова-паразиты* соответствуют французские термины *tics de langage* ‘слова-тики по аналогии с нервными’, *mots bequilles* ‘слова костыли’, *mots tuteurs* ‘слова-опоры’. При этом используемые во французской традиции термины понимаются шире и распространяются не только на слова и выражения, навязчиво употребляемые говорящим, но и на простые звуки [3]. Так, французский энциклопедический словарь дает следующее определение: *tic de langage – emploi d’un mot, d’un tour qui revient anormalement souvent dans le discours de qqn* [5, p. 2611].

Некоторые исследователи приравнивают дискурсивные маркеры к словам-паразитам [6, с. 68], другие, справедливо отмечая, что «граница, отделяющая слова-паразиты от прочей лексики, не является четкой», считают, что их сверхчастотность употребления на небольшом отрезке высказывания является основным критерием отличия, и наглядно это доказывают (на большом практическом материале) на базе русского и французского языков [3, с. 152–169]. В семантическом отношении слова-паразиты, или (как Е. Э. Разлогова их деликатно называет) «паразитические модальные слова» [Там же], мало чем отличаются от прочих представителей этого класса в отличие от бытующего мнения о том, что слова-паразиты – лексически пустые, лишённые смысла.

Наше внимание привлекло французское существительное *genre*. В спонтанной речи – особенно французской молодежи – оно появляется очень часто и в разных синтаксических позициях: между сказуемым и его дополнением, перед определением или для связи двух независимых предложений и т.д.

Приведем несколько примеров, зафиксированных нами в речи французских школьников.

(1) *Elle est genre méchante avec Nicolas, cette prof.*

(2) *Elle téléphone **genre** dix fois par jour.*

(3) *Il me demande tout le temps de l'aider, **genre** il a rien compris au cours.*

(4) *Un jour le prof nous fait le futur simple et **genre** la semaine d'après, on passe à l'imparfait.*

(5) *Tu sais à quelle heure elle nous remplace son cours **genre** pour pas nous déranger? À 7 heures samedi!*

(6) *Cette robe, elle me va mieux, **genre** elle est plus courte.*

На первый взгляд употребление слова *genre* очень похоже на русское *муня* (*Je n'ai pas osé lui dire la vérité, genre je ne suis pas au courant*). Однако, как увидим ниже, его значения оказываются самыми различными. В высказывании (2) *genre* приближается к *environ, au moins* : *Genre dix fois par jour = Au moins dix fois par jour*, т. е. выражает приблизительное количество.

Более того, можно заметить, что *genre* сообщает высказыванию оценочное значение. Имплицитно говорящий имеет в виду *и это, мне кажется, слишком часто*. Фактически в этом употреблении сочетаются значения количественности и качества (оценки). В примере *Genre, l'autre, il a cru que je le laisserai parler* выражено удивление, некоторое раздражение.

В высказывании (1) *genre* может быть заменено на *plutôt* 'скорее': *Elle est plutôt méchante*. В высказывании *Tu sais qui j'ai croisé l'autre jour ? Notre ami Jules. – Genre! – Si, si, je te jure !* оно выступает в функции наречия.

Связывая два независимых предложения, *genre* может служить специфическим дискурсивным коннектором. Предложение (3) ... *genre elle a rien compris au cours* может быть перефразировано в *comme s'il avait rien compris au cours*. *Genre* позволяет, таким образом, передать слова другого в форме фактически прямой речи: *C'est comme s'il disait: "J'ai rien compris au cours"*.

В примере (5) *genre pour ne pas nous déranger* можно перефразировать в *sous prétexte de nous déranger*.

Таким образом, *genre* позволяет передать невысказанное, сформулировать имплицитное суждение (которое, кстати, обычно негативное) и приобретает модальное значение.

Рассмотрим еще один пример: *Il a vraiment rien dans la tête, celui-là, genre il ouvre son cartable et y a toujours quelque chose qui lui manque*.

Второе высказывание (*genre il ouvre son cartable*) объясняет первое: *genre* приближается к дискурсивному коннектору (маркеру) *par exemple* или существительному *la preuve*. И в каждом из вышеприведенных примеров – ср. также (4) и (5) – отрицательный подтекст: *Tu te rends compte!* или *Franchement, elle exagère!* В выражении *Il fait genre* оно означает *Il farfaronne*.

Далеко не полный анализ отдельных высказываний со словом *genre* свидетельствует о том, что французский язык располагает грамматическим элементом, статус которого широко определяется как дискурсивный маркер, или модальное слово, или даже как *mot-tic*. Однако ясно, что оно (как и многие другие) позволяет выразить совершенно разные семантические

и модальные оттенки высказывания. Имплицитно каждое новое употребление *genre* предполагает присутствие говорящего, который подает свой голос и пытается выразить свое суждение. Более тщательный анализ, безусловно, может выявить и другие значения и функции.

Слова, подобные *genre*, находят широкое употребление, как уже было сказано, особенно в речи современной молодежи, где они приобретают способность развиваться в новых грамматических, семантических и прагматических функциях.

К ним часто относятся слова и выражения, смысл которых искажен по отношению к их первоначальному значению (смыслу). «*Les tics de langage consistent souvent à détourner le mot de son sens premier*» [7]. Употребленные в новом значении, они тут же подхватываются и распространяются в речи. Можно постоянно слышать многозначное прилагательное *grave*, которое уже «превращается» в наречие или даже междометие :

- *T'es grave!* (= *t'es fou!*);
- *Tu ne trouves pas que la matinée a été grave?* (= *a été longue*);
- *T'as vu comme il est moche?* – *Grave* (= *oui, c'est sûr*).
- *Je commence à baliser grave!* (= *Je commence à avoir très peur*);
- *J'ai grave aimé ce film* (= *J' ai vraiment aimé le film*).

Глагол *gérer* в выражении *Ça gère* имеет значение 'C'est formidable!', а глагол *imprimer* употребляется в значении 'comprendre': *À cette heure-ci, je n'imprime plus, moi !* (= *...je ne comprends plus, moi!*). Современное *Je stresse* получило широкое распространение и может означать *Je suis triste, j'ai du chagrin, j'ai peur*' (Ср. в словаре *stresser – causer un stress à qqn* [5, p. 2495]) и т.д.

Часто употребляются также *de chez* в значении 'vraiment très': *Cet immeuble est laid de chez laid !* (= *...est vraiment très laid*) и *pas de soucis* вместо *pas de problèmes*: *T'en fais pas , y a pas d'soucis!*' (= *ne t'inquiète pas, il n'y a pas de problèmes*).

В последнее время стал особенно заметным процесс американизации даже в области так называемых *tics de langage*. Например, выражение *Ça le fait* можно перевести как 'очень хорошо', 'супер'. Или выражение *a date* от английского *to date, up to date* используется, чтобы сказать *à ce jour, jusqu'à ce jour*. Удивительно быстро распространилось *en mode* от английского *to be in ... mode*. Например, *être en mode* (*adopter une attitude particulière*) – *Il est en mode furieux*. Вместо *pas du tout* звучит *trop pas – j'ai trop pas envie de parler ;* или просто *trop* в значении 'génial' – *Dépardieu est trop dans ce film !*

Функционирование таких единиц в речи требует пристального внимания лингвистов. Ведь отдельные из единиц могут стать со временем нормой, как уже это было в истории развития языка. Подобные слова и выражения – явление подвижное, т.е. мы сталкиваемся с уходом некоторых старых и появ-

лением новых. Эвфемизм *блин* в русском языке (а также *типа* и *давай* в разговоре по телефону) появились относительно недавно. Вполне логично предположить, что современное молодое поколение изобретет новые употребления уже существующих в языке слов или – что не будет удивительным – предложит нам свежие заимствования из английского языка или переделанные на французский манер, которые уже, как было показано выше, изобилуют в речи отдельных французов.

Однако, как бы ни интересен был для лингвиста объект исследования, следует признать, что в коммуникации необходимо следить за своей речью, не засорять ее действительно лишними словами и выражениями, часто ничего дополнительно не сообщаями слушающему, а, наоборот, затрудняющими общение. Признать это нормой и безобидным явлением, по-видимому, все-таки нельзя. В век гипермедиатизации благодаря Интернету, телефону, массмедиа и, к сожалению, телевидению, речевые штампы и инвективная лексика распространяются с невероятной быстротой. В результате язык обедняется, а употребление таких слов со временем становится привычкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fernandez, J. M.* Les particules énonciatives dans la construction du discours / J. M. Fernandez. – Paris : Presse univ. de France, 1994. – 283 p.
2. *Dostie, G.* Pragmaticalisation et marqueurs discursifs. Analyse sémantique et traitement lexicographique / G. Dostie. – Bruxelles: De Boeck Duculot, 2004. – 294 p.
3. *Разлогова, Е. Э.* К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи / Е. Э. Разлогова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2003. – № 6. – С. 152–169.
4. *Riegel, M.* Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J-C Pellat, R. Rioul. – Paris : PUF, 2014. – 1107 p.
5. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris : Dictionnaires le Robert, 2002. – 2950 p.
6. *Дараган, Ю. В.* Функции слов-паразитов в русской спонтанной речи / Ю. В. Дараган // ДИАЛОГ’2000 : труды междунар. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Теоретические проблемы. – Протвино, 2000. – Т1. – С. 67–73.
7. *Mongaillard, V.* Ce que les tics de langage veulent dire / V. Mongaillard // Le Parisien [Ressource électronique]. – 2018. – 20 avr. – L'accès : <https://www.epresse.fr/quotidien/le-parisien>. – Date de l'accès : 21.10.2018.

Despite a great number of researches in different languages, and hence, a lot of opinions, the issue of difference of widely understandable discourse words and words – parasites remains open. The article analyses examples of words and expressions which are widely used in the spoken French discourse. It appears necessary to study them further though this phenomenon in speech should not be overused.

Е. Е. Вerezубова
(Санкт-Петербург, Россия)

«ДЕНЬГИ – ВРЕМЯ – ВОДА»: К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНОЙ ОСНОВЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ФИНАНСОВОЙ ЛЕКСИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сравнительному анализу лингвокультурологических аспектов лексического поля «Вода» во французском и русском языках на примере экономической и финансовой терминологий. В исследовании использованы данные толковых и переводных словарей, а также пословицы, поговорки, образные выражения – все то, что составляет «память языка».

Ключевые слова: *язык-культура, языковая картина мира, образные выражения, пословицы, лексическое поле, метафорический перенос.*

Любой естественный язык существует в многообразных и непрерывных связях с культурой говорящих и, функционируя, оперируя в настоящем, хранит в себе следы прошлого, диахронии. Действительно, при внимательном анализе «видимых» явлений языка вскрывается богатейший мир ценностей, образов и отношений, которые вплетаются из различных эпох в систему отражения мира, окрашивая ее «... в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом» [1, с. 175]. За каждым словарным определением зачастую кроется богатейшая система смыслов, которая особенно ярко проявляется при сопоставлении языков. Проникая в тонкости языка-культуры, мы как бы открываем для себя «код» для расшифровки его глубинных значений.

Несомненно, языковые картины мира не находятся в изоляции и в настоящее время особенно активно подвержены взаимному влиянию. Для языков-культур сегодня как никогда важно сохранить свою самобытность: ведь благодаря уходящему в глубину веков «следу диахронии» они сохраняют образный, эмоциональный и оценочный потенциал универсальных единиц, обозначающих жизненно важные вещи.

Одной из таких вещей является *вода* (франц. *eau*). Образы воды многочисленны и разнообразны во французском и русском языках-культурах, однако в каждом из них имеются свои совокупности ассоциаций, дающие богатый материал для сопоставления. Нам показались особенно интересными метафорические связи *воды* и *денег*, а также *воды* и *времени* во французском и русском языках. Наше пристальное внимание к этим метафорам объясняется тем, что, занимаясь подготовкой переводчиков с экономической специализацией, мы постоянно сталкиваемся с терминами, основанными на этих образах, с необходимостью их верного понимания и толкования, включения в языковое сознание и нахождения эквивалентов.

Образ текущей воды лежит в основе формирования терминологического значения многих французских лексем, относящихся к лексическому полю денег: *liquide, liquidités* ‘наличные средства’ – т.е. имеющиеся в наличии; *écoulement (de marchandises)* ‘сбыт (товаров)’; *versement (des fonds)* ‘выплата’ (денежных средств). Можно отметить, что французские «водные» метафоры не всегда находят отклик в русской экономической терминологии, в которой и деньги, и товары чаще всего остаются «сухими», а выражения, основанные на метафорическом образе воды (*финансовые потоки, денежные вливания*), можно расценивать как заимствования.

Связь денег и воды можно наблюдать в очень старых французских образных выражениях: например, выражение *les eaux sont basses* означает ‘отсутствие денег в кармане’ (подобно тому, как ‘в мелкой воде не водится рыба’); *l’eau va toujours à la rivière, les rivières retournent à la mer* [2] – образное выражение, в основе которого лежит скопление денег, богатств (в переводном словаре АБВУ Lingvo приводится «безводный» эквивалент ‘деньги идут к деньгам’) [3]. Таким образом, по-французски деньги (будь то *l’argent, la monnaie* или *les fonds*) обладают гораздо большей «текучестью», о чем говорят финансовые термины, в основе которых лежит образ живой, текущей, бурлящей воды: «Émile Zola n’aurait-il pas raison lorsqu’il décrit les mécanismes de la Bourse dans le 18e volume des Rougon-Macquart ? Il y oppose à la richesse d’hier, celles des fortunes domaniales représentant la «*stagnation* même de l’argent», à «l’argent moderne de la spéculation», «l’argent *liquide* qui coule, qui *pénètre* partout» [4, p. 14].

Анализируя слово *argent* в составе устойчивых словосочетаний, представленных в толковых словарях (Trésor de la langue française, Le Petit Robert), мы обнаружили определенную аналогию в сочетаемости прилагательных: многие из них относятся и к воде, и к деньгам, например, *argent courant* (espèces ayant cours) – *eau courante*; *argent frais* (fonds nouveaux, venant augmenter un investissement, un capital) – *eau fraîche*; *argent mort* (qui ne rapporte pas d’intérêt, qui dort) – *eau morte, argent dormant (improductif)* – *eau dormante* [5; 6]. Во французском языке для характеристики денег также существуют выражения с антонимичными прилагательными *argent liquide* и *argent sec*, которые на русский язык переводятся как ‘наличные деньги’ [3]. Однако разница состоит в том, что «сухие» деньги имеют также синоним *argent de poche* (‘карманные деньги’), т.е. это определенная сумма, осевшая в кармане: «Que l’on porte sur soi et dont on dispose pour ses menus besoins» [6].

Еще одна сторона отношений воды и денег в русском и французском языках затрагивает стоимость воды: если судить по русским образным выражениям, вода – это что-то абсолютно естественное, что достается без труда, а потому ничего не стоит. Зато во французском языке, наряду с устойчивым выражением *gagner son pain* ‘зарабатывать на хлеб’, существует выражение *ne pas gagner l’eau que l’on boit* ‘не зарабатывать себе на воду’. Связь денег и воды в русском языке нам удалось обнаружить лишь в образных выражениях

деньги (утекают) как вода (французский вариант *l'argent lui fond dans les mains* (говоря об отдельном расточительном человеке (*c'est une personne dépensière* – такое объяснение дается этому выражению в словаре Le Petit Robert, который датирует его появление 1866 годом [5]), а не об обобщенной, общепринятой практике), а также *быть на мели* (французский образ весьма близок – *être à sec*).

Объяснение различий образной основы, помимо прочего, связано с самим происхождением слова *деньги* во французском и русском языках (таким образом, в значении обнаруживается след диахронии, элемент внутренней формы): если во французском языке *argent* – это *вещество* (серебро – *métal blanc*; значение ‘серебряная монета’ и затем более широкое ‘деньги’ датируется лишь концом IX века [5]), которое можно расплавить и представить в *текущей* форме (в категориях грамматики – неисчисляемое существительное), то русское существительное *деньги* имеет форму множественного числа, т.е. изначально является исчисляемым (деньга – монета [1], т.е. денежная *единица*). Таким образом, метафоры, в которых лексическое поле текучего вещества соотносится с лексическим полем денег, являются исконными во французском языке (значение ‘деньги’ у лексемы *argent* фиксируется XI веком [5]), в то время как в русском языке их можно встретить среди современных экономических терминов и заимствований либо формы, либо образной основы.

Вот несколько примеров слов и выражений финансово-экономической тематики, в которых по-разному соотносятся форма слова и его образная основа: ср. *argent liquide* («*текущие*») ‘**наличные** деньги’ («*имеющиеся в наличии*») – различие образной основы; *liquidité* ‘ликвидность’ (заимствование по форме, отсутствие образной мотивации в русском языке); *versement des fonds* ‘денежные **вливания**’ (заимствованная метафора в русской финансовой терминологии); *flux financiers* ‘финансовые **потоки**’ (также заимствованная метафора); *fluctuation du cours* ‘**колебание** курса’ (существует также заимствованный термин *флуктуация*, однако в «наивной» языковой картине мира колебание скорее представлено не как волнообразное движение (воды), а как «раскачивание от движения взад и вперед или сверху вниз» [7, с. 282]; *écoulement de marchandises* ‘**сбыт** товаров’ (различие образной основы); *stagnation de l'économie* ‘**стагнация**’ (застой) в экономике (заимствование формы и образа).

Течение воды также является символом *времени* в обоих языках (*fleuve du temps* – *река времен*, *écoulement de temps* – *течение времени*), однако при детальном анализе мы увидели небольшие, но важные различия в метафорических образах: так, по-русски говорят *с тех пор много воды утекло*, а французское образное выражение содержит еще одну, казалось бы, незначительную, деталь: *il coulera [il passera] bien de l'eau sous le(s) pont(s)* – вода протекает под мостом, который является как бы «рамкой», через которую можно наблюдать за изменением мира.

Еще один пример, демонстрирующий конкретизацию отображения действительности во французском языке: русское образное выражение *в одну реку нельзя войти дважды* имеет французский эквивалент *on ne se baigne jamais deux fois dans le même fleuve*. Во французском языке используется более конкретный, осязаемый, точный глагол, значение которого связано с водой (ср. *войти* в воду, без указания цели, и *se baigner* (*Se plonger entièrement dans un liquide* [5]), что также свидетельствует о стремлении упорядочить действительность, заключить ее в рамки.

Близость образов также наблюдается в группе образных выражений с общим значением 'пустая трата времени': *battre l'eau, piler de l'eau dans un mortier, fendre l'eau avec une épée (un bâton), porter de l'eau à la rivière* – *толочь воду в ступе, носить воду в решете, в колодец воду лить*.

Подобное сходство наблюдается и в выражениях с общим значением 'бесполезные разговоры' (т.е. пустая трата времени) [7, с. 89]. Так, по-русски говорят: *в сообщении много воды*, по-французски вместо воды используется метонимическая номинация *il y a beaucoup de délayage (dilution)*.

Наш небольшой сравнительный анализ позволяет обнаружить существенные различия представлений о взаимоотношении воды, денег и времени во французской и русской картинах мира: во французском языке связь *деньги – вода* исконна, естественна, мотивирована, в то время как в русском языке деньги представляются скорее как твердое вещество. Метафора «текучести» денег хоть и понимается говорящими, но все же является заимствованной.

В отношении метафоры *вода – время*, наоборот, можно наблюдать большую «текучесть», непрерывность в русском языке, в то время как французскому языку свойственно большее стремление к структурированному, точечному представлению времени. На примере французских и русских слов и выражений мы снова убедились в возможности приоткрыть способ постижения мира, который находит отражение в языке и способствует его самобытности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1987. – 216 с.
2. *Le Roux de Lincy*. Le livre des proverbes français précédé de recherches historiques sur les proverbes français et leur emploi dans la littérature du Moyen âge et de la Renaissance / Le Roux de Lincy [Электронный ресурс]. – Paris : Adolphe Delahays, 1859. – Режим доступа : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4142r/f2.image>. – Дата доступа : 16.09.2018.
3. АBBYY Lingvo-Online [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://www.lingvo-online.ru>. – Дата доступа : 05.04.2018.
4. *Jacquillat, B.* Les 100 mots de la finance / B. Jacquillat. – Paris : PUF, 2007. – 128 p.
5. Le Petit Robert de la langue française [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : www.lerobert.com. – Дата доступа : 20.10.2018.

6. Trésor de la langue française informatisée / Site officiel offrant la version numérique du dictionnaire de la langue française des XIXème et XXème siècles [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://atilf.atilf.fr>. – Дата доступа : 17.05.2018.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

This article deals with the comparative analysis of the linguistic and cultural aspects of the lexical field of water in the French and Russian languages. We used data from explanatory and translation dictionaries in the analysis, as well as proverbs, figures of speech and tales – all that is stored in the language memory. The analysis allows to identify the features of the figurative and conceptual interaction of the lexemes of water, money and time for the speakers of the French and Russian language-culture.

А. А. Гаврилович
(Минск, Беларусь)

ПСЕВДОАНОНИМНОСТЬ ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ *TU* В РЕДАКЦИОННОЙ ПЕРЕПИСКЕ

В статье рассматривается проблема смещения референции личного местоимения *Ты / Ти* в редакционной переписке с абонентами журнала, адресованного детям 8–12 лет. Коммуникативная стратегия редакции обращаться ко всем своим подписчикам одновременно приводит к отклонению от норм грамматической системы языка. В результате семантической транспозиции в категории числа отсутствие конкретного референта свидетельствует о том, что местоимение *Ты/Ти* приобретает денотативное основание, соотносясь с классом субъектов, и выполняет дистрибутивную функцию, выделяя каждого из них как индивида. Новые условия общения устанавливают новые правила использования местоимения *tu*, которые являются нормой для данного типа дискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *личное местоимение “tu”, смещение референции, дистрибутивная функция, фиктивная единичность, коммуникативная стратегия.*

Иронизируя по поводу несовершенства определений, данных местоимению как части речи, М. Вильме восклицает: «Какая другая наука, кроме грамматики, осмелилась бы на подобные дефиниции, не вызывая смеха» [1, р. 262]. Затруднение дать исчерпывающее определение, включающее все особенности лексико-семантических групп, вполне понятно. По мнению ряда лингвистов, даже в группе личных местоимений только местоимения первого и второго лица полностью соответствуют своему определению, обозначая собеседников и определяя индивида по его роли в коммуникации [2, р. 99; 3, р. 417; 4, р. 31–32; 5, с. 135; 6, с. 335].

Основной грамматической категорией личных местоимений является категория лица, которая реализуется в обозначении референта с разной степенью определенности. Личные местоимения первого и второго лица, не имеющие антецедента, непосредственно обозначают референт в соответ-

ствии с их кодированным смыслом [7, р. 193]. Дейктическая референция данных языковых единиц осуществляется как соотнесенность с участниками коммуникации, как указание с точки зрения «я» говорящего, который находится «в центре речевой ситуации» и относительно которого организуется мир. Для каждого из нас «я» (*le je, le moi*) выражает суть нашего существа, а имя, которое мы носим, это только представление о нас, используемое другими [2, р. 101]. По словам Э. Бенвениста, местоимение «я» может быть определено только в терминах «производства речи» (*locution*). Поскольку каждый говорящий не располагает «для выражения своей собственной неповторимой субъективности особым “опознавателем”, язык создал единый – но мобильный – знак я для обозначения каждого человека как уникальной личности и как основу обозначения индивидуальной речи. Личные местоимения я и ты существуют, таким образом, как знаки, актуализируемые в единовременных речевых актах, и отмечают фактом своего появления процесс присвоения языка говорящим» [8, с. 288–289].

Поскольку местоимение *ты* обращено к речи и получает референт только в непосредственном общении я-говорящего с *ты*-собеседником, то (помимо количественной определенности говорящих) значимость приобретает и определенность иного рода: социальный статус, возраст, родственные, дружеские отношения между собеседниками, т.е. разноплановые по своей сущности критерии, обуславливающие употребление *ты* как норму вербального поведения. Коммуникативная обусловленность *ты* определяет правила его использования в речи: реализацию определенных социально-ориентированных отношений и эмоционально-психических реакций.

Как и в других языках, во французском языке форма обращения на *ты* соответствует правилам общения, принятым в этом социуме. *Ты* – это знак близких отношений, используемый в кругу родственников, друзей, среди детей и молодежи, при разговоре с самим собой, а также при обращении в молитвах к Богу [9, р. 172–173].

При непосредственном общении, когда слушающий находится в поле зрения говорящего (или при общении по видеосвязи, скайпу и др.), личное местоимение *tu/ты*, выполняет свою дейктическую функцию и указывает только на один референт. По мнению М. Вильме, данное местоимение определяется как «*deuxième personne ou personne présente allocutive : tu, te, toi, vous*» (присутствующее слушающее лицо, лицо, к которому обращаются), предполагающее наличие первого лица – «*première personne ou personne présente locutive: je, me moi, nous*». Однако, помимо оппозиции в категории лица, выделяется и оппозиция в категории числа: *je* и *tu* являются грамматическим лицом, т.е. «*personne à contenu homogène ou unipersonnel*», в отличие от *nous* и *vous* – «*personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels*» [1, р. 293].

Как отмечает А. Н. Степанова, дейктические части речи могут получать «возможность “обозначать” только при реализации прямой референции гово-

рящего». При этом условии говорящий субъект становится «точкой отсчета» при ориентации в пространстве и времени [10, с. 55]. «Я – Ты – здесь – сейчас» является той «формулой», которая характеризует непосредственное общение: коммуникативный акт говорящего со слушающим, которые меняются ролями.

Основное условие, свойственное устному дискурсу, сохраняется и в письменном, например, в личной переписке, когда, несмотря на специфику общения – посредством писем, факса, телеграмм, SMS и др., – адресант и адресат (пишущий и читающий) меняются ролями. Используя личные местоимения *je/tu*, каждый человек подтверждает свою идентичность как «*personne à contenu homogène ou unipersonnel*», о чем и свидетельствуют, например, фрагменты переписки посредством факса и телеграмм отца, находящегося в экспедиции на Южном полюсе, со своим сыном Клеманом:

Dumont-d'Urville, le 2 mai

Mon Clément,

Ouf! Vive le fax! J'ai relu le tien vingt fois. Tu vas me dire que sur la banquise, à part serrer l'aileron des manchons, on n'a rien à faire, et que je passe le temps comme je peux. C'est faux. D'abord on a un boulot dingue. Et je relis ton télégramme parce que tu m'inquiètes. (...) Il fait un temps épouvantable. Tempête de neige, blizzard et surtout «white out». Ton papa.

TÉLÉGRAMME

La Hauteville, le 12 mai

Papa,

Si ça l'amuse d'aller se geler dans le «white out», ton mec, c'est bien fait pour lui. D'ailleurs, je ne sais pas ce que c'est (...). Clément.

TÉLÉGRAMME

Dumont d'Urville, le 15 mai

Le «white out», mon Clément, c'est le grand blanc: ciel et terre sans aspérité, sans distinction, je te raconterai. (...) Fax suit. Ton papa.

И при непосредственном общении, и в личной переписке используются имена собственные, клички, уменьшительно-ласкательные имена и др. (*Clément, Clém, fiston, mon grand*), разнообразие которых говорит о дружеских, родственных и других отношениях, но и свидетельствует о наличии только одного – единственно возможного – референта для местоимений *я* и *ты*. В данных фрагментах писем *я* и *ты* условно являются «собеседниками», о чем и говорят вопросно-ответные реплики, развитие темы, объяснение проблем, трудностей и тревог и т.п. их личной жизни.

Каждый из участников переписки выступает «точкой отсчета» в своем пространстве: отец в Дюмон-Дювиле, на французской полярной станции в восточной Антарктиде, сын – в Отвиле во Франции. Поскольку общение не происходит в режиме реального времени, то временной фактор становится относительной (вторичной) величиной, о чем и свидетельствуют даты

отправления и получения телеграмм. Изменение одной из составляющих ситуации непосредственного общения «Я – Ты – здесь – сейчас» приводит к изменению «координат» и установлению правил для иного типа дискурса.

Данные наблюдения представляются значимыми для анализа фактов смещения референции местоимения *ты/tu* при иных формах общения, нежели диалог или личная переписка, когда говорящий/слушающий, адресант/адресат меняются ролями.

Для анализа фактического материала были отобраны тексты переписки редакции с читателями-подписчиками, опубликованные в журнале «*Je lis des histoires vraies*» и адресованные детям 8–12 лет. В рубрике «*Le zapping d'Alfred*» предлагается информация о новых книгах, играх, выставках, фильмах, мультфильмах и др., в рубрике «*Le courrier d'Alfred*» читатели высказывают свои пожелания относительно тем, исторических персонажей, знаменательных событий прошлого, которым были бы посвящены последующие номера журнала.

В переписке с читателями редакция не заявляет себя как «я», от «имени» которого опубликованы сообщения. Отсутствие реального имени адресанта, т.е. псевдоанонимность (*je/nous*) редакционной коллегии (как группы журналистов или журналиста, ответственного за определенную рубрику), приводит к тому, что в своих письмах дети обращаются к журналу, используя местоимение *tu*, олицетворяя и отождествляя его как бы с одним человеком. Это создает эффект *фиктивной* единичности местоимения *tu*, репрезентирующего журнал, который может выполнить их пожелания и принять во внимание замечания:

Je voudrais que tu fasses un numéro sur Hergé, car j'aime beaucoup Tintin. Merci et gros bisous. Alice 84000 Avignon (№ 58); J'aime beaucoup tes histoires, tes blagues et tes B.D. Mais je trouve que tu n'es pas assez long... Peux-tu allonger tes histoires? Ou j'aimerais te recevoir deux fois par mois. Diane, 91300 Massy (№ 53).

Следующий этап анализа редакционной переписки связан с использованием личного местоимения *tu*, которое в этом случае обращено к подписчикам журнала. Выше отмечалось, что при нивелировании местоимений *je* и *nous* редакция позиционирует себя как субъект, считающий нормой обращаться к подписчикам на «ты», что вполне естественно при общении с детьми 8-12 лет: *Tu aimes avoir peur? Retrouve les héros de la collection Chair de poule en vidéo. Créatures super bizarres, fantômes et monstres garantis (№ 53).*

С одной стороны, использование в данном случае местоимения *Vous*, сохраняющего свою дейктическую референцию к множественному классу «*personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels*» и поддерживающую грамматическую систему в равновесии, было бы более уместно. Однако семантическая транспозиция в категории числа как употребление одного

местоимения в функции другого [5, с. 148] (*tu* вместо *vous*), говорит о переходе в анализируемых текстах местоимения *tu* в разряд единиц «personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels», т.е. о смещении референции к действительности с единичного субъекта на класс ему подобных: *Cyber Master combine les aventures qui se déroulent sur l'écran de l'ordinateur avec les modèles que **tu** construis et que **tu** peux animer à l'aide de l'ordinateur...* (№ 68); *Si **tu** ne connais pas ce personnage de la littérature espagnole et ses rêveries de chevalier, écoute vite ce CD* (№ 68).

И хотя каждый из читателей присваивает себе *tu* как лично ему адресованное, он не является единственно возможным субъектом этой адресации. Псевдоанонимность *я* вызывает псевдоанонимность *tu* и порождает референтные лакуны пространственно-временного плана: можно только строить предположения относительно того, когда, где, при каких обстоятельствах дети и кто из детей читал журнал.

Вместе с тем псевдоанонимность личного местоимения *tu* не создает препятствий для общения: ***Tu** as la chance d'avoir un ordinateur chez toi? **Tu** peux alors découvrir la magie de l'univers de la princesse Lulu et de son ami robot Mnémo* (№ 41). Каждый, кто соотносит себя с *tu*, принимает во внимание предлагаемую ему информацию как соответствующую тем признакам, которыми он обладает.

Смещение референции с единичности на множественность расширяет сферу соотнесенности местоимения *tu* с действительностью, его референтный диапазон, в который включаются все абоненты-читатели. Можно полагать, что в данном дискурсе местоимение *tu* выполняет вместо дейктической *дистрибутивную* функцию. 1. При обращении ко всем подписчикам журнала оно выделяет каждого из них, реализуя обобщающее значение: ***Tu** peux gagner un beau cadeau et pourquoi pas le Karaoké-studio en participant au jeu-concours. En tout cas, voici une sélection qui t'aidera à préparer ta lettre au père Noël!* (№ 47) (сополагаясь с неопределенным местоимением *chacun*); 2. При обращении к некоторой категории класса с присущими ему признаками, реализуя значение количественной неопределенности: *Si **tu** habites la région parisienne, profite de beaux jours pour voir une exposition sur l'art préhistorique* (№ 41); ***Tu** as la chance d'avoir un ordinateur chez toi?...* (№ 41) (коммутируя с неопределенным местоимением *certain*).

Специфика анализируемой ситуации общения подтверждает мысль Г. Гийома относительно роли местоимения в речи. Местоимение скрывает недостаточность имени (*pallie l'insuffisance du nom*) всегда, когда оно оказывается непригодным или несоответствующим (*inapte ou disconvenante*) по каким бы то ни было причинам, чтобы обеспечить временные условия употребления, предлагаемые ему в речи [4, р. 31]. Как, например, невозможность обратиться к каждому ребенку-абоненту по имени.

Коммуникативная стратегия как сознательный выбор (редакционной коллегии) местоимения *tu* для обращения ко всем читателям журнала с целью индивидуализации каждого из них, т.е. как бы лично обращенного высказывания, свидетельствует о прагматическом назначении местоимения *tu*. На первый план выдвигается прагматический аспект как высказывания в целом, так и специфика функционирования местоимения *tu*.

Р. Жоржен отмечает, что местоимение «*Tu est intime, familier, affectueux; ... ce passage de vous à tu marque ... – les exemples en sont nombreux dans la tragédie classique – un élan soudain de tendresse*» [11, p. 168]. И хотя пример классической трагедии может показаться не вполне уместным применительно к данному типу дискурса, но в совокупности этих «свойств» местоимение *tu* реализует свою прагматическую «заданность»: обиходность (что естественно при обращении к детям); задушевность, как при общении с близким человеком; выражение симпатии, доброго расположения и нежности к детям. К этому добавляется эмпатия как сопричастность, понимание и внимание к их интересам, пожеланиям, интеллектуальным запросам, что и получает свое подтверждение в письмах абонентов: *Je suis abonnée à ton magazine depuis déjà quatre ans. Je trouve qu'il est super et très éducatif. J'ai beaucoup aimé Séquoia l'Indien, Toutankhamon, ainsi que tous les peintres. Je trouve géniales les B. D.* (№ 68).

Прагматически обусловлен и стратегический выбор определенных синтаксических структур (сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями условия, вопросительных предложений), использование модальных глаголов и др., снимающих категоричность высказывания и подающих информацию в виде дружеского совета, рекомендации: *Tu aimes Batman? Tu adoreras la «Mask Mobile» avec son capot mâchoire prêt à mordre les criminels et son siège éjectable...* (№ 47); *Si tu habites Paris, passe par la station Parmentier, elle a inspiré Frédéric Niel, notre auteur. Tu pourras y admirer les vitrines consacrées à Antoine-Augustin Parmentier et à sa chère pomme de terre* (№ 59).

При отсутствии однозначно идентифицируемых всех участников письменной коммуникации местоимение *tu* получает значение 'personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels', о чем говорилось выше. Контекст коммуникации устанавливает наличие потенциальных референтов и позволяет говорить о переходе местоимения *tu* в разряд единиц, приобретающих ситуативно обусловленное денотативное основание и сигнификативное значение.

В отличие от денотата как элемента «экстенционала (т.е. множественности объектов способных именоваться данной языковой единицей)» [6, с. 149], денотативное основание не является компонентом семантической структуры личного местоимения *tu*, но в силу определенных условий ситуации общения формирует сферу его соотнесенности с объектами действитель-

ности – абонентами журнала. Наличие денотативного основания позволяет соотнести местоимение *tu* с границами класса и множественностью субъектов, способных именоваться данной языковой единицей: *tu* как «personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels» ограничен представителями только данного «класса»: дети обоих полов. Сигнификативное значение определяется как ‘дети в возрасте 8–12 лет’, ‘подписчики журнала’. Данные компоненты обусловлены, как отмечалось выше, ситуацией общения, их наличие у местоимения *tu* – данность, факт, зафиксированный на обложке журнала: «*Je lis des histoires vraies*», 8–12 ans. Денотативное основание местоимения *tu* как предварительное знание о классе объектов входит в пресуппозицию актуализируемой в речи множественности объектов действительности (равно как и его сигнификативное значение как совокупность признаков ‘8–12 лет дети’, ‘подписчики журнала’).

В таких фрагментах текста, как *Tu te passionnes pour l'Égypte ancienne? Voilà un beau livre vivant et document* (№ 48); *Si tu dévores les livres, voici des coffrets-cadeaux qui regroupent deux à quatre titres bien choisis...* (№ 47); *Si tu as aimé le nouveau film de Disney entièrement réalisé en images de synthèses? Retrouve Woody le cow-boy et Buzz, le roi du gadget* (№ 41), выделенные отрывки формируют сигнификативное содержание каждого отдельного высказывания, конкретизируя прагматически значимые признаки и ограничивая количество членов класса, которым они присущи.

Таким образом, коммуникативная стратегия редакции обращаться ко всем подписчикам приводит к отклонению от норм грамматической системы языка. В результате семантической транспозиции в категории числа отсутствие единственно возможного референта свидетельствует о том, что местоимение *tu* приобретает денотативное основание, соотносясь с классом субъектов, и выполняет дистрибутивную функцию, выделяя каждого из них как индивида. Высказывания, содержащие личное местоимение *tu*, функционируют как прагматические единицы, подчиняющиеся правилам, устанавливаемым в дискурсе, где имеются пространственно-временные лакуны и субъекты адресации, которые не могут быть идентифицированы по имени. Новые условия общения устанавливают и новые правила использования местоимения *tu*, являющиеся нормой в данном типе дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wilmet, M. Grammaire critique du français / M. Wilmet. – Paris : Ed. J. Duculot, 2003. – 758 p.
2. Fischer, M. À la découverte de la grammaire française / M. Fischer, G. Hacquard. – Paris : Librairie Hachette, 1959. – 538 p.
3. Grevisse, M. Le bon usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui / M. Grevisse. – Paris : Ed. J. Duculot, 1969. – 1228 p.
4. Baylon, Ch. Grammaire systématique de la langue française. Avec des travaux d'application et leurs corrigés / Ch. Baylon. – Paris : Nathan, 1978. – 288 p.

5. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1979. – 304 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 709 с.
7. Riegel M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-Ch. Pellat, R. Riou. – Paris : PUF, 2002. – 646 p.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.
9. Grammaire Larousse du XX-e siècle. – Paris: Librairie Larousse, 1936. – 468 p.
10. Степанова, А. Н. Очерки-размышления и цитации о прагматике французского языка: имя и его детерминативы / А. Н. Степанова. – Минск: МГЛУ, 2000. – 280 с.
11. Georgin, R. Difficultés et finesses de notre langue / R. Georgin. – Paris : Éditions André Bonne, 1952. – 336 p.

The article deals with the problem of displacement of personal pronoun *tu* in magazine's correspondence with kids of 8–12 years old. The communicative strategy of editors to address results to all of their subscribers in departure from the norm of grammatical system of the language. New conditions of communication establish new rules and new function for pronoun *tu* in this discourse.

Е. А. Гапанович
(Минск, Беларусь)

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КООРДИНАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются французские координативные сочетания, маркированные в звучащей речи при помощи факультативного связывания. Установлено, что выразительный потенциал средств сочинительной связи во французском языке позволяет не только представить логические отношения сложения, вычитания, подобия, но и отразить гармоническую согласованность элементов целостно воспринимаемого фрагмента действительности. Варьирование форм соединения компонентов номинаций совокупных референтов является результатом вербальной объективации ментальных схем и реализации логико-коммуникативных процедур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: координация, сочинительная связь, синтаксическое единство, совокупный референт, факультативное связывание.

Нормативное оформление и употребление единиц языка выступает одним из критериев его системного устройства. При изучении фактов и явлений живой речи, выделяющихся своей неординарностью и нетривиальностью и, следовательно, требующих более тщательного и аргументированного анализа, возникает потребность выйти за пределы синтактики как инструментария традиционной грамматики. Так, во французской связной речи допускается функционирование сочетаний типа *mesdames[z]et messieurs, filles[z]et garçons*, внешнее оформление которых можно было бы квалифицировать на

первый взгляд как аномальное и асистемное. При исследовании подобных синтагм, объективирующих результат познания совокупных множественных референтов, актуальным представляется выразительный потенциал средств сочинительной связи во французском языке. Внимание к семантико-синтаксическим возможностям координативных сочетаний в рамках проблемного поля «Аномалия в языке – гармония в речи» обусловлено тем, что в своем онтологическом значении координация понимается как отношения равенства или состояние гармонии. Сравним синонимический ряд *coordination* ‘координация, согласование’: *combinaison, conjugaison, harmonisation, synchronisation*, а также саму дефиницию в толковых словарях: «état de choses harmonieusement disposées en vue d’un certain effet» [1] и «harmonisation d’activités diverses dans un souci d’efficacité» [2]. Отметим, что возможна и обратная трактовка гармонии, исходящая из обязательного категориального признака – координации: *Nier toute harmonie des choses, tout plan, tout rapport, toute coordination dans l’œuvre divine* ‘Отрицать какую-бы то ни было гармонию вещей, какой-бы то ни было план и отношения, какую-бы то ни было координацию в божественном творении’ [3, p. 265].

В экстралингвистической действительности координация, представляющая собой особый механизм согласования разнородных элементов, востребована для осуществления профессиональной деятельности, т.е. является формой практики таких областей социального взаимодействия субъектов, как администрирование, военное дело или установление общественного порядка (на что и указывает сама этимология термина *coordinatio*, производного от *ordinatio* ‘mise en ordre’). Сравним: *Mise en harmonie de divers services, de diverses forces, de différentes composantes, en vue d’en renforcer l’efficacité. Comité interministériel de coordination en matière de sécurité sociale* ‘Согласование различных ведомств, социальных структур с целью повышения эффективности их работы. Межведомственный координационный комитет по социальному обеспечению’ [1]. Конструирование модели мира (в частности, национальной языковой картины мира) также опирается на реализацию ментальной процедуры упорядочения, а именно координации, которая, в свою очередь, предполагает реализацию нескольких мыслительных схем в единстве. Отсюда закономерным становится вопрос о возможности объективации гармонии между элементами национальной картины мира средствами языка. Действительно, как отмечает Б. Потье, даже в пределах одного и того же высказывания возможно эксплицитное выражение разных типов отношений между двумя элементами, устанавливаемых путем концептуальных процедур сложения, вычитания, подобия [4, p. 322].

Подобно экономическим или правовым терминологическим номинациям с лексемой *coordination*, лингвистическая координация также предполагает упорядочивание определенным образом структурных единиц, что и наблюдается в русской филологии: грамматическая координация, или

формальное уподобление форм подлежащего и сказуемого, осуществляемое в виде соответствия форм. Вместе с тем во французской лингвистике для обозначения согласования подлежащего со сказуемым используется термин *accord* [2], а *coordination* ‘координация’ трактуется как **связь** лексических или синтаксических единиц [4, p. 322]. Кроме того, более ранние исследования французской координации сводились лишь к формальному описанию союзов, обеспечивающих синтаксическую связь [5, p. 267]. В настоящее время лингвисты проявляют интерес к исследованию функциональной специфики координации, уточняя, например, что соединяемые элементы должны выполнять одинаковую функцию как члены предложения: «*coordination syntaxique – deux segments d’un énoncé sont coordonnés lorsqu’ils ont même fonction* (с’est le cas pour « le soir » et « avant le déjeuner » dans « Téléphonez-moi le soir ou avant le déjeuner » ‘под синтаксической сочинительной связью понимается согласованность двух отрезков высказывания, выполняющих одну и ту же функцию (это относится к «вечером» и «до обеда» в «Позвоните мне вечером или перед обедом»))’ [6, p. 273]. Разрабатывая идеи функциональной лингвистики, А. Мартине предложил считать координацию функциональной экспансией, которая возможна в отношении любых значимых единиц: автономных (*aujourd’hui et demain*) и функциональных (*avec et sans ses valises*) монем, лексем (*rouge et noir, homme et femme*), предикативных синтагм (*il dessine et il peint avec talent*) [7, p. 128–129]. Отметим, что при экспансии функция добавляемого элемента идентична функции того элемента, к которому он присоединяется, а структура начального высказывания может быть легко восстановлена, даже если удалить начальный элемент [8, p. 52]. С этих позиций вполне объяснимо отсутствие последнего во фразеосхеме, образованной по модели: «... *et* + Nsing/Np» (... *Et tout le tremblement/ et le bazar (et (tout) le bazar/ ...et des bananes/ ...et des briquettes/*) ‘... и все такое, и все прочее’, где неизменяемый компонент *et* + и варьируемый именной компонент Nsing/Npl образуют высказывание «без начала» и совместно выполняют смысловую нагрузку, репрезентируя добавление номинальной идеи.

Таким образом, в функциональном плане языковые выражения координации представляют собой формальное объединение двух или более единиц в одно единство, удерживаемое и фиксируемое посредством семантических и синтаксических отношений [9, p. 38–40]. Как видим, координация была и до сих пор остается объектом лишь грамматического анализа (рассматриваемого сугубо с точки зрения морфосинтаксических грамматических значений и особенностей внешнего оформления средствами синтаксической связи) [10, p. 6–7.]

Переходя к анализу особенностей реализации координации в языке и в речи, отметим, что специфический характер координации обусловлен тем, что она в большей степени, чем любое другое синтаксическое явление,

связана с ментальными сущностями [10, р. 6–7]. Поэтому в референциальном плане части координативного единства, выраженные лексическими или синтаксическими единицами, обозначают как конкретные (а), так и абстрактные (b) сущности: *coordination nationale* (a) *des étudiants* ‘координационный отдел по правам студентов’ vs *coordination* (b) *des mouvements* ‘координация движений (работы)’. Очевидно, что живые существа как части совокупного денотата могут вступать между собой в системные отношения, но в случае установления взаимной координации между неживыми объектами требуется присутствие субъекта, который будет реализовывать их включение в единое целое. Например, в высказывании *Du matériel pédagogique, livres et cahiers est maintenant inutilisable* ‘Из всех учебных материалов книги и тетради перестали теперь использоваться’ предикатив *inutilisable* ‘неиспользуемое’ имплицитно указывает на субъекта действия (ученика или учителя).

Вместе с тем возможно и нарушение однородности соединяемых частей, получившее в лингвистике название зевгмы, когда происходит координация единиц разных по природе или функции: *Cet homme est beau et de grande taille. Il parlait en levant la tête et en français. Un homme tout jeune et qui n’avait rien vu*. Степень аномальности таких речевых сочетаний максимальна. Они не входят в фонд национального языка и возможны только с целью создания комического эффекта; будучи алогичными, они также не могут быть использованы для реализации гармонии между фрагментами языковой картины мира.

Как видим, изучение сложных выражений, образованных путем соединения двух простых номинаций при помощи, как правило, сочинительного союза, должно учитывать и такой категориальный признак координации, как логическая организация частей, что отмечается в дефиниции: «*Mise en ordre, agencement calculé des parties d’un tout selon un plan logique et en vue d’une fin déterminée. Coordination des faits, des idées, des recherches; habile coordination. La coordination des efforts*» [6].

Кроме того, координация как таковая является понятием логики, релевантным, например, для классификации и упорядочения знаний человека: *relation entre plusieurs concepts situés sur le même rang dans une classification* [1]. На первый взгляд логика, которая организует и лежит в основе координации [11, р. 217], настолько строга, что может восприниматься как нечто естественное, а ее результат осознается интуитивно. Так, номинация совокупного референта ‘шумиха, сенсация’, созданного путем координации двух частей, в высказывании *Pourtant, chaque année lors du troisième jeudi de novembre, deux débats font couler encre et salive autour de ce vin* ‘Тем не менее каждый год в третий четверг ноября вокруг этого вина раздувается шумиха и ведутся ожесточенные споры по двум вопросам’ не кажется ошибочной, несмотря на то, что две различные по природе жидкие субстанции (*encre et salive*) не могут быть соединены онтологически.

Определяя подходы к теоретическому осмыслению объекта нашего исследования, мы можем установить, что ни один из предлагаемых ранее уровней синтаксического анализа – «статический», динамический, уровень «парантетических внесений» и «фразировки» – не является наиболее эффективным. Действительно, мы не исследуем связи членов предикативных единиц, компонентов актуального членения, базовых и парантетических конструкций, просодико-текстовые и, соответственно, категориальные, информативно-перспективные сегменты. При этом следует уточнить, что интерес представляют номинативные связи контекстуальных синтагм, то есть необходимо учитывать не только фразировку, но и логику-коммуникативную основу номинации сложноорганизованных ментальных структур. Именно нарушение логической последовательности и делает следующее высказывание абсурдным: *Ce train desservira Suresnes-Mont-Valérien, La Défense, Courbevoie, Bécon-les-Bruyères, et sera direct Paris-Saint-Lazare* 'Поезд, следующий через Сюрен-Мон-Валерьян, Ла-Дефанс, Курбева, Бекон-ле-Брюйер, и прибудет без остановок в Париж-Сен-Лазар'. Используемый союз *et* хотя и близок по значению к *puis*, однако его употребление является логической ошибкой, так как две части фразы осмысливаются по отдельности: поезд, обслуживающий несколько вокзалов, не может быть прямым и следовать без остановок до своего пункта назначения. Отсюда и необходимость замены *et* на *puis*. Данные семантические ограничения на употребление *et* не были учтены в сообщении *SNCF*, созданном компьютером, и поэтому оно было исправлено человеком.

В семантической структуре координативных сочетаний возможна актуализация не только основных логических значений (*addition, soustraction, égalité*), но и дополнительных (вторичных) значений, а именно экспрессивных – выразительных, изобразительных – оттенков. В приведенном выше примере дополнительно выражается идея единства, которая была подчеркнута еще и формой единственного числа глагола. Данная особенность отмечена также и в дефиниции союза *et* в словаре «Le Grand Robert»: «Lorsque *et* joint deux ou plusieurs syntagmes, on peut exceptionnellement laisser le verbe au singulier selon que l'on considère du point de vue du sens: a) une même substance conçue sous des aspects un peu différents ...b) un ensemble inséparable ...c) un ensemble non inséparable mais complémentaire» 'При объединении двух или более синтагм с помощью *et* мы можем в исключительных случаях оставить глагол в форме единственного числа при условии, если: а) смысл рассматриваемой субстанции, несмотря на разные аспекты ее представления, изменяется незначительно...; б) субстанция представлена как неделимая совокупность ...; в) совокупность является дополнительным единством' [12]. Заметим, что описанная выше форма глагола специфична и имеет характер исключительности (*exceptionnellement*).

Аналогично на дополнительную идею общности указывает факультативное связывание в высказывании *C'était la fin de quatre longues et terribles*

années de combats meurtriers. ... Beaucoup de ceux qui sont rentrés avaient perdu leur jeunesse, leurs idéaux, le goût de vivre. Beaucoup étaient défigurés, aveugles, amputés. Vainqueurs et vaincus furent alors plongés pour longtemps dans le même deuil ‘Это было окончанием четырехлетней долгой и ужасной смертельной борьбы. ... Многие из тех, кто вернулся, уже потеряли свою молодость, утратили веру в свои идеалы, вкус к жизни. Многие были изуродованы, ослепли, перенесли ампутацию рук и ног. В ту пору победители и побежденные были надолго погружены в один и тот же траур’ (Le discours d’Emmanuel Macron), в котором противоборствующие стороны *vainqueurs et vaincus* ‘победители и побежденные’ объединены одними и теми же чувствами и переживаниями в одно имплицитное целое – человечество, пережившее войну. Уместным в этой связи будет обращение к работе О. В. Александровой об экспрессивном синтаксисе, где речь идет о том, что реализация в речи отдельных синтаксических конструкций может сопровождаться звуковыми средствами усиления выразительности речи [13, с. 7].

Говоря об экспрессивном синтаксисе, уточним, что его терминологический коррелят (стилистический синтаксис) помогает выявить потенциальные выразительные возможности определенных средств общенародного языка, в то время как экспрессивный синтаксис есть теория о непосредственной реализации в речи выразительности с помощью языковых средств. Как справедливо указывает О. В. Александрова, экспрессивность живой речи, в первую очередь, реализуется с помощью просодических средств (ритма, темпа, тона, паузы, мелодики, интонации и т.п., а также порядка слов и т.п.) [13, с. 8].

В условиях многосоюзной (и даже с избыточным, преувеличенным количеством связывающих элементов) координации, так называемого многосоюзия (полисиндетона/*polysyndète*), регулярное (сознательное) повторение союза маркируется, как правило, замедлением речи. Для нас важен тот факт, что, замедляя речь вынужденными паузами, многосоюзие не только усиливает выразительность речи, но и создает единство перечисления [14, с. 101]. При использовании этой риторической фигуры в текстах Библии, в частности в Гenezисе, только первое слово *Dieu* ‘Бог’ употреблено без союза, в то время как в представлении 102 следующих друг за другом действий Бога, перечисленных в 34 стихах, используется сочинительный союз *et* ‘и’: *Dieu créa...*, *et Dieu...*, *et Dieu...*, *et Dieu* Бог сотворил... и Бог... и Бог... и Бог [15, р. 6]. И наоборот, когда части не соединяются союзом, и последний, например, намеренно опускается, высказыванию придается стремительность, насыщенность впечатлениями в пределах общей картины. Сравним в русском языке: *сказано – сделано; пришел, увидел, победил*. Как видим, назначение такой маркированной выразительности – вербальная объективация общей картины целостности.

Выразительные потенции синтаксической конструкции координации целесообразно рассматривать с учетом фонетического оформления. С этих

позиций отметим, что традиционно на первый план из всего бесконечного разнообразия предельных синтаксических единиц французской речи выдвигаются координативные сочетания, которые по своим функциональным признакам ближе всего к отдельному (монологическому) образованию, т.е. слову. Например, *Mesdames et messieurs*. Данные номинации характеризуются ровным тоном или «неизменяющейся акцентной структурой высказывания», а также факультативным связыванием. Другими словами, фонетическое оформление способствует тому, что подобные координативные сочетания, оформляющие ментальные схемы, имеют регулярную воспроизводимость. Связывание же возможно потому, что оно уже априори существовало до вхождения в речь и тем самым маркировало сложные единицы, хранящиеся в ментальном лексиконе. Сравним: «Les séquences stables fréquentes sont des unités de stockage et de traitement, comme le sont les constructions contenant des morphèmes grammaticaux. Parmi ces dernières, les constructions spécifiques et les constructions générales sont impliquées dans une compétition dont l'issue est la disparition progressive de la construction la plus spécifique, qui, dans le cas qui nous intéresse, est celle où la liaison est réalisée» [16, p. 30].

Именно определенное фонетическое оформление коннотативно нейтральных словосочетаний путем факультативного связывания структурных компонентов трансформирует их в коннотативно маркированные и, следовательно, более экспрессивные. Как правило, произносимая согласная является показателем числа или лица [17, p. 166], но не представляет семантических модификаций и нюансов. Таким образом, для достижения гармонии в выражениях, называющих сложные референты, выразительные потенции синтаксической конструкции координации целесообразно рассматривать с учетом специфического фонетического оформления посредством факультативного связывания, маркирующего значение единства и совокупной целостности.

Итак, выразительные возможности французских координативных сочетаний обусловлены их регулярной воспроизводимостью, опирающейся на ментальные схемы. Рассмотрение координации как специфического языкового явления не следует ограничивать только анализом специфики ее внешнего представления. Фонетическое оформление путем факультативного связывания синтаксических сочетаний типа *mesdames[z]et messieurs* позволяет хранить в ментальном лексиконе языковой личности готовые образцы экспрессивной синтаксической синтагматики и выделять их в живой речи наряду с нормативными единицами. Будучи одним из самых частотных, данный грамматический феномен имеет непосредственное отношение к логике и обеспечивает упорядоченную организацию семантической структуры многокомпонентных номинаций совокупных референтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Le Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atilf.fr/tlfi>. – Дата доступа: 10.08.2018.

2. Larousse.fr : encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>. – Дата доступа: 10.08.2018.
3. *Leroux, P.* De l'Humanité, de son principe, et de son avenir: Où se trouve exposée la vraie définition de la religion, et où l'on explique le sens ... / P. Leroux. – Humanité, 1840. – Т. 1. – 370 p.
4. *Pottier, B.* Linguistique générale. Théorie et description / B. Pottier. – Paris : Klincksieck, 1974. – 338 p.
5. *Brachet, A.* Grammaire française, cours supérieur / A. Brachet, J.- J. Dussouchet. – Paris, 1919. – 504 p.
6. *Ducrot, O.* Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov. – Paris, 1979. – 470 p.
7. *Martinet, A.* Eléments de linguistique générale / A. Martinet. – Paris, 1960. – Vol. 349. – 224 p.
8. *Blondet, S.* Grammaire française / S. Blondet. – Paris : Éd. Gisserot, 2003. – 64 p.
9. *Bishop, G.* Developing writing skills in French, the open university/ G. Bishop, H. Bernard. – London, 2005. – 198 p.
10. *Antoine, G.* La coordination en français / G. Antoine. – Paris : Éd. d'Autrey, 1958. – 458 p.
11. *Kartsevski, S. I.* Inédits et introuvables / S. I. Kartsevski. – Paris ; Louvain : Peeters, 2000. – 266 p.
12. Le Grand Robert de la langue française. Version 4.1. – Le Robert, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
13. *Александрова, О. В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учеб. пособие / О. В. Александрова. – М. : Высш. шк., 1984. – 211 с.
14. *Крюкова, Н. Ф.* Метафорика и смысловая организация текста / Н. Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 163 с.
15. *Wierwille, V. P.* La Perspective de la Parole / V.P. Wierwille. – New Knoxville (Ohio), American Christian Press, The Way International, 1971. – V.3. – 288 p.
16. *Bybee, J.* La liaison : effets de fréquence et constructions / J. Bybee // *Langages*. – 2005. – № 2 (158). – P. 24–37.
17. *Laks, B.* Phonologie et construction syntaxique : un test de figement et de cohésion syntaxique / B. Laks // *Linx*. – 2005. – № 53. – P.155–171.

The article deals with French coordinating combinations of words marked by means of optional liaison. It has been established that the expressive potential of coordinating structures in French allows not only to represent logical relationship of addition, subtraction, similarity, but also to reflect harmonic consistency of elements belonging to a reality's fragment holistically perceived.

Л. А. Грачева
(Минск, Беларусь)

СОКРАЩЕННЫЕ НОМИНАЦИИ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ (на материале французского языка)

В статье исследуются семантика и структура сокращенных лексических единиц, входящих в состав лексико-семантической системы сферы образования в современном французском языке. Установлено, что самую многочисленную группу составляют сокра-

щенные названия учреждений образования, представленные, как правило, инициальными аббревиатурами. Значительный рост числа сокращений, упрощение, а иногда и спорный характер их написания и произношения, особенно заимствованных аббревиатур, приводят к все более частым случаям омонимии, что предполагает поиск новых способов дифференциации омонимичных сокращений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *сокращенная лексическая единица, инициальная аббревиатура, алфавитизм, акроним, омоним.*

Вследствие глобализации мирового пространства происходит расширение политических, экономических и культурных связей разных стран. Возрастает число новых лексических единиц, среди которых значительное место занимают сокращенные номинации, так как их использование облегчает процесс коммуникации. Вместе с тем их расшифровка и объяснение могут представлять определенную трудность даже для носителей языка.

Объектом нашего исследования являются сокращенные лексические единицы, входящие в состав лексико-семантической системы сферы образования Франции, которая в последние годы находится в условиях постоянного реформирования, что привело к изменению уже существующих и появлению новых сокращенных номинаций.

Так, Е. А. Алымова выделяет основные тематико-когнитивные блоки лексических единиц, репрезентирующих концепт «образование» в англоязычной культуре: органы контроля за осуществлением образования; виды образовательных учреждений и отделений дополнительной подготовки; категории студентов; свидетельства, дипломы, сертификаты и др. [1, с. 7–10]. В соответствии с данной классификацией нами были выделены основные тематические группы, к которым относятся сокращенные лексические единицы, входящие в состав лексико-семантической системы сферы образования во франкоязычной культуре: учебные заведения (*ENAC – École nationale d'aviation civile* ‘Национальная школа гражданской авиации’); участники процесса обучения (*ASEM – Agent spécialisé des écoles maternelles* ‘администратор детских дошкольных учебных заведений’); процесс обучения (*EAD – Enseignement à distance* ‘дистанционное обучение’) и др.

Среди сокращенных номинаций преобладают инициальные сокращения, которые чаще всего представлены четырехбуквенными аббревиатурами: *E.E.D.D. – Éducation à l'environnement pour un développement durable* ‘Обучение в системе образования бережному отношению к окружающей среде в целях обеспечения устойчивого развития’. Затем следует употребление трехбуквенных аббревиатур: *E.E.A – Électronique, Électrotechnique, Automatique* ‘Электроника; электротехника; автоматика (направление обучения)’. Реже встречаются аббревиатуры, состоящие из пяти букв: *EIGSI – École d'Ingénieurs en Génie des Systèmes Industriels* ‘Школа по подготовке инженеров для промышленных предприятий’. Затем следует использова-

ние аббревиатур, состоящих из двух (*DE – Diplôme d'État* ‘Государственный диплом’) и шести букв: *ESTACA (École Supérieure de Techniques Aéronautiques et de Construction Automobile* ‘Высшая школа авиации и автомобилестроения’).

Немногочисленны случаи использования семибуквенных аббревиатур: *ENSIMAG – École Nationale Supérieure d'Informatique et de Mathématiques Appliquées de Grenoble* ‘Гренобльская высшая национальная школа по подготовке специалистов в области вычислительной техники и прикладной математики’. И, наконец, крайне редко встречаются аббревиатуры, состоящие из восьми или девяти букв: *AEAEENSP – Association des Élèves et Anciens Élèves de l'École Nationale de la Santé Publique* ‘Ассоциация учащихся и выпускников Национальной школы здравоохранения’; *AGREEDDI – Assemblée générale des responsables d'établissements et des écoles publiques délivrant le diplôme d'ingénieur* ‘Генеральная ассамблея ответственных руководителей государственных школ и учреждений, выдающих диплом инженера’.

Как видно из примеров, инициальные сокращения представлены как *алфавитизмами* (*E.E.D.D.*), т. е. инициальными аббревиатурами, произносимыми по алфавитным названиям букв [2], так и *акронимами* (*EIGSI* [ɛgsi]), т.е. сокращенными словами, образованными из начальных букв или начальных элементов слов названного словосочетания и сходными или совпадающими по своей форме (фонетической структуре) с обычным словом [3, с. 15]. Акронимы используются чаще, чем алфавитизмы. По мнению С. М. Рзаевой, акронимы имеют эмоциональную и оценочную характеристики и тенденцию к увеличению их числа, так как в отличие от аббревиатур-алфавитизмов, их легко запомнить: «сходство формы и звучания с общелитературным словом делает их более удобопроизносимыми» [4, с. 125].

В отличие от инициальных аббревиатур, число усеченных слов незначительно. В качестве примеров можно привести следующие сокращенные номинации: *amphi* [amfi] – *amphithéâtre* ‘аудитория, лекционный зал’, *exam.* – *examen* ‘экзамен’.

Немногочисленными оказались случаи использования комбинированных сокращений. Например: *E.E.Pu – École élémentaire publique* ‘Государственная начальная школа’; *EATrs – École d'application des transmissions* ‘Учебно-тренировочная школа войск связи’; *ESPEME* [ɛspeme] – *École supérieure de management de l'entreprise* ‘Высшая школа управления бизнесом’.

Сокращенные лексические единицы образуются как средствами самого языка, так и путем заимствования сокращений из других языков. Среди заимствованных сокращенных номинаций преобладают лексические единицы английского языка. Например: *EF – Education first* (фр.: *Éducation avant tout*) ‘Образование прежде всего’ (глобальная инициатива в области образования).

Спорный характер произношения аббревиатур, особенно заимствованных сокращений, ведет к увеличению числа аббревиатур-омонимов, в расшифровке которых особую роль играет контекст их употребления. Например, инициальная аббревиатура *ENP* в значении *English Northern Philharmonia* 'Северная Английская филармония' встречается как в английском, так и во французском языке. Ср. аббревиатуру-омоним *ENP – École d'horlogerie de Besançon* 'Школа часового дела Безансона'.

Таким образом, тенденция к широкому использованию сокращенных лексических единиц, характерная для различных сфер жизни современного французского общества, является характерной и для сферы образования и проявляется как в письменной, так и устной речи. С увеличением числа аббревиатур-омонимов все большее значение приобретает знание контекста их употребления.

Анализ фактического материала показал, что среди сокращенных лексических единиц преобладающими оказались инициальные аббревиатуры, что подтверждает общую тенденцию к развитию именно данного типа аббревиации. Среди инициальных аббревиатур наиболее частотными являются трехбуквенные и четырехбуквенные, наименее – восьми- и девятибуквенные сокращенные единицы, превышающие нормативную длину слова. Самую многочисленную группу сокращенных лексических единиц, функционирующих в лексико-семантической системе сферы образования, составили аббревиатуры – названия учебных заведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алымова, Е. А. Лингвокультурологическая модель концепта «образование» в национальном самосознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. А. Алымова. – Саратов, 2007. – 24 с.
2. Шаповалова, А. П. Опыт построения общей теории аббревиации : на материале французских сокращенных лексических единиц: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А. П. Шаповалова // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/opyt-postroeniya-obshchei-teorii-abbreviatsii-na-materiale-frantsuzskikh-sokrashchennykh-lek#ixzz5TFo40vJU>. – Дата доступа: 03.09.2018.
3. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
4. Рзаева, С. М. Особенности функционирования неологизмов-акронимов в современном английском газетном тексте / С. М. Рзаева // Вестн. ТвГУ. Сер. Филология. – 2016. – № 4. – С. 124 – 129.

The article examines both semantics and structure of the abbreviated lexical units as a part of the lexical and semantic system of the sphere of education in French. It shows that most abbreviations name the educational institutions. The article points out that new criteria are needed to differentiate homonymous abbreviations.

Н. М. Грищенко
(Минск, Беларусь)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ В КОНТЕКСТЕ «ДУХА ЭПОХИ»

Поэтический текст являет собой эстетический объект, отражающий поэтический универсум его создателя. Как сложно выстроенный смысл поэтический текст отводит особую семантическую нагрузку тем элементам, которые в обычной языковой структуре ею не обладают. Символический универсум, функционирующий в поэтическом тексте, изменяет назначение языка: язык вызывает ассоциации, отсылая адресата к культурному и историческому фону.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *открытое произведение, поэтический текст, мифопоэтика, «дух эпохи», эмотивные стимулы, символ, языковые и культурологические инновации.*

В системе культуры поэзия занимает особое место. Поэтический текст неотделим от культурного контекста эпохи. Его многослойность во многом определяется тем, что для каждого конкретного смысла произведения представлен свой *zeitgeist* ‘дух эпохи’, что создает многозначность текста. Понятие *zeitgeist* получает свое развитие под влиянием культуры конкретного временного отрезка, будучи фактором, опосредующим воздействие культуры на любую человеческую деятельность. Культура, генерирующая свойственный ей «дух эпохи», является сложной, целостной системой, которой присущи самобытные способы коллективных действий, спектр ощущений, стиль мышления.

Поэтический текст представляет собой эстетический объект, отражающий поэтический универсум его создателя. Особенности этого поэтического универсума проступают, прежде всего, в специфическом отношении автора к внешнему и внутреннему миру. Эстетическая функция в поэтическом произведении состоит в том, чтобы открывать адресату нечто новое. Эта новизна становится возможной благодаря перераспределению информации между уровнями сообщения, приводящему к пересмотру кода и образованию новой структурной основы произведения, что перекликается с понятием центра и периферии семиотического континуума. Можно предположить, что открытость произведения является условием эстетического восприятия.

Ссылаясь на концепцию У. Эко, художественное произведение, обладающее эстетической ценностью, можно назвать «открытым». *Открытое произведение* понимается как принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерная для любого произведения в любое время [1, с. 10–11]. Художественное произведение, предстающее как законченная и совершенная форма, является открытым, предоставляя возможность адресату трактовать себя разными способами. При этом произведение не утрачивает присущего ему своеобразия.

В процессе создания произведения автор ориентируется на потенциального читателя и на особенности и закономерности «духа эпохи», совокупность идей, характерных для конкретного исторического периода, и создает пространство проекции этого текста. «Дух эпохи», формирующий язык времени, играет значительную роль в самоопределении эстетических форм и их тесном взаимодействии с иными формами, что предполагает целостность культуры, в системе которой искусству отведено особое место. В контексте «духа эпохи» автор поэтического текста, а вслед за ним и читатель, моделируют универсум. Автор поэтического произведения прогнозирует динамику читательской точки зрения, а текст формирует определенную систему, которая способна стимулировать сотворчество автора и читателя. Можно допустить, что хорошо организованный текст создает определенную компетенцию своего читателя и в то же время заранее предполагает наличие этой компетенции. Подлинно художественное произведение в своей открытости не столько побуждает читателя «воссоздавать» внутренний мир автора, сколько способствует возникновению цепочек ассоциаций, извлеченных художественным произведением из глубин памяти читателя, т.е. вызывает в его памяти ситуации и моменты, созвучные атмосфере произведения. Представляется, что такое домысливание по ходу чтения составляет обязательный эмоциональный аспект чтения, связанный с переживаниями читателя.

В испанской поэзии рубежа XIX – XX вв. находят отражение духовные идеалы и ожидания культурной элиты Иберийского полуострова. Поэтические произведения этого периода насыщены философией, мифологизмом и символизмом. Смысловая многозначность и многоплановость испанской поэтики исторически основывается на мифологическом мышлении, а стремление испанских авторов к гармонии способствует поиску новых форм и метрических инноваций, которые обуславливают колорит и особую мелодичность поэтических произведений. Философско-историческая составляющая испанской поэзии рубежа веков акцентирует смысл произведений, тем самым подчеркивая его первичность. Наряду с этим появление мифологических инноваций в испанской культуре на стыках старых мифов и образов способствует преобразованию мировоззрения общества.

Для испанской культуры в целом характерна отсылка к мифопоэтическим моделям Средиземноморья. Основание греческих колоний на юге и северо-востоке Иберийского полуострова в VII–IV веках до н. э. во многом определило пути становления и развития Испании. Греческая античная культура в значительной мере оказала влияние на формирование и эволюцию самых различных аспектов иберийской культуры (от торговли и сельского хозяйства до декоративно-прикладного искусства, театра и даже корриды). Кроме того, греческая мифология, будучи одной из древнейших форм освоения мира, несла в себе мощный эстетический посыл. Античный мир, постоянно реконструируемый средиземноморской мифологией, гармоничен

и неизменен. Для Иберийского полуострова рубеж XIX – XX веков был отмечен экономической и политической нестабильностью, чередой конфликтов и войн. Поэтому воссоздание испанскими поэтами мифологических сюжетов объясняется стремлением к равновесию и согласию в трудное для Испании время. Примечательно, что и в период смены Ренессанса эпохой барокко, который для Испании также ознаменовался кризисной ситуацией, наблюдается возрождение мифологических образов и сюжетов в творчестве испанской культурной элиты.

В то же время авторские поэтические модели, связанные со средиземноморской традицией, могут выстраиваться и на глубоко личной символике, которая тесно переплетается с испанскими традициями. Автор создает свой внутренний мир, находящий воплощение в поэтическом тексте. Эмотивные стимулы, которыми сообщение воздействует на своего адресата, в эстетическом сообщении понимаются как система коннотаций, управляемая и контролируемая структурой сообщения, так как архетипы, мифологемы, символы, составляющие код культуры, постоянно открыты для новых осмыслений, т.е. речь идет о своеобразных отсылках к исторической памяти культуры.

Так, одним из ключевых слов-образов в испанской поэзии рубежа XIX – XX в. становится вошедшая в мировую культуру и относящаяся к миру богов *цикада* (*cigarra*). Цикада в древнегреческой традиции считалась посланницей небес и отождествлялась с Аполлоном, покровителем музыки и искусств. Связанная с мифом о троянском царевиче Титоне, получившем бессмертие, цикада символизирует вечную жизнь.

К этому символу часто обращались в своих произведениях многие испанские поэты и художники: Сальвадор Руэда, Франсиско Вильяеспеса, Антонио Мачадо, Федерико Гарсия Лорка, Хуан Рамон Хименес, Сальвадор Дали, Жоан Миро и др. Это свидетельствует о прочном укоренении символа в сознании носителей испанского языка и в испанском культурном универсуме. Например, цикада ассоциируется с вечностью, духовным бессмертием, творческим началом: *bordón inmortal* ‘бессмертный припев’, *luz cantora* ‘певучий свет, светоч’, *la doctora, la que enseñó a Virgilio la poesía* ‘та, что обучила Вергилия искусству поэзии’ (С. Руэда), *sempiterna tijera* ‘вечный звук ножниц’, *cigarra cantora* ‘певучая цикада’ (А. Мачадо), *te envuelve... el propio Espíritu Santo* ‘тебя окружает сам Святой Дух’, *quedas transfigurada en sonido y luz celeste* ‘превращаешься в звук и небесный свет’ (Ф. Гарсия Лорка).

В то же время в произведениях поэтов семантическое развертывание ‘цикада как бессмертие’ – ‘цикада как бессмертная поэзия’ подтверждается используемой лексикой, передающей эмотивность и особый лиризм. Например, упоминание Вергилия (*Virgilio*), одного из наиболее значимых античных поэтов, который также неоднократно обращался к цикаде в своих Буколиках, позволяет выделить внутри традиционного символа новую сему ‘*poesía*’, ‘*lo poético*’. Цикада приравнивается в тексте поэту, передающему свои зна-

ния последователям. Здесь также наблюдается приращение смысла: символ приобретает новые оттенки значения – *doctora* (поэт-учитель, поэт-врачеватель) ‘*la que enseña*’, ‘*la que cura*’.

Поэтический текст – как сложно выстроенный смысл – зачастую отводит особую семантическую нагрузку тем элементам, которые в обычной языковой структуре ею не обладают. Символический универсум, функционирующий в поэтическом тексте, изменяет назначение языка: язык не столько называет, сколько вызывает ассоциации, отсылая адресата к культурному фону и историческому. При этом для корректного восприятия сообщения предполагается определенная (культурная и интеллектуальная) подготовка читателя, его включенность в контекст. При анализе поэтического текста становится очевидной необходимость реконструкции семиотического языка культуры с использованием культурологического подхода наряду с собственно лингвистическим анализом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эко, У. Открытое произведение / У. Эко. – СПб. : Академ. проект, 2004. – 380 с.

The article focuses on the Spanish poetic texts within the context of the “spirit of the times” (*Zeitgeist*). The Spanish poetry creates in an active way new symbols on basis of the traditional images and characters of the Mediterranean symbols. On the one hand, they make a reader to carry on a dialogue with the author and promote semantic development of new units. On the other hand, they send a reader back to the cultural and historical background.

Е. Н. Грушецкая
(Могилев, Беларусь)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности педагогического дискурса как разновидности институционального.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *коммуникация, дискурс, институциональный, педагогический, социокультурный подход.*

Несмотря на обилие научных работ, посвященных всестороннему исследованию дискурса с позиций различных областей лингвистики, его типов, видов, жанров и т.д., в настоящее время по-прежнему остается актуальным изучение феномена дискурса, в частности, в социокультурном плане.

Социокультурный аспект отражен в определении *дискурса*, предложенном Н. Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингви-

стическими – прагматическими, *социокультурными*, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное *социальное действие*, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136–137] (выделено нами. – Е. Г.).

Дискурс как социальное и социокультурное явление противопоставляется личному, индивидуальному. По мнению Т. Ф. Плехановой, дискурс «составляет социокультурный опыт (действия и события вокруг нас) и индивидуальный опыт (чувства и мысли внутри нас)» [2, с. 86]. Исходя из данного противопоставления, В. И. Карасик выделяет два типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института [3, с. 278]. Институциональный дискурс – это устойчивая система статусно-ролевых отношений, сложившаяся в коммуникативном пространстве жизнедеятельности определенного социального института [4].

Наряду с политическим, дипломатическим, административным, юридическим, военным, религиозным, мистическим, медицинским, деловым, рекламным, спортивным, научным, сценическим и массово-информационным, выделяется педагогический дискурс как вид институционального. Всестороннее исследование специфики педагогического дискурса представляется необходимым, поскольку миссия образования как социального института чрезвычайно важна и состоит в формировании человека и его духовной сферы, предоставлении ему теоретических знаний и практических навыков. При анализе педагогического дискурса выявляется разнообразие терминологического описания, которое требует уточнения и конкретизации. Например, к педагогическому дискурсу относят учебно-воспитательный, университетский, педагогический, дидактический, учебный, аудиторный, академический, школьный и другие виды дискурсов.

Педагогический дискурс – это образец коммуникативно-прагматического речевого поведения учителя, осуществляющийся в сфере обучения и имеющий некоторое количество неизменных и переменных признаков: социокультурных норм, социальных ролей и отношений, соглашений, особенностей интерактивности и т.п. Речевое взаимодействие участников педагогического общения возникает по инициативе педагога в точном соответствии с разработанным заранее планом урока. Учитель в наибольшей степени ориентирован на организацию своей педагогической и воспитательной деятельности на уроке, а также на активное овладение разнообразными приемами с целью вовлечения учащихся в подготовленный сценарий урока. Обучаемые при этом являются объектом педагогических воздействий [5].

Обращение к исследованию педагогического дискурса представляется наиболее актуальным в рамках подготовки специалистов в области препода-

вания иностранных языков. Основной целью обучения иностранному языку (как в средней, так и высшей школе) является обучение коммуникативной компетенции, общению, т.е. диалогу в широком смысле. Поэтому урок иностранного языка диалогичен по своей сути, а учитель на уроке выступает в роли профессиональной коммуникативной личности, задающей ту или иную ситуацию, в рамках которой и происходит общение на уроке.

Дискурс урока иностранного языка является, безусловно, педагогическим со всеми присущими ему признаками: типичными участниками коммуникации являются учитель и ученик, местом проведения – класс/аудитория учебного заведения, урок имеет временные ограничения и т.д. Дискурс учителя иностранного языка на уроке – это образец, модель, «наглядное пособие» для ученика. Поскольку отработка языкового материала происходит в ситуациях коммуникации, то на первый план выходят коммуникативно-регулирующая и императивная стратегии педагогического дискурса учителя иностранного языка [6, с. 207].

С точки зрения теории коммуникации урок, протекающий в реальном времени и координатах «здесь и сейчас», является прототипической ситуацией общения, а учитель – главным субъектом речи данной ситуации, чьи высказывания направлены на адресата (класс или отдельных учеников). Поскольку учителю необходимо предъявить эталон речи на иностранном языке, побудить к высказыванию учащихся, то он сам непосредственно выступает активным участником ситуации коммуникации, активным субъектом речевого действия – *говорящим*.

Таким образом, педагогический дискурс урока иностранного языка – как разновидность институционального – имеет выраженную коммуникативную направленность, что проявляется в наличии агентов коммуникации (учитель–ученик), хронотопа общения (45 минут урока), коммуникативные стратегии учителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ярцева, В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
2. *Плеханова, Т. Ф.* Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т. Ф. Плеханова. – Минск : ТетраСистем, 2011. – 368 с.
3. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – с.
4. *Русакова, О. Ф.* PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // Междунар. академия дискурс исследований – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.madipi.ru/index.php?id=27&option=com_content&view=article. – Дата доступа : 11.11.2018.
5. *Балабанова, Т. Н.* Педагогический дискурс как разновидность дидактического / Т. Н. Балабанова // Гуманитарные научные исследования – [Электронный ресурс]. – 2018. – № 11. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2018/11/25260>. – Дата доступа : 12.11.2018.

6. Грушецкая, Е. Н. Институциональный дискурс учителя иностранного языка / Е. Н. Грушецкая // Новое слово в науке: стратегии развития: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, г. Чебоксары, 12 марта 2018 г. / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2018. – С. 207–208.

The communicative and pragmatic aspect of pedagogical discourse is under consideration in the article.

А. М. Дудина
(Минск, Беларусь)

СВОЕОБРАЗИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье предпринят сопоставительный анализ лингвокультурологических аспектов концепта «деньги» во французском и белорусском языках на материале данных лексикографических источников, а также пословиц и поговорок. Выявлены особенности образного и концептуального представления денег для носителей французского и белорусского языков и культур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковая картина мира, концепт, лексико-семантическое поле, универсальные и национально-специфичные признаки.

Анне Вежбицкой принадлежит плодотворная мысль о том, что «некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей» [1].

В настоящее время изучение концептов в языке является одним из самых перспективных направлений в лингвистике, поскольку знания людей об объективной действительности организованы в виде концептов – абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые в ходе мышления. Концепт – это та единица коллективного сознания, которая отсылает к высшим духовным ценностям, имеет языковое выражение и отмечена этнокультурной спецификой; концепты «образуют культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [2, с. 3–5]. Тем самым исследование языкового выражения одного и того же концепта в разных языках (и культурах) позволяет выявить национальную специфику языков, реконструировать картину мира в целом и языковую картину мира в частности.

Данное исследование посвящено сопоставительному анализу лексических единиц и фразеологизмов, репрезентирующих концепт «деньги»

во французской и белорусской лингвокультурах, являющийся одной из важнейших составляющих культуры любого социума, ведь отношение представителей любого языкового коллектива к этому концепту имеет ценностные характеристики. Особенности отношения представителей различных культур к деньгам в значительной степени объясняются и определяются менталитетом нации и экономической ситуацией. Деньги – неотъемлемая часть жизни любого социума и ее необходимая составляющая.

Исследование данных лексикографических источников [3; 4; 5; 6] показало, что лексико-семантическое поле (ЛСП) «Деньги», репрезентирующее изучаемый концепт, складывается из всех наименований денежных единиц, среди которых родовой является собственно *argent/грошы*, а видовыми – его репрезентанты. Лексема *argent* во французском языке широко употребительна: *argent de poche*, *argent fou*, *argent comptant*, *argent mignon* и др., равно как и лексема *грошы* в белорусском языке: *ломаны грош*, *грош цана*, *жывыя грошы*, *абстрактныя/рэальныя грошы*, *дастойныя грошы*, *чыстыя/брудныя грошы* и т.д.

Во французском языке видовыми репрезентантами концепта «деньги» являются имена существительные *pièce*, *billet*, *monnaie*, *franc*, *louis d'or*, *centime*, *euro*, *livre*, *dollar*, *yen*, *fric*, *pognon*, *blé*, *thune*, *pèze*, *flous*, *radis* и некоторые другие. Отметим, что лексемы *pièce*, *billet*, *monnaie*, *franc*, *louis d'or*, *centime*, *euro*, *livre*, *dollar*, *yen* семантически нейтральны, в то время как следующие за ними несут дополнительную эмоциональную нагрузку, поскольку относятся к разговорной (просторечной) лексике (*pognon*, *radis*, *thune*) либо входят в число арготических единиц (*blé*, *fric*, *pèze*). В белорусском языке видовыми репрезентантами изучаемого концепта выступают такие лексические единицы, как *грашовы знак*, *грош*, *манета*, *капейка*, *рубель*, *беларускі рубель*, *даляр*, *еўра*, *фунт*, *йена*, представляющие нейтральную зону ЛСП, и *зайчыкі*, *бабкі*, *баксы*, *капушта*, представляющие ее эмоционально-окрашенную часть. Тем самым очевидно, что общим для обеих наций является восприятие денег как металлических и бумажных знаков, служащих мерой стоимости при купле-продаже.

В обоих языках часть ЛСП «Argent/Грошы» представлена именами существительными, выражающими способ получения денег за произведенную работу. Так, во французском языке: *mensualité*, *avance*, *retenue*, *traite* и в белорусском языке: *зарплата*, *аванс*, *даход*, *вэксаль*. ЛСП «Способ оплаты» представлена лексическими единицами *comptant*, *liquide*, *chèque*, *carte bancaire*, *solde*, *règlement* во французском языке и *нацяўныя грошы*, *грашовая нацяўнасць*, *гатоўка*, *банкаўская картка*, *жалаванне*, *разлік* – в белорусском. Часть ЛСП «Argent» представлена также глагольными единицами *payer*, *gagner*, *dépenser*, *épargner*, *prêter*, *emprunter* и др. и в белорусском языке – *плаціць*, *зарабляць*, *траціць*, *выдаткоўваць*, *ашчаджаць*, *збіраць*, *зберагаць*, *пазычаць*, *займаць* и т.д.

Яркие свидетельства национально-специфических аспектов осмысления любого концепта (в том числе и концепта «деньги») обнаруживаются в лексике, объясняющей особенности ценностных установок той или иной языковой общности. Поэтому среди языковых манифестаций концептов особое место занимает область фразеологизмов, и прежде всего пословиц и поговорок. Именно они объясняют специфику явлений быта, традиций, обычаев, верований, суеверий и истории народа, а также содержат нормы и правила, признаваемые большинством представителей той или иной общности, вырабатанные на основе опыта ряда поколений. По мысли Ю. Г. Круглова, паремии¹ – это «застывшие осмысления того или иного концепта, складывавшиеся на протяжении длительного времени» [7, с. 183].

Для выявления общих и национально-специфичных черт в представлении концепта «*argent*/грошы» были выделены следующие три группы паремий в изучаемых языках:

- 1) аналогичные по значению, употреблению и лексическому составу;
- 2) похожие по значению и употреблению, но разные по лексическому составу;
- 3) не имеющие аналогов в другом исследуемом языке.

Как свидетельствуют полученные данные, в паремиях зачастую прослеживается одинаковое отношение носителей французского и белорусского языков к деньгам. В менталитете данных народов деньги напрямую соотносены с важностью фактора времени; с привлечением денег деньгами; с важной ролью денег в войне; со значимостью источника получения денег; с моральными принципами; с неразумной тратой денег и неумением их сохранить и др. Об этом свидетельствуют, например, пословицы *Le temps c'est de l'argent* / Час гэта грошы; *L'argent attire l'argent, L'argent va à l'argent* / Грош грошу таварыш; *L'argent n'a pas d'odeur* / Грошы не пахнуць, – представляющие первую из выделенных выше групп. Во вторую, наиболее многочисленную группу, вошли, например, такие пословицы, как *Abondance de biens ne nuit pas* / Ні адна капейка не будзе лішняй; *Nous sommes tous frères, mais nos bourses ne sont pas soeurs* / Свой сваім, а дзенюжкі не радня и др.

Сходство содержания концепта «деньги» во французской и белорусской лингвокультурах проявляется в нескольких аспектах. Так, в менталитете обоих народов подчеркивается главенство (первостепенность, могущество) денег в жизни, что отражено, например, в следующих пословицах: *Avec de l'argent, on arrive à tout; L'argent est roi* / Грошы усяму галава; Грошы камень б'юць; Рубель і камень даўбе; Грошы муры ламаюць; *Zolota i kamen' daube*. Кроме того, в обеих лингвокультурах *ami*/сябар и *bonheur*/шчасце ценятся выше, чем *den'gi*, о чем свидетельствуют паремии *L'argent ne fait pas le bonheur* / Грошы не прыносяць шчасця; *Mieux vaut manquer d'argent que*

¹ Чтобы подчеркнуть общность терминов *пословицы* и *поговорки*, в работе они зачастую заменяются общим термином *паремии*.

d'ami; Ami vaut mieux qu'argent / Не май сто рублёў, а май сто сяброў. Отметим в этой связи, что духовные ценности – *любоў, дружба, павага, дабрыня* – никогда не ассоциировались у белорусов с понятием *грошы*, однако они считались *багаццем чалавека*. Белорусам издревле было свойственно прагматическое отношение к жизни. Естественно, что *без шчасця не будзе багацця, а за грошы шчасця не купіш*. Однако деньги никогда не были самоценностью. Белорусы относятся к деньгам, как к жизненной необходимости. Горькая ирония сквозит в поговорке *Праўда у тых, хто грошы мае*. Такое же отношение к деньгам свойственно и французам, иллюстрацией чего могут служить пословицы *Plaie d'argent n'est pas mortelle; Une perte d'argent n'est pas irréparable; L'argent procure tout, hors l'esprit et le cœur; Mieux vaut bonne renommée que ceinture dorée; Pauvreté n'est pas vice*. Вместе с тем французы также признают, что *Qui a argent on lui fait fête, qui n'en a point n'est qu'une bête; Compte sans argent est musette sans vent; Ce qu'argent ne fait, diable ne peut; L'argent régit le monde* и др.

Весьма немногочисленной оказалась группа белорусских пословиц и поговорок, не имеющих аналогов во французском языке: *Не возьмеш за рубель дваццаць; Як тры грошы даў; Капейка не запарыцца*. Белорусские паремии наглядно демонстрируют такие национально-культурные особенности менталитета белорусского народа, как бережливость, экономность. Так, говоря о большой стоимости чего-либо, белорусы отмечают, что это *абыходзіцца ў капеечку*. При описании неохотного расставания с деньгами говорят о *дрыжаннях* над ними, и наоборот, ведя речь об излишнем расточительстве, говорят о *капейцы, якая не запарыцца*. Национальный колорит присутствует также в пословице *І Езуп Галушка тры грошы прыкіне*, означающей, что и скупой человек иногда способен на добрые поступки; и в пословице *І ў ванучца грошы вядуцца*, описывающей привычку белорусских крестьян хранить деньги завернутыми в старые тряпки. Интерес представляет и французская пословица *Point d'argent, point de Suisse*, в которой содержится намек на швейцарских солдат, не пожелавших продолжать службу в армии Франциска I ввиду неуплаты им денежного вознаграждения, а также паремия *L'argent va et vient comme la marée*, иллюстрирующая реалии географического положения Франции. Паремии подобного рода, имеющие исторический, географический или иной подтекст, позволяют глубже проникнуть в историю народа, разобраться в особенностях его восприятия и интерпретации тех или иных реалий.

В паремическом фонде исследуемых языков выделяются группы с общими приращенными значениями, например, 'деньги – время': *Le temps c'est de l'argent / Час гэта грошы*; 'деньги – сила, власть': *L'argent régit le monde; Dieu est le maître du ciel, et l'argent le maître de la terre / Грошы кіруюць светам; Tant que l'or luit, force d'amis / Абы грошы, то ў роднага бацьку купіш; За грошы і бога купіш*; 'деньги – живое существо': *L'argent est rond*

pour rouler, L'argent court, quand même il n'a pas de jambes / Грош кругал, без ног абыдзе увесь свет; 'деньги – зависть': Argent d'autrui nul n'enrichit / Лепей лічыць свае вошы, як чужыя грошы, а также группы с национально-специфическими коннотациями, отражающими особенности менталитета и самобытность культуры французов и белорусов, о которых говорилось выше.

Тем самым идиоматическое представление концепта «деньги» демонстрирует – наряду с понятийной – образную, метафорическую и символическую манифестации, будучи антропоцентрической характеристикой. Паремии с компонентом *argent/грошы* во французском и белорусском языках характеризуются повышенной эмоциональностью и образностью, основанной на особом восприятии явлений и фактов окружающей действительности, на их оценке (положительной или отрицательной).

Во французском и белорусском языках в концепте «argent» находят свое отражение универсальные и национально-специфические признаки. Универсальные признаки составляют ядерный слой данного концепта и имеют преимущественно когнитивную природу, в то время как специфические признаки представляют собой в основном периферийные слои концепта и связаны как с собственно языковыми, так и с культурными особенностями.

Данные проведенного исследования демонстрируют, что деньги как одна из наиболее значимых реалий в жизни человека занимают ведущее место в языковом сознании французов. Что же касается белорусского языкового сознания, то в нем деньги следуют за такими реалиями, как *жизнь, дружба*. Данный факт служит доказательством того, что западное общество более ориентировано на деньги, в отличие от постсоветского (в том числе белорусского, долгое время являвшегося частью СССР), в котором главенствующую роль играли идеи равенства и коллективизма.

Исследование языкового выражения одного и того же концепта в разных языках (и культурах) позволяет выявить национальную специфику языков. Она отражается в разных способах его представления, в количестве и наборе лексем и фразеологизмов, называющих данный концепт, в уровне абстракции его представления. В указанной связи изучение концептов через средства их языкового представления можно считать одним из способов реконструкции картины мира в целом и языковой картины мира в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 263–305.
2. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1993. – С. 3–6.
3. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь. = Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe : более 50 000 выражений / В. Г. Гак [и др.]. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1625 с.

4. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – М. : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі. – 2008. – Т. 1. – 256 с.
5. *Суднік М. Р.* Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / рэд. М. Р. Суднік, М. Н. Крыўко. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 1999. – 784с.
6. Прыказкі Лагойшчыны [Электронны рэсурс] – Режим доступа : <http://slounik.org>. – Дата доступа : 19.10.2018.
7. *Круглов, Ю. Г.* Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Ю. Г. Круглов. – М. : Просвещение, 1990. – 336 с.

The article is devoted to a comparative analysis of the linguistic and cultural aspects of the concept of *money* in the French and Belarusian languages. The analysis uses data from lexicographical sources, as well as proverbs and sayings. The analysis reveals the peculiarities of the figurative and conceptual presentation of money for speakers of French and Belarusian languages and culture.

Г. А. Змудзяк
(Минск, Беларусь)

ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА «ОДОБРЕНИЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности положительно-оценочного экспрессивного речевого акта «одобрение», играющего важную роль в межличностной коммуникации. В зависимости от иллокутивной цели данные речевые акты могут быть отнесены к разнообразным классам: репрезентативам, комиссивам, экспрессивам, декларативам. Однако независимо от типа, все они – прямо или косвенно – выражают положительную оценку, что позволяет адресанту устанавливать и поддерживать контакт с собеседником, оказывать положительное влияние на его эмоции и поведение.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *речевой акт, адресант, адресат, оценка, межличностная коммуникация.*

Отношения между языковой формой высказывания и его коммуникативной функцией не всегда однозначны, что обуславливает деление речевых актов (РА) на *прямые* и *косвенные*. П р я м ы м РА называют производство и произнесение такого высказывания, в котором однозначно выражается его иллокутивная сила. Иллокутивная цель данных РА отражена в языковой структуре высказывания. В к о с в е н н о м РА предложение, содержащее показатели иллокутивной силы одного вида РА, может произноситься для осуществления РА другого вида. На первый взгляд такие предложения обозначают одно, а при их восприятии интерпретируются как обозначающие нечто другое [1, с. 192].

Таким образом, одно и то же высказывание может быть как прямым, так и косвенным РА. Ср.:

Quelle heure est-il, s'il vous plaît?

В прямом значении целью данного РА является запрос времени. Однако это высказывание может рассматриваться как косвенный РА-одобрение или неодобрение в зависимости от пресуппозиции и контекста.

Согласно мнению Р. Конрада, решающую роль для интерпретации высказывания играют ситуация общения, наличие схем поведения с некоторой заранее заданной иерархией целей [2, с. 349]. Это значит, что, используя косвенный РА, говорящий рассчитывает на коммуникативную компетенцию слушающего, а также на конвенции – неписанный договор, установления, принятые в данном сообществе [3, с.119].

Изучение особенностей речевых актов лингвистами привело к созданию множества их классификаций. Классификации Дж. Остина и Дж. Серля являются основными, общепринятыми и в дальнейших исследованиях лишь дополнялись и уточнялись. Однако существующие классификации не дают разделения речевых актов на непересекающиеся классы. Существуют РА, обладающие признаками, характерными для разных иллокутивных актов, и образующие «смешанные» типы. Например, РА-одобрение выступает одновременно и репрезентативом, поскольку предполагает наличие соответствующего мнения у говорящего, и экспрессивом, поскольку выражает одобрение говорящим этого положения. Таким образом, место РА-одобрение однозначно не определено, и в зависимости от иллокутивной цели говорящего данные речевые акты могут быть отнесены к самым разнообразным классам, предложенным Дж. Серлем и Дж. Остином.

Le Nouveau Petit Robert дает следующее определение понятию «одобрение»: «*approbation f – jugement favorable, témoignage d'estime ou de satisfaction*» [4, p. 107].

Как видно из дефиниций, одобрение выступает как положительно-оценочный экспрессивный РА. Объектами одобрения могут выступать неодушевленные предметы, идеи, явления, моральные и интеллектуальные качества, умения и поступки собеседника или отсутствующего при разговоре человека. Если РА-одобрение касается качеств и поступков собеседника, адресат сообщения и объект оценки совпадают; если же оцениваются качества и поступки отсутствующего в момент речи человека, то адресат и объект оценки различны.

Одобрение как РА-положительной оценки играет огромную роль в межличностной коммуникации при установлении и поддержании контакта. Выражая свое мнение, адресант оказывает влияние на адресата.

В процессе коммуникации РА-одобрение выполняет ряд функций.

Контекстоустанавливающая (фатическая) функция состоит в установлении контакта между коммуникантами:

Bonjour, je m'appelle Keira. C'est un vrai plaisir de faire votre connaissance, docteur. On dit que vous êtes un médecin génial (M. Levy).

Экспрессивная функция заключается в том, что адресант информирует адресата о своей положительной позиции относительно его суждений, действий:

Je soutiens entièrement votre important travail (A. Jardin).

Социальная функция состоит в передаче отношения социума к объекту сообщения:

C'est bien, Bébé-Longues-Pattes, murmure-t-il en passant près d'elle (A. Pol).

Побудительная функция заключается в побуждении объекта оценки к действиям, заслуживающим одобрения адресанта, либо к продолжению состояния, в котором объект оценки, адресат, находится в момент одобрения:

Tu fais des progrès. N'écoute pas ce que te disent des envieux ! Danse et tu seras la meilleure qui ait jamais existé, mon ange ! (A. Pol).

Регулирующая функция направлена на установление и поддержание межличностных отношений и позволяет создать благоприятную атмосферу в процессе коммуникации:

Je voudrais vous demander quelque chose, dit-elle enfin. Votre père et moi aimerions nous marier. – C'est une très bonne idée, dis-je (F. Sagan).

РА-одобрение выражается разнообразными языковыми средствами и наиболее обобщенно лексемой *approbation*: *approbation générale, muette, publique, unanime, universelle, chaleureuse; donner son approbation; mériter, obtenir, recevoir, recueillir l'approbation; air, marques, signe d'approbation; l'approbation du gouvernement, des pouvoirs, du parlement, des ministres, etc.* Например:

Pouvez-vous préciser si, et quand, nous pouvons espérer obtenir l'approbation de cette demande ? (M. Lévy).

Поскольку одобрение является положительно-оценочным РА, то для положительной оценки широко используются оценочные прилагательные *bon, beau, grand, fantastique, parfait, incroyable, magnifique, fabuleux, intelligent, charmant, juste, savoureux, gentil*:

Cette villa est ravissante, – soupira-t-elle (F. Sagan).

Ряд оценочных прилагательных используется для оценки интеллектуальных качеств адресата одобрения, а также внешности как присутствующего, так и отсутствующего лица (*brave, jeune, raffiné, actif, habile, sensible, sociable, discret, honnête, vertueux*):

Tu as bonne mine aujourd'hui. Tu es admirable, ma belle (A. Pol).

Важную роль в положительной оценке выполняют оценочные прилагательные в сравнительной или превосходной степени сравнения и числительные. В РА-одобрение превосходная степень прилагательного, а также числительное, употребляемое со сравнительной степенью, интенсифицируют оценку качества или состояния:

Madame la reine, vous êtes la plus belle ici. Mais, par-delà les monts d'airain auprès des gentils petits nains, Blanche-Neige est mille fois plus belle (Grimm).

Наряду с прилагательными, причастия также помогают в создании позитивной оценки объекта:

Keira, vous semblez reposée et plus enchantée que jamais. Ravi que vous soyez si motivée (M. Lévy).

Усиление положительной оценки достигается также за счет использования наречия-интенсификатора. К наиболее распространенным интенсификаторам относятся наречия *près, assez, absolument, tout à fait, parfaitement, bien, merveilleusement*, а также наречия частотности *toujours, parfois, jamais*, которые подчеркивают неизменное присутствие в объекте оценки положительных качеств и отсутствие отрицательных:

Vous m'aviez acheté des fleurs? dit la voix d'Anne. C'erst trop gentil (F. Sagan).

Интенсификация положительной оценки достигается также за счет использования междометий и частиц:

Oh, mon dieu, ça doit être lui. Enfin quelqu'un de bien élevé dans cette maison (M. Lévy).

Léonor, tu es si belle aujourd'hui (A. Pol).

Одобрение как положительно-оценочный экспрессивный РА может выражаться с помощью ряда высказываний: *je suis d'accord, c'est tout à fait juste, cela m'arrange, je le trouve superbe, c'est bon, c'est bien, pourquoi pas*.

Типичной синтаксической структурой для РА-одобрение выступает повествовательное предложение с прямым порядком слов. В них широко используются глаголы, выражающие положительную оценку (*je suis d'accord, j'approuve, je soutiens, je partage l'avis*):

Olga Gromova lève son verre grand comme un dé à coudre: Je suis très contente de vous, mes enfants (A. Pol).

Использование аффективных прилагательных *délicieux, excellent, magnifique, splendide, superbe* перед существительным придает большую экспрессивность высказыванию, подчеркивает субъективную оценку:

J'ai lu un excellent roman! Et tu sais, je vais le relire (A. Pol).

Риторические вопросы могут выступать интенсификаторами иллокутивной силы РА-одобрение. Они представляют собой эмоционально-окрашенную реакцию говорящего на высказывание или действие собеседника:

Mais ne vois-tu pas comme elle est mignonne et intelligente? (F. Sagan).

По характеру выражаемой коммуникативно значимой информации риторические вопросы являются не вопросами, а эмоционально-экспрессивными сообщениями.

Эллипсис будучи сигналом устной, спонтанной речи, придает высказыванию динамичность, большую выразительность, усиливает его экспрессивность. Благодаря эллипсису реализуется возможность выделить самое важное в высказывании – положительную оценку:

Ah! Charmante, la petite. Moins que sa mère, mais charmante (Colette).

Использование эллипсиса создает эффект аутентичности, позволяет выделить оценочный компонент высказывания.

Одним из наиболее распространенных средств выражения положительной оценки в РА-одобрение является повтор, сущность которого заключается

в его особом воздействии на адресата. Повторы усиливают иллокутивную силу высказывания, а также положительное эмоциональное отношение адресанта к объекту одобрения:

*Ayant étudié sa photo, le Maire a dit: **Magnifique!** C'est un travail **magnifique**. J'admire ce beau travail* (F. Sagan).

Избыточность – как полное или частичное повторение сообщения – создает условия для восприятия косвенного смысла РА-одобрения, который не вытекает непосредственно из его лексического наполнения:

*J'aime beaucoup son spectacle. Je pense qu'il est doué **de talent**. C'est un danseur très **talentueux*** (A. Pol).

Особой эмотивностью отличается повтор с нарастанием. В таком случае признаковое имя заменяется на более сильное по семантическому содержанию. Причем градация может выражаться как прилагательными, так и наречиями:

*As-tu pu coudre une robe que je t'avais montrée ? – Bien sûr. Regarde ! – Qu'est-ce que'elle est **belle, magnifique, superbe*** (A. Pol).

*Je voudrais vous présenter un serviteur de Dieu qui est **très brave et incroyablement loyal et honnête, nullement lâche*** (J. Giono).

Если говорящий считает недостаточным выделение того или иного компонента высказывания, он использует повтор с расширением. В таком случае усиливается смысл высказывания, вводятся дополнительные смыслы:

*Il est **le meilleur médecin ici, le meilleur que j'aie rencontré*** (M. Lévy).

В РА-одобрении достаточно распространена метафора как способ интенсификации положительной оценки. Использование метафоры позволяет создать образную, индивидуально-личностную картину мира. Возникает особый стилистический эффект, благодаря которому передаются положительные чувства адресанта по отношению к адресату:

*La petite courut vers la scène. Elle ajusta sa robe et se mit à chanter. Inhabituellement sensuelle sa voix volait dans le ciel. **Un vrai rossignol**, murmura le vieillard* (A. Gavalda).

В РА-одобрении широко применяется сравнение как образное выражение, в котором одно явление (предмет, лицо) уподобляется другому. Предметом сравнения часто становится адресат либо его поведение. В любом сравнении присутствует идея эталона – то, с чем сравнивается признак, который заслуживает положительной оценки, одобрения. Эталоном может быть любой объект, в котором присутствует этот признак:

*Brian Branwell abandonne son poignet. Il sourit : Léonor, à mon avis, tu es prête à danser ! **Tu te sens comme un poisson dans l'eau sur la scène !*** (A. Pol).

Эффективным интенсификатором одобрения может быть и гипербола как сознательное преувеличение, которое повышает экспрессивность высказывания:

***La planète entière** pense que vous êtes un musicien exceptionnel* (A. Ulderzo).

Средством интенсификации положительной оценки в РА-одобрение могут выступать и лексические единицы с отрицательной семантикой. В сочетании с лексемами положительной оценки создается стилистическая фигура *оксюморон*, что придает высказыванию особую эмоциональность:

Adrian, vous êtes un diagnosticien infernal. Vous avez déterminé la maladie au stade initiale. – Bravo ! (M. Lévy).

Ils ont gagné le match. Ces salauds étaient superbes ! (K. Pancol).

Фразеологические единицы – как устойчивые обороты в языке и речи – выражают специфику отражения картины мира носителем языка и часто употребляются для придания образности и выразительности речи персонажа:

Tu es la plus grosse travailleuse que je connaisse. Tu fais toujours feu des quatre pieds (A. Pol).

Et c'était un beau geste de votre part (M. Lévy).

Фразеологизмы *faire feu des quatre pieds* ‘прикладывать все силы’; *un beau geste* ‘красивый жест’; *avoir le coeur sur les mains* ‘душа нараспашку’; *être joli comme un coeur* ‘быть хорошим человеком’ и т.п. создают образность речи, помогают адресанту точнее передать свои эмоции и положительную оценку.

Таким образом, как речевой акт положительной оценки одобрение играет огромную роль в межличностной коммуникации при установлении и поддержании контактов. РА-одобрение в различных ситуациях общения может принадлежать к репрезентативам, комиссивам, экспрессивам, декларативам и выражает эмоции, мнение адресанта, оказывает положительное воздействие на эмоции и поведение адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серль, Дж. Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 151–222.
2. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 349–384.
3. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – 216 с.
4. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris : Dictionnaires le Robert, 1994. – 2489 p.

The article is dedicated to the peculiarities of functioning of the speech act of approval in French and their role in interpersonal communication.

Л. П. Казловская
(Минск, Беларусь)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрена прагматическая значимость психологического аспекта категории темпоральности и роли говорящего субъекта в представлении времени глагольными формами изъявительного наклонения во французском языке.

Ключевые слова: категория времени, темпоральность, объективное время, субъективное время, грамматическое время, психологическое время, говорящий субъект, временные маркеры.

Глагол как один из ключевых элементов языка и время как его «частеречная» характеристика всегда привлекали внимание ученых. Наличие разнообразных концепций и подходов, а также отсутствие единой общепринятой теории темпоральности, которая могла бы объяснить все нюансы употребления временных форм французского глагола в речи, указывают на сложность и многогранность данной проблемы.

В центре нашего внимания находится время в его соотнесенности с языком (прежде всего, с грамматикой) и с человеком – говорящим субъектом, активно взаимодействующим с ним в речи. Время не только неоднозначно воздействует на язык «извне и изнутри», оно также не отделимо от человека, который в своей практической деятельности активно руководствуется понятием *время*: оно пронизывает его жизнь, его культуру и неразрывно связано с самыми фундаментальными представлениями о действительности. Время мыслится как чистая длительность, необратимая последовательность протекания событий из прошлого через настоящее в будущее, оно объективно, его свойства и качества не зависят от наполняющей их материи. Однако понятие времени неоднородно, поскольку «в нем содержатся представления, принадлежащие разным мирам – физическому, духовному, обыденному, научному, вербальному, акциональному» и человек, живя в определенное время, в то же время находится в разных временах, которые объединяют внешний (материальный) и внутренний (идеальный) опыт человека [1, с. 78].

Таким образом, несмотря на свой объективный характер время субъективно переживается и осмысливается человеком – говорящим субъектом. Время не воспринимается непосредственно органами чувств, для его отображения существуют другие механизмы. Говорящий субъект, познающий, чувствующий и переживающий реальность, способен сравнивать и оценивать реальное и возможное, прошлое и настоящее, вероятное и желаемое, регулярное и уникальное, историю и вымысел благодаря своей способности «ставить ощущения скорости движения времени в зависимость не только от ума, но и от сердца» [2, с. 57]. Несмотря на отсутствие специального органа для восприятия времени последнее, тем не менее, организует в сознании говорящего свой «психический склад» [3, с. 52]. Причем в разных культурах, на различных этапах общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эта категория воспринимается и применяется неодинаково.

Объективное (реальное) время концептуализируется и объективируется согласно законам познания и составляет основу для формирования понятийной категории времени, которой на уровне языковой системы соответствует

функционально-семантическая категория темпоральности. Последняя указывает на локализацию действия во времени и охватывает разноуровневые (морфологические, синтаксические, лексические) языковые средства выражения, центром которых являются временные формы глагола. Как семантическая категория темпоральность призвана передавать объективное время сквозь призму субъективного времени со всеми особенностями последнего [4, с. 72]. Поэтому грамматическое время, будучи одной из основных грамматических категорий глагола и обладая собственным системно-структурным инвариантным значением, воспроизводит объективное время с позиции говорящего субъекта, т.е. передает способ темпоральной локализации события или действия в высказывании через точку зрения/отношение говорящего субъекта. Именно последний берет на себя ответственность за локализацию действия, которое он представляет. В зависимости от того, какое место говорящий отводит себе на оси объективного времени и каким образом он собирается организовать текст, он может «манипулировать временем» [5, с. 117].

Отражая мыслительную деятельность человека, темпоральность выражает отнесенность действия к определенному временному срезу и передается, в первую очередь, личной формой глагола (*il lit* ‘он читает’, *il a lu* ‘он прочитал’, *il lira* ‘он будет читать’). Глаголу в изъявительном наклонении отводится в этой операции особое место: он обозначает реальное действие и его временные формы призваны указывать на время этих реальных действий.

В языке присутствуют и другие временные маркеры, например, внешние, указывающие на время своей семантикой: имена существительные (*nuit* ‘ночь’, *mois* ‘месяц’), прилагательные (*matinal* ‘утренний’, *hivernal* ‘зимний’, *futur* ‘будущий’), наречия (*bientôt* ‘скоро’, *demain* ‘завтра’), а также предлоги (*pendant* ‘во время’, *après* ‘после’) и союзы (*quand* ‘когда’, *dès que* ‘как только’). Внешние временные маркеры (в частности, обстоятельства времени) всегда указывают на одну и ту же неизменную позицию во времени по отношению к говорящему субъекту.

На уровне речи темпоральная референция высказывания реализуется говорящим субъектом через взаимодействие нескольких маркеров времени, а именно: временной формы глагола и обстоятельства времени, которое, как лексическое средство, принимает на себя функцию обозначения объективного времени. Расхождение временной семантики формы сказуемого и временного дейктика приводит во французском языке к столкновению разных временных срезов: настоящего и будущего, настоящего и прошедшего, прошедшего и будущего. Ср. следующие высказывания

(1) *Demain, après le concert, tu viens chez moi et je te prépare un plat vénitien...* (P. La Mur) ‘Завтра после концерта ты придешь (букв. приходишь) ко мне, и я приготовлю (букв. готовлю) тебе венецианское блюдо’;

(2) *Hier, je vais chez lui; sa mère veut pas que je rentre* (D. Maingueneau). ‘Вчера я пришел (букв. иду) к нему, его мать не хочет, чтобы я возвращался’;

(3) *Un peu de patience: j'ai fini dans un instant* (M. Grevisse) 'Немного терпения: я очень скоро закончу (букв. закончил)', где говорящий субъект намеренно расширяет временные рамки, отказавшись от семантического согласования форм и дейктиков, чтобы подчеркнуть свое особое отношение к сообщаемым фактам.

Так, в высказывании (1) говорящий, используя форму *Présent* в значении будущего (настоящее-будущее) *tu viens* 'ты приходишь/придешь' и *je prépare* 'я готовлю/приготовлю', демонстрирует свое твердое решение выполнить действие. Несмотря на гипотетичность (предположительность) будущего (временной маркер будущего *demain* 'завтра'), действие задумано (предопределено, предрешено) и тем самым как бы уже реально «существует» (*fait partie du procès*). В высказывании (2) употребление формы *Présent* в значении прошедшего законченного (настоящее-прошедшее) *je vais* 'я иду/пришел' – это психологический (чувственный) отклик говорящего на свершившееся. Его назначение – акцентировать внимание адресата на состоянии субъекта, который, представляя прошедшие действия «как бы» происходящими на глазах адресата/читателя, воздействует на него: «Настоящее время как бы включает читателя в диалог, т.е. помещает его в то же пространство и время, в котором находится сам повествователь» [6, с. 289]. В высказывании (3) личная форма в *Passé composé* указывает на прошедшее время и на завершенность действия, а употребление перфектного по своей семантике глагола *finir* 'заканчивать, завершать' логично согласуется с предельностью обозначаемого действия. Завершенность действия *j'ai fini* 'я закончил' и временной маркер будущего (*dans un instant* 'сейчас, скоро') явно противоречат логике положения дел, если принять во внимание тот факт, что мы знаем о будущем меньше, чем о прошлом. В результате такого внешнего «конфликта» так называемой «грамматической аномалии» временная форма приобретает особую психологическую окраску: говорящий демонстрирует абсолютную уверенность в завершенности действия.

Таким образом, грамматические формы, которыми оперирует говорящий (настоящее-будущее, настоящее-прошедшее, прошедшее-будущее), нередко оказываются прагматически значимыми. Они позволяют читателю/слушателю понять, что переживает в данный момент говорящий, т.е. проникнуть в его внутренний – скрытый от прямого наблюдения – мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябцева, Н. К. Аксиологические модели времени / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык и время. – М. : Индрик, 1997. – С. 78–95.
2. Мартемьянов, М. Ф. Время (понятие и слово) / М. Ф. Мартемьянов // Вопр. языкознания. – 1978. – № 2. – С. 52–66.
3. Арутюнова, Н. Д. Время: модели и метафоры / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время : сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М. : Индрик, 1997. – С. 52–60.

4. Шендельс, Е. И. Категория времени в коммуникативном аспекте / Е. И. Шендельс // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца ; редкол. : А. А. Брагина (отв. ред.) [и др.]. – М., 1986. – № 272 : Функционирование языковых единиц в коммуникативных аспектах. – С. 71–77.

5. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск: БГУ, 2009. – 183 с.

6. Падучева, Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 464 с.

The article is devoted to the pragmatic significance of the psychological aspect of the category of temporality in the French language and to the role of the speaker in the presentation of tense with verbal forms of the indicative mood.

С. А. Колесник

(Минск, Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье описываются изменения в отношениях между мужчинами и женщинами в разных сферах их жизни, происходящие в Испании в последние десятилетия. В связи с этим рассматриваются некоторые особенности коммуникации в современном испанском обществе. Анализируется также использование нескольких моделей номинации женщин по профессии либо занимаемой должности и приводится ряд примеров из современной испанской прессы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *гендерные особенности, феминистское движение, общество, языковая политика.*

Общественные и экономические изменения, происходящие в большинстве стран мира в последние десятилетия, вызывают большой интерес к проблемам гендерных исследований, основным предметом которых является изучение различий между мужчинами и женщинами в личных сферах их жизни.

Современный человек сочетает в себе разнообразные комбинации гендерных признаков, а причиной такому разбросу в характеристиках послужил допуск обоих полов к образованию. Современные мужчины и женщины одинаково преуспевают в различных видах труда. Испанские женщины сегодня «идут в ногу» с сильным полом. Это отражается не только в одежде, общении, манере поведения, но также в образе жизни в целом. С годами испанские женщины обрели все реальные права: в области образования, работы, политики. Сейчас практически нет сферы деятельности, которую бы не освоила женщина, хотя в испанском обществе долгое время все обстояло совсем иначе. Даже в лексическом фонде испанского языка главенствующая роль всегда отдавалась мужчине: например, лексическая единица *hombre* передает значения ‘мужчина’ и ‘человек’, а лексическая единица *mujer* означает ‘женщина’, ‘жена’, но не имеет значения ‘человек’.

Одной из главных черт испанского мужчины является мачизм – особый вид маскулинности (культ силы, мужественности, убежденности в своем превосходстве над женщиной) [1, с. 77]. Эта национальная черта испанца во всей полноте раскрывается в давней испанской традиции – корриде (бое быков), во время которой очень четко проявляется сила, мужественность и бесстрашие испанских тореро. Традиционно патриархальное понимание роли мужчины как существа высшего порядка, который властвует над женщиной, закреплено также во многих испанских пословицах и поговорках: *animales ingratos: las mujeres y los gatos* ‘неблагодарные животные – женщины и кошки’; *por la mujer entró el mal en el mundo* ‘из-за женщины пришло зло в этот мир’; *la mujer sin hombre es como un caballo sin brida* ‘женщина без мужчины, как лошадь без узды’; *mujer que sabe latín... no tiene marido ni tiene buen fin* ‘женщина, которая знает латынь, не имеет ни мужа, ни хорошего конца’ и др.

Во времена правления диктатора Франко участие женщин в политической и социальной жизни было ограничено законодательно. В 1938 году был провозглашен закон о труде, который ограничивал права женщин, что выражалось в отсутствии их доступа к высоким государственным должностям, а также в низкой оплате женского труда по сравнению с мужским. Сам факт постоянной трудовой деятельности женщины вне дома воспринимался как нарушение традиционного уклада. Роль женщины на протяжении долгого времени ограничивалась материнством, заботой о детях, муже, родителях, обязанностями ведения домашнего хозяйства. Профессиональная деятельность женщин была явлением редким и немногочисленным, в стране насчитывалось чуть более десяти женских профессий, многие из которых носили непостоянный характер. Но благодаря падению тоталитарного режима Франко, а также феминистскому движению в США и Европе, борьба за реальное равноправие мужчин и женщин начала играть заметную роль в общественной жизни Испании. Постепенно мужчины начали терять свое безусловное превосходство над женщинами в жизни испанского общества. Распространение феминистских идей в Испании способствовало тому, что с середины 80-х гг. XX века там начала проводиться языковая политика, направленная на устранение в языке дискриминации по половому признаку. Так, например, в последние годы больше не используется такая модель номинации женщин по профессии либо занимаемой должности, как артикль женского рода + существительное мужского рода: *la abogado* ‘адвокат’, *la médico* ‘врач’, *la catedrático* ‘профессор’, *la juez* ‘судья’, *la presidente* ‘президент’ и др. Сейчас для номинации женщин по профессии, занимаемой должности и т.д. все чаще употребляется следующая модель: артикль женского рода + существительное женского рода [1, с. 82] (например, *la abogada* ‘адвокат’, *la médica* ‘врач’, *la catedrática* ‘профессор’, *la jueza* ‘судья’, *la presidenta* ‘президент’ и др.). В подтверждение этому можно привести ряд примеров из

современной испанской прессы: *la jueza impone al autor del crimen la pena máxima de 25 años por asesinato (el correo.com.bizkaia)* ‘судья назначает автору преступления максимальное наказание в виде 25 лет за убийство’; *María Vallet Regí es catedrática de Química Inorgánica de la Facultad de Farmacia de la Universidad Complutense de Madrid (www.ucm.es)* ‘Мария Валлет Реги – профессор неорганической химии на фармацевтическом факультете Мадридского университета Комплутенсе’; *la presidenta croata se pagó de su bolsillo el viaje al Mundial de Rusia (Público)* ‘президент Хорватии оплатила из собственного кармана свою поездку на чемпионат мира по футболу в России’; *la abogada de divorcios cuenta qué ocurre en las parejas de verdad (El Confidencial)* ‘адвокат по бракоразводным процессам рассказывает, что на самом деле происходит в супружеских парах’.

В Испании в 1975 г. была отменена статья Гражданского Кодекса, обязывающая женщину слушаться мужа, а также обязательное правило-закон, согласно которому для занятия чем-либо вне дома женщине было необходимо получить разрешение мужа. В 1999 г. был принят закон о мерах, позволяющих сочетать трудовую деятельность с домашней работой. После чего, благодаря массовому приходу женщин в сферу профессиональной и социальной деятельности, в 2005 г. был принят еще один закон, согласно которому испанский мужчина должен разделять со своей женой домашние обязанности, заботу и внимание по отношению к детям, родителям и другим иждивенцам. А в 2018 г. Испания даже отличилась, назначив на должности министров больше женщин, чем мужчин. В состав правительства П. Санчеса, сформированного в июне 2018 г., вошли 11 женщин и только 6 мужчин. Сегодня испанская женщина-политик более убедительна в общении не только со своими коллегами-мужчинами, но и с народом своей страны, поскольку способна отбросить в сторону традиционные негативные и угрожающие диалогу стереотипы, что является необходимым условием коммуникативной удачи современного дискурса. П. Санчес считает, что приоритетом правительства является обеспечение равноправия между мужчинами и женщинами. Первым вице-премьером также является женщина, К. Кальво, которая возглавила вновь образованное министерство по делам равноправия. Данное ведомство впервые было создано правительством Сапатеро и просуществовало с 2008 по 2010 г.

Испанские преподаватели Йера Морено и Мелани Пенна пошли еще дальше: в борьбе против гендерного неравенства они предлагают открывать в Испании феминистские школы, в которых преподавателями должны использоваться в большинстве своем литература и учебники авторов женщин, а также феминизировать историю искусства и культуры, поскольку в мире существует много женщин-художников, кинорежиссеров, искусствоведов, фотографов. Это и Дора Маар, Эстер Феррер, Камилла Клодель, Ана Мендиета, Тамара де Лемпицка и многие другие [2, с. 26]. По их мнению,

учебная программа физического воспитания тоже должна быть общей для всех учащихся. Й. Морено и М. Пенна также предлагают использовать в современной испанской школе несексистский язык, употребляя в речи только женский либо средний род (когда вместо окончаний *-os* (муж.р.) и *-as* (жен.р.) будет использоваться одно окончание *-es*) для детей обоих полов (например, *les todes* ‘все’).

Нельзя обойти вниманием еще одну коммуникативную ситуацию, а именно – *комплимент*. С недавнего времени в Испании объектом высказывания становятся также лица мужского пола. Напр.: *¡Está cañón!* ‘Красавчик!’. Женщины же – в связи с феминистским движением – все чаще выдвигают требования к ограничению употребления комплиментов мужчинами в их адрес.

В Испании в последнее время происходят изменения на всех уровнях социальных отношений между мужчиной и женщиной. Испанская женщина XXI века свободно оперирует любыми терминами, ей стали доступны неподвластные ранее темы, сферы ее интересов значительно расширились [3, с. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фирсова, Н. М. Отражение маскулинности в вербальных и невербальных средствах коммуникации испаноязычных народов / Н. М. Фирсова // Вестн. РУДН. Сер. 4, Языкознание. Лингвистики. – М., 2006. – С.76–85.
2. Moreno, Y. Breve decálogo de ideas para una escuela feminista [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.te-feccoo.es/2018/02/15/breve-decalogo-de-ideas-para-una-escuela-feminista> – Date of access : 03.01.2019.
3. Войченко, В. М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре / В. М. Войченко // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2009. – С. 64–70.

The article deals with the changes of social relations between Spanish men and women in the last decades. Some peculiarities of communication in the modern Spanish society are described in this article.

В. Ю. Костюченко
(Минск, Беларусь)

МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИРРЕАЛЬНЫХ НАКЛОНЕНИЙ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ СЕТЕВЫХ ТОК-ШОУ И ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

В статье исследуется грамматическая (объективная) модальность, которая составляет ядро (базис) категории модальности и реализуется в семантике глагольных наклонений. Представлены модальные значения ирреальных наклонений в русских и английских сетевых ток-шоу и интернет-комментариях, определено их количественное соотношение. Выявлены факторы, влияющие на преобладание и особенности употребления модальных значений сослагательного и повелительного наклонения.

Ключевые слова: *ирреальные наклонения, сослагательное наклонение, повелительное наклонение, модальные значения, интернет-коммуникация.*

Семантическая суть категории наклонения заключается в противопоставлении реальных действий (изъявительное наклонение) ирреальным действиям (императив и кондиционал). В качестве средств выражения объективной (грамматической) модальности в первую очередь рассматриваются ирреальные (неизъявительные) наклонения.

Проблематика данной статьи сосредоточена на исследовании модальных значений ирреальных наклонений в русских и английских интернет-дискуссиях. Материалом исследования данной статьи послужили 8 фрагментов сетевых ток-шоу с участием актеров (многие из которых также выступают как режиссеры, продюсеры, сценаристы) и 8 фрагментов интернет-комментариев к ним или ток-шоу такого же формата (объем одного фрагмента – 1000 слов). Рассмотренные русские и английские интернет-тексты не касаются острых политических тем, социальных проблем, модераторы не «копаются» в личной жизни приглашенных актеров, то есть в центре внимания – профессиональная тематика, а на периферии находятся житейские, семейно-бытовые, иногда развлекательно-сплетнические вопросы.

Выявлено, что представленность форм ирреальных наклонений (повелительного и сослагательного) в русских и английских сетевых комментариях выше по сравнению с ток-шоу, причем в жанре сетевого комментирования их количественная представленность практически одинакова в русском и английском материалах, в то время как в русскоязычных ток-шоу выявлено почти в 2 раза больше форм ирреальных наклонений (за счет высокой продуктивности повелительного наклонения), чем в ток-шоу на английском языке. Продуктивность ирреальных наклонений в исследуемых интернет-текстах представлена в таблице.

Количественное соотношение сослагательного и повелительного наклонений в русских и английских сетевых ток-шоу и комментариях

Жанр интернет-коммуникации	Количество фактов и процент в совокупном массиве форм ирреальных наклонений		
	Сослагательное наклонение	Повелительное наклонение	Всего
Ток-шоу на русском языке	14 (26,4%)	39 (73,6%)	53 (100%)
Ток-шоу на английском языке	20 (71,4%)	8 (28,6%)	28 (100%)
Комментарии на русском языке	17 (23,6%)	55 (76,4%)	72 (100%)
Комментарии на английском языке	44 (63,8%)	25 (36,2%)	69 (100%)

Можно заметить асимметрию представленности форм сослагательного и повелительного наклонений в русском и английском материалах: в английском значительно преобладает сослагательное наклонение, в то время как в русских интернет-дискуссиях шире представлено повелительное наклонение. Эти данные свидетельствуют о разном характере коммуникативной культуры русских и английских собеседников: для русских участников беседы характерна бóльшая степень категоричности и прямолинейности, тогда как английским коммуникантам свойственны косвенность, неимперативность, стремление к бесконфликтному общению. Некоторые лингвисты отмечают, что косвенная манера коммуникации англичан связана с такой чертой британской коммуникативной культуры, как демонстративная обходительность и стремление избежать прямого воздействия на собеседника.

Основные модальные значения ирреальных наклонений – это побуждение разной степени категоричности и выражение действия желаемого (предполагаемого). Однако в рассматриваемых интернет-текстах они приобретают дополнительные смысловые оттенки. Повелительное наклонение в интернет-дискуссиях используется для активизации внимания слушающего (*Посмотрите, мы собрались сегодня по какому поводу*) [1], для поддержания контакта с собеседником, выражения своего удивления, заинтересованности, вовлеченности в разговор, то есть выполняет отчасти фатическую функцию, показывая фамильярность, открытость общения (*Люблю, чтобы картинка менялась, понимаете; Ну, там есть 11 сезонов, вы представляете!*) [2]. Выявлены случаи употребления повелительного наклонения для создания юмористического эффекта, иронии (*Почувствуйте разницу, как говорится*) [1].

В русских и английских сетевых комментариях представлены случаи эмотивно-насыщенных форм повелительного наклонения, которые выражают разную степень экспрессивности (неодобрение, недовольство, возмущение, упрек): *Пишите, для начала, без ошибок, а далее-злобствовать прекращайте, женщина!* [3]; *Хватит тут умничать; Закрой пасть* [4]; *Stop trying to lecture me* 'Прекратите учить меня' [5]. Удельный вес таких высказываний – 39% от общего количества выявленных фактов повелительного наклонения в русских интернет-комментариях и 24 % – в английских. Степень эмоциональной насыщенности таких высказываний в английских комментариях не такая высокая по сравнению с русскими. Часто такие комментарии имеют характер категоричного, настойчивого (резкого) побуждения, но не переходят в разряд оскорбительных. В то же время, только в русских интернет-комментариях присутствует повелительное наклонение в форме пожелания (14 % от общего количества повелительных высказываний), которое адресуется обсуждаемому в комментариях актеру и выступает как способ выражения положительных эмоций, восхищения и одобрения: *Храни Вас Бог; Оставайтесь такой всегда!* [3]. Следует отметить, что повелительное накло-

нение в английском материале часто направлено не на собеседника, а на всех (потенциальную аудиторию), в то время как русскому материалу более свойственно обращение в форме императива к конкретному собеседнику, что подчеркивает косвенный характер коммуникации английских собеседников: стремление избежать конфликтных ситуаций. Интересен тот факт, что только в русских интернет-комментариях выявлено сослагательное наклонение в значении 'действие как желаемое', выражающее отрицательное эмоционально-оценочное отношение: *Ведущая громкоголосая неискренняя дама. Писала бы себе и писала. Ну зачем в телевизор-то! [4]; Хоть бы немножечко порылась бы в биографии Марии!..+ еще перебивает ее постоянно!*

Выявленные особенности модальных значений ирреальных наклонений и разная продуктивность сослагательного и повелительного наклонений в русских и английских сетевых ток-шоу и интернет-комментариях говорят о том, что русские коммуниканты более свободно и открыто проявляют эмоции, они довольно категоричны и прямолинейны. Английские коммуниканты, наоборот, стремятся не допустить прямого коммуникативного воздействия на собеседника, проявляют тенденцию к смягчению коммуникации, избегают острой полемики. Различия в представленности сослагательного и повелительного наклонений в значительной мере зависят от принадлежности исследованных интернет-текстов к русской или английской коммуникативной культуре. Фактор жанровой принадлежности играет незначительную роль в преобладании грамматических модальных значений.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Шоу Парк КиО. В гостях Анна Сигалова и Дмитрий Бертман [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=4yI2QEDWgE0>. – Дата доступа : 03.11. 2017.

2. Светлана Ходченкова: «В Америке я чужая и своей никогда не стану»: Видео-версия встречи театрального клуба «Антракт» с актерами [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=XKu6nnzJH_k. – Дата доступа : 20.02. 2017.

3. Интернет-комментарии к программе Татьяны Устиновой «Мой герой» [Электронный ресурс] / в гостях Е. М. Боярская; ведущая Т. В. Устинова. – «ТВ Центр» – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=Vf29tveyAz8>. – Дата доступа : 13.05.17.

4. Интернет-комментарии к программе Татьяны Устиновой «Мой герой» [Электронный ресурс] / в гостях А. В. Макаров; ведущая Т. В. Устинова. – «ТВ Центр» – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=bJg6vDF19Lk>. – Дата доступа : 24.03.17.

5. «Actors on Actors»: Carey Mulligan and Elizabeth Banks [Electronic resource]. – Variety Channel – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=fNVYjH2CUGA>. – Date of access: 10.05.17

The article examines the grammatical (objective) modality, which represents the core (basis) of the category of modality and is realized in the semantics of the verbal moods. Modal meanings of the subjunctive and imperative mood are revealed, their proportion is defined. Factors affecting the predominance and characteristics of the use of the modal meanings of the subjunctive and imperative mood are identified.

А. Е. Крючкова
(Минск, Беларусь)

ПЕРЕХОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО ЛИЦА В ИМЯ НАРИЦАТЕЛЬНОЕ

В статье анализируется процесс лексикализации имен собственных знаменитых и известных исторических личностей. Установлено, что преобладание когнитивной составляющей в значении исторических имен, как правило, имеет следствием образование *неодушевленных нарицательных лексем*, обозначающих конкретные объекты или предметы реальной действительности.

Ключевые слова: лексикализация, имя собственное, имя нарицательное, производная лексема, когнитивная составляющая.

Лексикализация представляет собой длительный процесс, отражающий эволюцию языка в целом и активность тех или иных принципов словообразования на определенном этапе, результатом которого является сосуществование двух форм одного имени – собственной и нарицательной. Нередко оказывается, что предмет, получивший обозначение через историческое имя, лишь самым косвенным образом связан с реальной личностью: это может быть фраза, которую носитель имени произнес, либо однажды созданный им объект, либо одежда, которую он носил, и т. д. [1, р. 6].

Обратившись к материалу, уже систематизированному в словаре Ж. Анри [2], мы отобрали методом сплошной выборки слова, образованные в результате лексикализации имен знаменитых личностей Франции. Так, обобщение когнитивной составляющей имени *César* дало основу двойного образования *неодушевленному имени* и *одушевленному имени лица*: *césar* – 1. *Titre affecté aux successeurs de Jules César*. 2. *Empereur, souverain autocrate* ‘кесарь – 1. Титул, даваемый последователям Юлия Цезаря. 2. Император, самодержец’. Как видим, второе значение *le César* отличается более высокой степенью обобщенности: референция имени выходит за пределы последователей Юлия Цезаря. Подтверждающим фактором становятся предлагаемые для этой лексемы синонимы *empereur, souverain autocrate*, а также перевод ‘государь’ на русский язык [3, с. 179].

Нарицательное неодушевленное имя *le napoléon* ‘наполеондор’, образованное от исторического имени *Napoléon (Bonaparte)*, обозначает: *pièce d'or de 20 francs, à l'effigie de Napoléon I ou de Napoléon III* ‘золотая монета Франции стоимостью 20 франков с изображением Наполеона I или Наполеона III’ [4, р. 1097]. Связь значения производной лексемы *le napoléon* с семантикой исходного имени собственного находит свое подтверждение в дефиниции как ссылка на знаменитую личность. Тем не менее исторически известно, что любая золотая монета в 20 франков, даже не несущая изобра-

жения императора, со временем стала называться *le napoléon*. В частности, существуют наполеондоры Людовика XVIII, Шарля X, Луи-Филиппа [5]. То есть имя нарицательное *le napoléon* в значении ‘золотая монета стоимостью в 20 франков’ (*pièce d’or de 20 francs*) используется независимо от смены правителя: обобщаются признаки самой монеты – *золотая, 20 франков*. Связь производной лексемы с референтом имени собственного сохраняется лишь этимологически в понимании того факта, что монета впервые была введена в быт французского общества в эпоху правления Наполеона I. Иными словами, образованное неодушевленное существительное полностью абстрагируется от семантики исходного имени. Связь признаков с денотатом становится прочной и однозначной: имя нарицательное «приобретает отнесенность к обобщенному понятию и ко всем тем объектам, которые могут быть под него подведены» [6, с. 191]. Ср. также: *louis* ‘луидор’.

Имя *Charlemagne* не дало производных лексем во французском языке. Но оно входит в состав устойчивого словосочетания *faire charlemagne* ‘выйти из игры после выигрыша’ (букв. ‘делать Карла Великого’). Лексико-семантический комплекс используется по отношению к игроку в карты, который выходит победителем партии, не дав соперникам возможности отыгаться [7, р. 201]. Точной информации об истории появления данного словосочетания нет. Однако есть предположение, что за основу берутся объективные сведения о беспроеигрышных победах Карла Великого [8, р. 174].

Связь неодушевленных имен и терминов *le bottin* ‘боттен (каталог)’, *le braille* ‘брай (рельефно-точечная система письма)’, *le daguerréotype* ‘дагерротип’, *la guillotine* ‘гильотина’, *la micheline* ‘мишлин (автопоезд)’, *la montgolfière* ‘монгольфьер (воздушный шар)’, *la nicotine* ‘никотин’, *la pasteurisation* ‘пастеризация’ и *la silhouette* ‘силуэт’ с историческими именами, от которых они были образованы, отмечается в энциклопедическом словаре дважды: через перенос дескрипции из дефиниции имени самой личности в значение производной. Ср.: *bottin* (*de S. Bottin, qui publia le premier annuaire en France*) – *annuaire paraissant chaque année* ‘боттен (от имени С. Боттена) – адресная книга, переиздаваемая ежегодно’ и *Bottin* (*Sébastien*) (1764–1853) – *administrateur et staticien français. Il a donné son nom à un annuaire du commerce et de l’industrie* ‘Боттен (Себастьян) (1764–1853) – французский управляющий, инженер-строитель. Он дал свое имя каталогу торговли и промышленности’; *montgolfière* (*de Montgolfier, n. pr.*) – *aérostat dont la sustentation est assurée par de l’air chauffé par un foyer situé sous le ballon* ‘монгольфьер (от имени Монгольфье) – аэростат, приводимый в действие за счет нагревания воздуха горелкой, находящейся у основания шара’ и *Montgolfier* (*les frères de*) – *industriels et inventeurs français. Ils inventent le ballon à air chaud, ou montgolfière* (1783) ‘Монгольфье (братья) – французские изобретатели и производители. Они изобретают воздушный шар, известный как монгольфьер (1783)’ и др.

История и процесс лексикализации имени *Guillotin* ‘Гийотен’ связаны с политической деятельностью его известного носителя в XVIII веке. Профессор анатомии и депутат Парижа Гийотен выступал за использование машины для приведения в исполнение смертного приговора и избавления осужденных от мучений в результате мгновенной смерти. Исторически известно, что такая машина уже существовала в Северной Англии задолго до ее появления во Франции. Однако, несмотря на протест самого Гийотена, инструмент казни все же получил его имя как результат насмешки над медиком после его выступления в Ассамблее по продвижению конструкции, которую он иронично назвал «своей» машиной [9, p. 353]. В определенный период времени эта машина носила имя доктора, внесшего изменения в ее функционирование: «Louison» ‘Луизон’ или «Petite Louissette» ‘Маленькая Луизетт’ [2, p. 184], – но данное имя так и не прижилось в обществе.

В современном французском языке лексема *la guillotine* обозначает не только инструмент, служащий для казни, но и смертный приговор: *guillotine (de Guillotin, n. pr.) – a. Instrument qui servait à décapiter les condamnés à mort par la chute d’un couperet glissant entre deux montants verticaux. b. Peine à mort infligée au moyen de la guillotine* ‘гильотина (от имени Гийотен) – а. Инструмент, используемый для смертной казни через обезглавливание лезвием, скользящим между двумя вертикальными стойками. б. Смертный приговор посредством гильотины’ [7, с. 496].

В XVIII веке попытки французского контролера финансов Э. де Силуэта (*Étienne de Silhouette*) пополнить казну за счет обложения налогами богатых людей оказались безуспешными. Выражение *à la silhouette* ‘по-силуэтски’ стали использовать, говоря о человеке, который носил укороченную одежду, чтобы подчеркнуть, что он экономил на ней [1, p. 14]. По другой версии, своему появлению в языке лексема *la silhouette* обязана схематичным карикатурам господина Силуэта, которые так и назывались *silhouettes* ‘силуэты’ [10, с. 56]. В настоящее время первичное значение утратилось: *la silhouette* используется для обозначения *contour, lignes générales du corps; allure* ‘контуры, контуры тела, выправка’.

Имена *Béchamel, Bégon, Godillot, Plessis-Praslin, Poubelle* и др. отсутствуют в энциклопедическом словаре «Le Petit Larousse» [7]. Однако этимологическая связь производных лексем с некогда актуальными именами известных личностей раскрывается в начале каждой словарной дефиниции. Например:

béchamel (du nom de son inventeur) – sauce blanche composée à partir d’un roux blanc additionné au lait ‘бешамель (от имени своего создателя) – белый соус на основе смеси муки, жира и молока’;

bégonia (de Bégon, intendant général de Saint-Domingue) – plante originaire de l’Amérique et de l’Asie méridionales, cultivée pour son feuillage décoratif et ses fleurs vivement colorées ‘бегония (от имени генерала-интенданта Санто-Доминго Бегона) – растение из Южной Америки и Азии, выращиваемое из-за его декоративных листьев и ярких цветов’.

См. также: *le barème* ‘барем (таблица с зашифрованными данными)’, *la bignonia* ‘бигнония’, *la clémentine* ‘клемантин’, *le galuchat* ‘галюша (обработанная кожа ската или акулы)’, *le gibus* ‘гибус (мужской головной убор)’, *le kir* ‘кир (аперитив)’, *la lavallière* ‘лавальер (галстук)’, *le limonaire* ‘лимонер (шарманка)’, *la madeleine* ‘мадлена (ромовая баба)’, *la magnolia* ‘магнолия’, *le massicot* ‘массикот (машина для резки бумаги)’, *la mirepoix* ‘мирпуа (добавка для бульонов)’, *la paulette* ‘полетта (налог во Франции в XVII–XVIII веках)’, *le robinier* ‘робиния (псевдоакация)’, *le ruolz* ‘рюольц (сплав меди, никеля и серебра, имитирующий серебро)’, *la rustine* ‘рюстина (резиновая прокладка для ремонта камеры велосипеда)’.

От имени *Godillot* образованы лексемы двух лексико-грамматических разрядов: неодушевленное имя и одушевленное имя лица. Переносное значение *le godillot* – *personne qui suit son chef sans discuter* ‘человек, который беспрекословно следует за своим начальником’ – формируется на основе субъективного обобщения когнитивной составляющей: *les activités de Godillot dépendent essentiellement des commandes effectuées par les différents régimes politiques* ‘выбор деятельности Годиё зависит исключительно от потребностей разных политических режимов’ [11], – что приводит к снижению стиля его употребления.

Лексема *la praline* образована от имени личности, не имеющей отношения к изделию (его «придумал» повар, работающий у графа), что обосновано актуальностью имени графа в обществе (но не имени повара).

Имя нарицательное *le macadam* ‘макадам (настил щебеночного покрытия)’ этимологически происходит от имени шотландского инженера *Mac Adam*, которое имеет явно выраженный кельтский звуковой образ. Несмотря на «иностранное» происхождение, производная лексема заняла свое полноценное место в словарях французского языка и дала основу для образования технических терминов – *le macadamisage* и *la macadamisation* ‘настилка щебеночного покрытия’, *macadamiser* – *recouvrir de macadam* ‘макадамизировать’, ‘настилать щебеночное покрытие’ [3, с. 646]. Следует отметить, что во французском языке, как и в русском, для обозначения идентичного понятия имеется более привычная лексема *asphalte* ‘асфальт’.

Тот факт, что основой для анализируемых нарицательных лексем, как правило, послужили фамилии, объясняется их очевидной – когнитивно-индивидуализирующей – знаковой природой: поскольку имена *Louis* ‘Луи’, *Michel* ‘Мишель’, *René* ‘Рене’ и др. может иметь множество людей, то патроним исторической личности более информативен, чем ее имя. Тем не менее сохранение значимости имени (а не патронима) и его участие в процессе лексикализации отрицать нельзя. Например, название месяца *le juillet* ‘июль’ имеет в своей основе историческое имя *Jules César*, что отмечается в словарной дефиниции образованной лексемы: *juillet (du lat. Julius, mois de Jules César) – septième mois de l’année* ‘июль (от лат. *Julius*, месяц Юлия Цезаря) – седьмой месяц года’.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить преобладающий лексико-грамматический разряд единиц, образованных в процессе лексикализации исторических (и некогда актуальных) имен при обобщении когнитивной составляющей, – *неодушевленные имена*. Формирование одушевленных имен лица от исторических имен возможно при обобщении (*césar*) или переосмыслении (*godillot*) когнитивной составляющей исходного имени, но не является закономерным для французского языка (1:21).

Именам нарицательным, обозначающим конкретные объекты (*barème, guillotine, montgolfière, silhouette* и др.), свойственна наивысшая степень обобщения. При этом нередко наиболее важным становится конкретный результат деятельности исторической личности, о чем свидетельствуют отсутствие темпорально-событийных дескрипций исходного имени собственного в его дефиниции и наличие признаков характеристик объекта, обозначаемого этим именем. Отмечается также тенденция исключения из энциклопедического словаря дефиниций имен некогда знаменитых или широко известных личностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Prache, D.* Messiers Poubelle, Sandwich & Cie / D. Prache, N. Claveloux. – Paris : Albin Michel, 2002. – 35 p.
2. *Henry, G.* Dictionnaire des mots qui ont une histoire / G. Henry. – Paris : Tallandier, 1989. – 272 p.
3. *Гак, В. Г.* Новый французско-русский словарь = Nouveau dictionnaire français-russe : 70 000 слов, 200 000 единиц пер. / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 1998. – 1195 с.
4. Dictionnaire Hachette encyclopédique / réd. en chef J.-P. Mevel. – Paris : Hachette Livre, 2001. – 1858 p.
5. Наполеондор // Википедия : свобод. энцикл. [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Наполеондор>. – Дата доступа : 04.08.2018.
6. *Арутюнова, Н. Д.* Номинация, референция, значение / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация: общие вопросы / А. А. Уфимцева [и др.] ; под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М., 1977. – Гл. IV. – С. 188–206.
7. Le Petit Larousse. – Paris : Larousse, 2002. – 1818 p.
8. *Rey, A.* Dictionnaire des Expressions et Locutions figures / A. Rey, S. Chantreau. – Paris : Le Robert, 1979. – 946 p.
9. *Clarke, S.* 1000 years of annoying the French / S. Clarke. – London : Transworld publishers, 2010. – 686 p.
10. *Онхас, С. Л.* Судьбы французских имен / С. Л. Онхас // Замежные. мовы ў Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 1. – С. 54–58.
11. Alexis Godillot : un grand entrepreneur à Hyères [Source électronique]. – L'accès : http://mediatheque.ville-hyeres.fr/index.php?option=com_content&view=article&id=332:alexis-godillot-un-grand-entrepreneur-a-hyeres&catid=87:patrimoine-local-et-regional&Itemid=97. – Date de l'accès : 15.06.2018.

The main goal of the article is to determinate the common nouns categories derived from the culturally significant historical proper names. The analysis found out that the dominance of the *cognitive* component in the meaning of the initial proper name results in the formation of the inanimate concrete nouns.

Лебедева И. Г.
(Минск, Беларусь)

ПРОСОДИЯ ТЕЛЕНОВОСТЕЙ НА РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Теленовости как разновидность массмедийного дискурса используют стратегии, направленные на изменение поведения индивидов и достижение политических и социальных целей. Диктор, не имея возможности изменить выверенный редакторами текст, акцентирует просодические средства для реализации эмоционального и интеллектуального воздействия на аудиторию. Традиции подачи новостных текстов в разных странах не совпадают. В статье проводится анализ просодического оформления теленовостных текстов на русском, французском и белорусском языках.

Ключевые слова: массмедийный дискурс, стратегии поведения, просодическая организация речи, темп речи, демаркативные и стилистические паузы, эмпатическая выделенность.

Телевидение используется для реализации стратегий, направленных на изменение поведения индивидов и достижение политических целей [1]. Теленовости являются разновидностью массмедийного дискурса. Аудитории предлагается сконструированная реальность, выступающая интерпретацией случившегося [2]. Теленовости могут иметь различные жанровые установки и быть объектом политической формации общества, маркетинга, общественного мнения, инструментом формирования общественного диалога [3]. Новостной дискурс членится на отдельные тематические области, создающие определенные рубрики в новостном тексте, например, бизнес, политика, общество, культура.

В основе новостного текста лежит «презумпция» соответствия действительности [4]. Устранение речевых сигналов субъективности составляет специфику теленовостей: диктор должен транслировать выверенный редакторами текст без каких-либо изменений. Именно эта ограниченность коммуникативной роли позволяет телеведущему акцентировать невербальные, просодические средства для реализации эмоционального и интеллектуального воздействия на аудиторию.

В каждой стране телевизионные новости являются исторически сложившейся формой познания и интерпретации реальности. В этом смысле следует говорить, что определенная аудитория привыкает к конкретной подаче новостных блоков, к конкретному поведению дикторов [5]. Весьма актуальна постановка вопроса о том, каковы особенности новостных блоков в разных странах. Несмотря на общественную значимость деятельности диктора теленовостей, сопоставительный анализ дикторской речи на разных языках до настоящего времени не проводился.

С целью выявления общих и специфических черт в просодической организации речи, звучащей в теленовостях на французском, русском и белорусском языках, было проведено небольшое предварительное исследование с использованием теленовостей, прозвучавших на официальных каналах в Республике Беларусь, Российской Федерации и Франции, результаты которого позволяют сделать следующие выводы.

1. В каждой стране формируется своя традиция показа новостных блоков, обусловленная различиями в установках, целях, жизни общества. Она проявляется в особенностях деления экрана на плоскости, использования диаграмм, графиков, пиктограмм, при этом *просодия дикторской речи* оказывается вплетенной в представление событий и позволяет комплексно воздействовать на аудиторию.

2. Наибольшие отличия в просодии дикторской речи разных стран связаны с *вариативностью темпа*. Установка на одинаковую важность каждой рубрики определяет их представление с постоянным темпом. Невозможность охватить широкую аудиторию по территориальному признаку или по области интересов приводит к экономии эфирного времени, результатом чего является возрастание темпа дикторской речи на момент представления рубрики.

3. В дикторской речи содержатся демаркативные и стилистические *паузы*. Незначительное количество пауз хезитации в рубриках социальных новостей позволяет усиливать эффект демократичности, приближенности к обычным гражданам страны. Экспрессивная паузация призвана влиять на аудиторию, способствовать формированию общественного мнения; ее распределение различно в зависимости от рубрики и страны проживания диктора. Кроме того, существуют традиции в месте появления экспрессивной паузации, которые, очевидно, можно объяснить разницей менталитета аудитории, воспринимающей текст.

4. Одним из активных просодических средств в речи диктора выступает *эмфатическая выделенность*. Ее использование, позволяющее передать личную позицию и отношение к представляемой проблеме, является фактом очевидного влияния на формирование мнения аудитории. Количество эмфатической выделенности варьируется в зависимости от тематико-эмоциональной ориентации новостного сообщения. У дикторов из разных стран отмечаются как разные предпочтения в выделении определенных лексико-грамматических классов слов, так и неодинаковая концентрация эмфатической выделенности в различных тематических рубриках.

5. В мелодическом оформлении в текстах теленовостей самое большое место занимают фразы, характеризующиеся *повествовательной интонацией*. Частотным является факт объединения коротких фраз в одно сверхфразовое единство. Большая эмоциональная раскованность диктора определяет более широкое варьирование интонационных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Allan, S. Online News: Journalism and the Internet / S. Allan. – London : McGraw-Hill Education, 2006. – 208 p.
2. Антонов, К. А. Телевизионные новости в массово-коммуникационном процессе: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования: дис. ... д-ра социол. наук: 23.00.02 / К. А. Антонов. – Кемерово, 2009. – 381 л.
3. Демина, М. А. Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.00 / М. А. Демина. – М., 2012. – 254 л.
4. Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / отв. ред. П. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М. : Наука, 1995. – 202 с.
5. Гавра, Д. П. Основы теории коммуникации: учебник для академического бакалавриата / Д. П. Гавра. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 231 с.

Television news is a type of media discourse; it uses strategies to change the behavior of individuals and to achieve political and social goals. The presenter does not have the ability to edit publisher-verified text and he uses prosodic means to realize the emotional and intellectual impact on the audience. The tradition of presenting TV news does not coincide in different countries. The article presents the analysis of the prosodic peculiarities of television news in Russian, French and Belarussian.

М. М. Макаренко

(Минск, Беларусь)

ТИПЫ РАЗЛИЧИЙ В ПЛАНЕ СОДЕРЖАНИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ И АНГЛИЙСКИМИ ПАРОНИМАМИ С ОСНОВОЙ НА *-ЦИЯ /-TION*, ВОСХОДЯЩИМИ К ОБЩИМ ЛАТИНСКИМ ИСТОЧНИКАМ

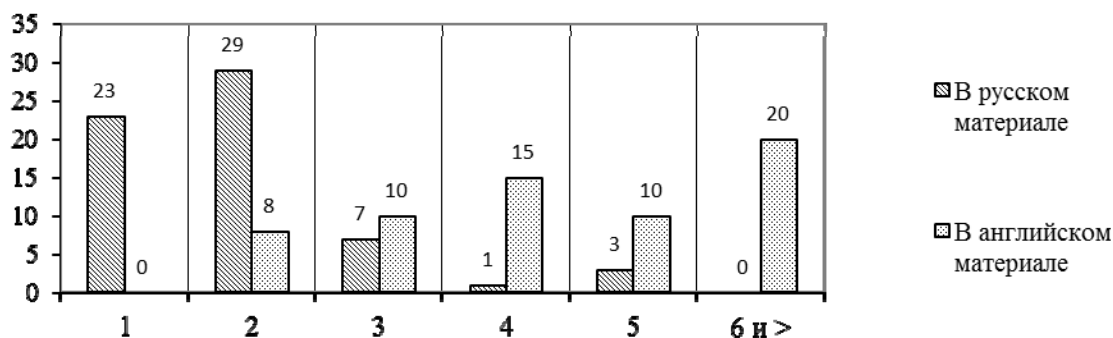
В статье представлены результаты сопоставительного анализа различий в плане содержания русских и английских существительных с основой на *-ция/-tion*, восходящих к общим латинским прототипам: раскрыты факторы семантической и стилистической дивергенции, выявлены типы различий в объеме семантики и функционально-стилевой принадлежности паронимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *межъязыковая паронимия, русско-английские паронимы, латинские заимствования, семантические различия, объем семантики, семантическая дивергенция, семантическая деривация, стилистическая дифференциация.*

В лексических системах современных европейских языков имеется большое количество языковых элементов латинского происхождения. Будучи заимствованными в различные языки, слова латинского происхождения могут быть в высокой степени схожи как в плане содержания, так и в плане выражения: например, рус. *алиби*, англ. *alibi*, франц. *alibi*, нем. *Alibi*, итал. *alibi*, серб. *алиби* и др. от лат. *alibi* ‘где-либо в другом месте’ [1, с. 56]. Однако несмотря на сохранение сходства в плане выражения, латинизмы могут расходиться в плане содержания. В таком случае они становятся

межъязыковыми паронимами, которые определяются как слова нескольких идиомов, восходящие к общему источнику, имеющие сходный план выражения и различающиеся в содержании. Цель данного исследования заключалась в выявлении и лингвистической интерпретации типов различий в плане содержания русских и английских паронимов с основой на *-ция/ -tion*, восходящих к общим латинским источникам. В работе представлены результаты исследования 63 пар паронимичных однокоренных латинизмов с основой *-ция/ -tion* в русском и английском языках соответственно.

Различия в объеме семантики паронимов выявлены на основании данных толковых и переводных словарей [2; 3; 4; 5]. В русском материале большинство слов имеют одно значение (23 слова – 36,5 %), в то время как для английского материала характерна высокая степень многозначности: у 20 слов (31,7 %) из выборки имеется по 6 и более значений. Результаты анализа объема семантики паронимов представлены на рисунке.

Количественное распределение паронимов латинского происхождения с основой на *-ция/ -tion* по объему семантики (по количеству значений, имеющихся в словарях)

Если определить среднюю степень многозначности выборки как отношение количества лексико-семантических вариантов (ЛСВ), представленных в словарях, к общему количеству слов, то получим следующие результаты: для русского материала средняя степень многозначности составляет 1,9 зн/л (значений на лексему); для английского – 4,7 зн/л.

Бóльший объем семантики английских латинизмов с основой на *-tion* обусловлен следующими факторами:

1) по данным этимологических словарей [6; 7; 8] большинство английских паронимов (33 слова – 52 %) заимствованы непосредственно из латинского языка в XIV–XV вв., в то время как 52 лексемы русского материала (82,5 %) проникли значительно позже (с начала XVIII до середины XX в.) через посредство других языков, главным образом, польского (31,7%) и французского (23,8 %);

2) преобладание прямых заимствований и более раннее проникновение производящего латинского глагола в английский язык способствовали сохранению значений латинского источника в семантике отглагольных английских существительных на *-tion*;

3) суффикс абстрактного существительного *-tion* более продуктивен в английском языке, что проявляется в наличии дериватов с данным суффиксом, не имеющих соответствий в однокоренных словообразовательных гнездах в русском языке, например, *alimentation* ‘питание, кормление; поддержка’; *ordination* ‘посвящение в духовный сан; расположение’. В английском языке производные с суффиксом *-tion* могут обозначать отвлеченное действие, процесс по действию или его результат, а в русском языке, как правило, сохраняется лишь одно из значений словообразовательного форманта (ср. англ. *inspiration* 1. вдохновение; воодушевление, вдохновляющая идея, мысль; 2. стимулирование, побуждение; воодушевление; рел. наитие (свыше); 3. инспирирование; 4. вдыхание, вдох [2, с. 244] – рус. *инспирация* книжн. 1. внушение кому-либо каких-либо взглядов; 2. вызов чего-либо внушением, влиянием, подстрекательством [3, с. 394]).

Различия в функционально-стилевой принадлежности выявлены на основании стилистических помет, которыми отмечены ЛСВ русских и английских паронимов в толковых словарях. В семантических структурах 28,5 % исследуемых английских латинизмов (18 из 63 слов) имеются ЛСВ с пометой **юр.**: например, *composition* ‘компромиссное соглашение должника с кредитором’ [2, с. 426], *declaration* ‘исковое заявление; торжественное заявление свидетеля; мотивировочная часть судебного решения’ [2, с. 526]. 11 % (7 слов) – имеют ЛСВ с пометами «церк.» или «рел.»: например, *fraction* the formal breaking of the bread in Communion ‘официальное преломление хлеба во время Причастия’ [4] (ср.: в русском языке значения юридического и религиозного характера отмечены лишь у 3 слов – *абсолюция* [5, с. 30], *апелляция* [3, с. 43], *конфирмация* [3, с. 453]).

Английский материал проявляет более высокую степень семантической деривации в терминологическом аспекте: специальные значения имеют 40 слов английского подкорпуса (63,5 % материала), в то время как в русском материале терминологическая семантика имеется у 36,5 % выборки (23 слова).

Русский и английский подкорпусы существенно различаются по количеству книжной лексики: в русском материале 19 слов (30 %) имеют помету «книжн.»: *инспирация*, *концепция*, *интерпретация*, *протекция*, *элиминация* и др. [3, 5], в то время как в английском материале лишь 6 слов (9%) имеют ЛСВ с пометой «formal»: *portion*, *appellation*, *elimination*, *accommodation*, *aberration*, *inhalation* [4]. Кроме того, в русском материале имеются 13 производных ЛСВ, относящихся к разговорной речи, которые появились путем метафоры: *амуниция* разг. ‘об одежде (обычно специального предназначения)’ [3, с. 39], семантической компрессии: *порция* разг. ‘количество кого-, чего-л. вообще, характерное для чего-л.’ [3, с. 929]; сужения/расширения значений слов и сферы их употребления: *агитация* разг. ‘деятельность, направленная на то, чтобы убедить кого-л. в чем-л., склонить к чему-л.’ [3, с. 28].

Таким образом, английские существительные латинского происхождения значительно превосходят русские паронимичные соответствия по объему семантики, особенно по количеству терминологических значений, а также проявляют более высокую степень стилистической дифференциации, что обусловлено их более ранним непосредственным заимствованием из латинского языка и сохранением мотивированности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь. Ок. 50 000 слов. / И. Х. Дворецкий. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1976. – 1096 с.
2. *Апресян, Ю. Д.* Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян [и др.]. – М. : Рус. яз., 1993–1994. – Т. 3. – 852 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. COBUILD Advanced English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. – Date of access : 14.10.2018.
5. *Крысин, Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин – М. : Эксмо, 2010. – 944 с.
6. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – 4-е изд., стереотип. – М. : Астрель, 2004. – Т. 1. – 588 с.; Т. 2. – 671 с.; Т. 3. – 830 с.; Т. 4. – 860 с.
7. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского, А. Ф. Журавлева. – М. : МГУ, 1963 – 2014. – Вып. 1–11 (А–Н).
8. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://etymonline.com>. – Date of access : 11.10.2018.

The article deals with the phenomenon of translingual paronymy. The author analyses the types of the semantic and stylistic differences of Russian and English cognate nouns formed on the Latin roots by the affix *-ion*. The differences are explained by linguistic and extralinguistic factors. The study reveals high degree of polysemy of the English words contrasting with monosemantic Russian paronyms and dominance of terminological semantics in English nouns.

Манько Н. И.

(Минск, Беларусь)

ДИНАМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МОНО- И ПОЛИПРОПОЗИТИВНОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Статья посвящена выявлению динамического характера моно- и полипропозитивного простого неосложненного предложения в современном французском языке. Установлено, что в простом неосложненном предложении содержание элементарной признаковой ситуации формирует один из семи динамических (значимых в определенный момент времени) признаков носителя (субъект или объект).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *простое неосложненное предложение, динамический признак, интенция, элементарная признаковая ситуация, художественный текст.*

Моно- и полипропозитивные простые неосложненные предложения, репрезентирующие элементарные признаковые ситуации, широко представлены в современной франкоязычной художественной литературе (1 236 простых неосложненных предложений на 22 520 страниц текста). Выбор адресантом (персонаж или повествователь) модели построения простого неосложненного предложения – моно- или полипропозитивного – зависит от соотношения динамического (ситуативно значимого) признака с субъектом или объектом действия [1, с. 248].

Самостоятельная элементарная признаковая ситуация представлена тремя моделями монопропозитивного простого предложения:

М о д е л ь 1: «Подлежащее – Сказуемое *être* – Предикатив»:

(1) *Vous êtes bien jolie ce soir* ‘Вы очень красивы сегодня вечером’.

М о д е л ь 2: «Подлежащее – Сказуемое *avoir* – Прямое дополнение – Предикатив»:

(2) *Tu avais les cheveux plus longs* ‘Волосы у тебя были длиннее’.

В простых предложениях с глаголом *être* ‘быть’ динамический признак соотносится непосредственно с самим носителем (*Вы очень красивы*). В предложениях с глаголом *avoir* ‘иметь’ имеет место предикцирование динамического признака носителю через часть его тела (*Волосы у тебя были длиннее*). Таким образом, различие самостоятельных элементарных признаковых ситуаций, представленных монопропозитивными простыми предложениями с глаголами *avoir* и *être*, состоит в разной направленности характеристики: непосредственно носитель (модель 1) или носитель через его часть его тела (модель 2).

М о д е л ь 3: «Подлежащее – Сказуемое *avoir* – Прямое дополнение – Предлог *de* – Предикатив»:

(3) *Peut-être qu’il aura un os ou deux de cassés* ‘Возможно, одна или две кости у него будут сломаны’.

В простых предложениях, построенных по модели 3, динамический признак соотносится с отдельными частями тела субъекта (одна или две сломанные кости из всех костей скелета человека) и выражает эпизодический признак носителя [2, с. 828].

Элементарная признаковая ситуация как компонент осложненной процессуально-признаковой ситуации представлена тремя моделями полипропозитивного простого неосложненного предложения:

М о д е л ь 4: «Подлежащее – Сказуемое – Признаковый модификатор»:

(4) *Versavel pénétra dans l’agence fatigué* ‘Версавель вошел в агентство уставшим’.

М о д е л ь 5: «Подлежащее – Сказуемое – Прямое дополнение – Признаковый модификатор»:

(5) *Nathalie aimait observer son fiancé accroupi dans le salon* ‘Натали любила наблюдать за женихом, сидящим на корточках в гостиной’.

Модель 6: «Подлежащее – Прямое дополнение-местоимение – Сказуемое – Признаковый модификатор»:

(6) *Nathalie aimait l'observer accroupi dans le salon* 'Натали любила наблюдать за ним, сидящим на корточках в гостиной'.

В простых предложениях модели 4 динамический признак предикцируется субъекту действия (*Версавель вошел в агентство. Он был уставшим*). В моделях 5 и 6 динамический признак соотносится с объектом, на который направлено осознанное физическое действие субъекта (*Натали любила наблюдать за женихом. Жених (Он) сидел на корточках в гостиной*). Дифференциация моделей 5 и 6 обусловлена выражением носителя именем существительным (*son fiancé – accroupi dans le salon*) или личным местоимением, его замещающим (*le – accroupi dans le salon*).

Как показал анализ 1 236 моно- и полипропозитивных простых неосложненных предложений, во франкоязычной художественной литературе содержание элементарной признаковой ситуации формируют семь динамических признаков носителя: *эмоциональное состояние* (чувства от ярости до радости), *физическое состояние* (возраст, состояние здоровья), *внешний вид* (цвет, размер или форма части тела, прическа, детали одежды), *количество носителей признака* (один или несколько), *положение носителя в пространстве* (поза), *личные предпочтения субъекта, связанные с объектом-носителем признака* (одобрение вкусовых качеств продукта питания или напитка, внешнего вида одушевленного лица), *посессивные возможности субъекта* (нахождение в распоряжении субъекта некоторого объекта).

Активность динамических признаков, формирующих содержание элементарных признаковых ситуаций в моно- и полипропозитивных простых неосложненных предложениях, и их соотношение с носителем-субъектом действия или носителем-объектом, на который направлено действие, систематизированы в нижеследующей таблице.

Роль динамических признаков носителя-субъекта и носителя-объекта в формировании элементарной признаковой ситуации

№ п/п	Динамический признак	Простое предложение				Количественный показатель	
		монопредикативное		полипредикативное			
		субъект	объект	субъект	объект	%	ед.
1.	Эмоциональное состояние	493	—	53	—	44,1	546
2.	Физическое состояние	360	1	41	13	33,6	415
3.	Внешний вид	175	1	8	12	15,9	196
4.	Количество носителей признака	—	—	48	—	3,9	48
5.	Положение в пространстве	—	—	—	20	1,6	20

6.	Личные предпочтения	–	–	–	7	0,6	7
7.	Посессивные возможности	–	4	–	–	0,3	4
	Всего	1028	6	150	52	100	1236

Как следует из таблицы, динамический признак, обозначающий физическое состояние или внешний вид носителя-субъекта или носителя-объекта, а также эмоциональное состояние носителя-субъекта, создает как самостоятельную элементарную признаковую ситуацию (модели 1 и 2), так и элементарную признаковую ситуацию в составе осложненной ситуации (модели 4, 5, 6). Динамический признак, обозначающий количество носителей признака, их положение в пространстве, а также личные предпочтения субъекта, формирует элементарную признаковую ситуацию в составе осложненной процессуально-признаковой ситуации (модели 4, 5, 6). Динамический признак, указывающий на посессивные возможности субъекта, формирует самостоятельную элементарную признаковую ситуацию (модель 3).

Эмоциональное и физическое состояние носителя, а также его внешний вид создают преимущественное большинство элементарных признаковых ситуаций, репрезентированных моно- и полипропозитивными простыми неосложненными предложениями (93,6 %). При этом одушевленное лицо является носителем динамического признака в преобладающем большинстве простых неосложненных предложений пяти выявленных моделей (за исключением модели 3). Данная закономерность свидетельствует об общем антропоцентрическом характере моно- и полипропозитивных простых неосложненных предложений.

Невозможность соотношения динамического признака, обозначающего эмоциональное состояние, с носителем-объектом обусловлено семантикой глаголов в позиции сказуемого (модели 5, 6). Обозначая осознанное целенаправленное физическое действие, переходные глаголы исключают сочетание с прилагательными, адъективированными причастиями или предложными группами, выражающими эмоциональное состояние носителя (*J'ai trouvé Jacques heureux / de mauvaise humeur* 'Жак показался мне счастливым / в плохом настроении'). В монопропозитивных простых предложениях модели 3 выражение эмоционального состояния носителя исключено ввиду соотношения динамического признака с некоторой частью тела субъекта.

Известно, что любой текст содержит те же речевые акты, что и обычная речь, поскольку все слова употребляются в своих общеупотребительных значениях [3, с. 35]. Вместе с тем считаем целесообразным установить, существует ли взаимосвязь между динамическими признаками носителя и реализуемыми интенциями адресанта.

Субъектами следующего диалогического комплекса являются комиссар полиции Ван Ин и мать убитой женщины Карины:

(7) – *Ma fille a mal tourné, commença-t-elle. Elle est tombée enceinte très jeune. C'est pas facile, savez-vous, d'avoir un enfant à dix-huit ans* 'Моя дочь плохо кончила, – начала она. – Она забеременела в очень юном возрасте. Знаете ли, непросто стать матерью в 18 лет' (P. Aspe).

В полипропозитивном простом высказывании содержание элементарной признаковой ситуации формирует прилагательное *jeune*, обозначающее возраст субъекта-носителя как его физическое состояние. Сообщение о ранней беременности убитой женщины является для комиссара полиции новой информацией, т.е., анализируемое высказывание выполняет информативную функцию. При этом данное сообщение не служит самоцелью общения: мать стремится пояснить комиссару причины, по которым жизнь ее дочери не сложилась (*Ma fille a mal tourné*). Как сообщается в последующей событийной линии текста, через несколько месяцев младенец умер, Карина не смогла с этим смириться и начала принимать наркотики. Таким образом, в представленной коммуникативной ситуации порождение информативного полипропозитивного простого высказывания обусловлено намерением реализовать экспликативную интенцию адресанта (мать Карины) – пояснить печальный исход жизни женщины.

В тексте (8) повествователь сообщает читателю о физическом состоянии Алисы, которая проснулась утром на скамейке в парке. Использование информативных монопропозитивных простых предложений обусловлено дескриптивной интенцией: в художественном тексте значимость описания внешнего вида и физического состояния персонажей трудно переоценить.

(8) *Alice Shäfer ouvrit les yeux avec difficulté. Trempée de sueur glacée, elle grelottait. Elle avait la gorge sèche et un goût violent de cendre dans la bouche. Ses articulations étaient meurtries, ses membres ankylosés, son esprit engourdi* (G. Musso) 'Алиса Шафер с трудом открыла глаза. Она дрожала, обливаясь холодным потом. В горле у нее пересохло, и во рту был сильный горький привкус. Суставы ее онемели, руки и ноги затекли, голова была тяжелой'.

Реплика (9) является реакцией Стивена на решение следственных органов квалифицировать смерть его супруги Ванжи как самоубийство:

(9) *Ma femme n'aurait jamais mis ou même essayé de mettre les chaussures qu'elle portait lorsqu'on l'a découverte. Vangie avait la jambe et le pied droits terriblement gonflés* 'Моя супруга никогда бы не надела и даже не попыталась бы надеть туфли, в которых ее обнаружили. Правые нога и ступня у Ванжи были ужасно распухшими' (M. Higgins Clark).

Стивен знает, что с начала беременности у Ванжи сильно отекали ноги, и она носила старые разношенные мокасины. Поэтому он уверен, что Ванжи убили, а узкие туфли-лодочки на нее надел убийца, который не знал об этой ее особенности. В представленной коммуникативной ситуации сообщение об объективно существующем признаке Ванжи (содержание монопропозитивного простого высказывания) является доказательством ошибочности пред-

варительного заключения следствия о причине смерти беременной женщины. Получив информацию об убитой женщине и осознав ее значимость, следователь возобновляет расследование и через некоторое время находит убийцу. Таким образом, в представленной коммуникативной ситуации адресант сумел воздействовать на адресата, доказав ошибочность его суждения и изменив его точку зрения, что свидетельствует о реализации аргументативной интенции адресанта.

Как показал анализ простых неосложненных предложений (7), (8), (9), динамический признак, обозначающий физическое состояние носителя, в зависимости от коммуникативной ситуации служит для реализации экспликативной (7), дескриптивной (8), аргументативной (9) интенций адресанта.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о динамическом характере моно- и полипропозитивных простых неосложненных предложений, содержание которых во франкоязычном художественном тексте формируют семь динамических признаков носителя, ранжированные по степени частотности: эмоциональное состояние, физическое состояние, внешний вид, количество носителей признака, положение носителя признака в пространстве, личные предпочтения субъекта, связанные с объектом-носителем признака, а также его посессивные возможности. В коммуникативной ситуации один и тот же динамический признак может выражать разные интенции адресанта (персонаж текста или повествователь): аргументативная, экспликативная, дескриптивная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манько, Н. И. Признак как содержание элементарной признаковой ситуации / Н. И. Манько // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 5–6 мая 2017 г. : в 4 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Ч. 3. – С. 247–249.
2. Kupferman, L. *Il y a une place de libre* : Study of a construction / L. Kupferman // Linguistics / J. Auwera (éd). – Cambridge : Mouton Publishers, The Hague, 1980. – Vol. 18. – P. 821–848.
3. Серль, Дж. Логический статус художественного дискурса / Дж. Серль // Логос. – 1999. – № 3. – С. 34–47.

The article is dedicated to mono and polypropositive sentences dynamic character in French. The research reveals that seven dynamic characteristics illustrate the representation of an elementary attributive situation in a simple sentence.

И. В. Матюшевская
(Минск, Беларусь)

ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ ЯЗЫКА СМИ

В статье рассматривается проблема использования неологизмов во французской печатной прессе на примере изданий «Marianne», «Le Monde», «Le Figaro», а также приводится анализ наиболее популярных префиксальных элементов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *неологизмы, префиксальные неологизмы, печатная пресса, словообразование.*

Неологизмы являются важнейшим источником обогащения лексического состава французского языка. В отличие от окказионализмов (невоспроизводимых единиц), которые не задерживаются в языке, неологизмы закрепляются в нем и со временем утрачивают характер новизны [1, с. 2].

Некоторые неологизмы появляются в языке в ответ на возникновение новых явлений, обозначая феномены и понятия, на месте которых существует языковая лакуна (*hypermarché* ‘гипермаркет’, *bourkini* ‘полностью закрытый купальный костюм’). Неологизмам такого плана, называемым *лексическими*, можно противопоставить неологизмы семантические. Эта группа связана с развитием у слова новых значений [2, с. 39] (*opérer* ‘mettre à disposition du public un service’, *tendance* ‘à la mode’, *mariniste* ‘partisan de Marine Le Pen’).

В области технологий французский язык активно заимствовал новые слова из английского и других языков; именно этому пласту неологизмов требуется наибольшее время для того, чтобы ассимилироваться в языке и утратить свой узнаваемо иностранный характер (*childfree* ‘не желающий иметь детей’, *incentive* ‘мотивация’, *vlog* ‘видеодневник’).

Среди способов образования неологизмов во французском языке следует отметить различные морфологические процессы: *префиксация* и *суффиксация*, *сложение* и *усечение основ*, которые могут сочетаться [3].

П р е ф и к с а ц и я является одним из наиболее продуктивных средств образования неологизмов. Приставки не меняют грамматическую категорию слова, но привносят в него оттенки смысла, например, значение отсутствия (*dé-, a-*), количества (*archi-, méga-, hyper-*), положения в пространстве (*pré-, post-, in-, anté-*), иерархии (*sous-, sub-*) и др. Среди приставок встречаются примеры синонимии (значение приставки *mi-* в выражении *à mi-chemin* ‘на полпути’ совпадает по значению с приставкой *hémi-* в слове *hémisphère* ‘полушарие’), а также омонимии. Так, приставка с пространственным значением *in-* (*intérieur* ‘внутренний’) может в других случаях иметь значение отсутствия (*inmangeable* ‘несъедобный’).

Особое место занимают элементы греческого и латинского происхождения (*cyber-, auto-, omni-, bio-, trans-, géo-, aéro-, biblio-, cyclo-, micro-, philo-, néo-* и т. п.), которые активно участвуют в образовании неологизмов. Лингвисты не могут прийти к единому мнению по поводу статуса этих единиц, так как некоторые считают их полупрефиксами, псевдопрефиксами, префиксоидами или префиксальными элементами, другие относят их к компонентам сложных слов, а третьи называют префиксами [1; 3].

Опираясь на 9-е издание Словаря Французской академии [4] и предложенный в нем список неологизмов, мы решили проанализировать частоту встречаемости этих лексических единиц в популярных изданиях фран-

цузской прессы: «Marianne», «Le Monde» и «Le Figaro». Эти издания общественно-политической направленности рассматривают широкий круг вопросов современности, а их язык постоянно эволюционирует, адаптируясь к возникновению новых реалий [5, p. 96]. При анализе нами были отобраны неологизмы, образованные префиксальным способом, чей статус подтвержден словарями и справочниками в бумажном или электронном формате [4].

Так, слово *anti-vaccin* ‘выступающий против прививок’ 194 раза встретилось на сайте marianne, 449 раз – на сайте lemonde и 12 раз – на сайте lefigaro.

*Sur Internet, les mouvements **antivaccins**, qui préfèrent se présenter comme des «opposants à l'obligation vaccinale», sont très actifs* (Marianne, 2015).

Слово *microbiome* со значением ‘совокупность разнообразия генов микробиоты различных экологических ниш’ вошло в словарь Робера в 2017 г., хотя в языке прессы использовалось и ранее. «Le Monde» использовал эту лексему 18 раз с 2009 года, а «Le Figaro» – 39 раз.

*Deux « appels » ont été lancés, plaidant pour une mise en commun des recherches sur le **microbiome*** (Le Monde, 2015).

Для сравнения, слово *biotechnologie* ‘биотехнология’, появившееся ранее, можно встретить в прессе гораздо чаще. «Le Figaro» насчитывает 1 829 употреблений, «Le Monde» – 1 489, а в «Marianne» оно встречается 43 раза, что можно объяснить как объемом электронного архива, так и меньшей ориентацией последнего издания на научные темы.

*Une semaine après s'être offert le laboratoire américain Bioverativ pour 11,60 milliards de dollars, le numéro cinq mondial de la pharmacie veut racheter la société belge de **biotechnologies** Ablynx pour 3,9 milliards d'euros* (Le Figaro, 2018).

Что касается прилагательного *anti-système* ‘выступающий против господствующей системы убеждений’, его можно встретить в 4 352 статьях, доступных на сайте lefigaro, 100 результатов доступны на сайте marianne и 587 – на сайте lemonde.

*« J'ai en effet accepté ce matin la proposition... de prendre en charge une mission de contact permanent avec les équipes de communication de Podemos pour la campagne européenne », poursuit-elle, en référence au parti **antisystème** espagnol, allié de LFI au niveau européen* (Le Monde, 2018).

Важное место в речи занимают неологизмы из области новых технологий, при этом среди наиболее популярных словообразовательных элементов можно отметить *cyber-*, *crypto-*, *télé-*: *cybercafé* ‘интернет-кафе’, *cyberattaque* ‘хакерская атака’, *cybernaute* ‘интернет-пользователь’, *cyberespace* ‘киберпространство’, *cybercriminalité* ‘киберпреступность’, *cyberpunk* ‘киберпанк’, *cyberdépendance* ‘интернет-зависимость’, *cybersport* ‘киберспорт’; *cryptomonnaie* ‘криптовалюта’, *cryptodevise* ‘криптовалюта’, *crypto-actif* ‘криптоактив; *téléconférence* ‘видеоконференция’, *télécharger* ‘загружать’,

télétravail ‘удаленная работа’ и т.д. Так, слово *cybercriminalité* ‘киберпреступность’ нередко встречается в неспециализированных изданиях: 144 раза в «Marianne», 489 раз в «Le Figaro» и 479 раз – в архивах газеты «Le Monde», начиная с 1998 года.

Dans un rapport publié ce mardi 20 février, 26 experts estiment que le développement de l'Intelligence artificielle pourrait entraîner une explosion de la cybercriminalité (Marianne, 2018).

Следует отметить, что в ходе анализа было выявлено, что большое количество неологизмов в современном французском языке образуется приставочно-суффиксальным способом (*douane-dédouaner*) или же суффиксацией (*objectif-objectiver*, *Google-googler*), а наиболее продуктивными префиксами являются элементы латинского и греческого происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sablayrolles, J.-F.* La néologie aujourd'hui [Ressource électronique]. – L'accès : <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00169475>. – Date de l'accès : 28.09.2018.
2. *Гак, В. Г.* О современной французской неологии / В. Г. Гак // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1978. – С.37–52.
3. *Skayem, H. S.* La néologie [Ressource électronique] // Espace français. – 2016. – L'accès : <https://www.espacefrancais.com/la-neologie>. – Date de l'accès : 28.09.2018.
4. Dictionnaire de l'Académie française (de A à Sabéisme) [Ressource électronique]. – L'accès : <http://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-la-9e-edition/exemples-de-mots-nouveaux>. – Date de l'accès : 13.08.2018.
5. *Samadov, N.* Tendances de la néologie dans la radio: analyse à travers la Radio France Internationale / N. Samadov. – Strasbourg: Univ. Marc Bloch, 2007. – 262 p.

The article is devoted to the use of neologisms in the French written media sources based on the examples from Marianne, Le Monde, Le Figaro. It also gives an analysis of the most popular prefixal elements.

А. А. Мяховский
(Минск, Беларусь)

ФАКТОР НАМЕРЕННОСТИ ПРИ КОНТАМИНАЦИИ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена сравнению номинативных контаминантов и контаминантов-ошибок в английском языке. В работе выявляются типы смысловых связей, которые можно обнаружить между производящими словами. Гипотеза исследования заключается в том, что условия, при которых образуется контаминант, в значительной степени определяют, какие смысловые связи между компонентами будут преобладать. Было установлено, что контаминанты-ошибки возникают на базе парадигматических связей слов в ментальном лексиконе (в первую очередь – синонимии), в то время как номинативные контаминанты, как правило, образуются на основе парадигматически не связанных слов.

Ключевые слова: контаминация, словообразование, речепорождение, активация, производящее слово, синонимия, антонимия, сравнение, сужение значения, синтагматика.

Контаминация интересна для различных областей языкознания, в том числе и для психолингвистики. При контаминации на лексическом уровне две и более производящие основы могут устанавливать разные смысловые связи. Цель данной работы – выявить семантические различия между двумя группами контаминантов и выяснить их причины. Первую группу составляют *номинативные контаминанты*, включающие широкоупотребительные единицы, а также неологизмы, в т.ч. индивидуально-авторские (оказионализмы). Эти слова образованы для номинации каких-либо фрагментов действительности. Вторую группу представляют *контаминанты-ошибки* – лексические образования, возникшие в спонтанной речи. Их общее свойство – непреднамеренность: они являются продуктом сбоя при речепорождении.

Мы полагаем, что контаминанты-ошибки, возникающие в речи спонтанно, отражают внутреннюю организацию ментального лексикона. Номинативные контаминанты в большей мере отражают авторскую интенцию, которая определяет выбор производящих слов и семантическую связь между ними. Смысловые связи, из-за которых возникают ошибки, объединяют производящие слова с единицами, близко расположенными к ним в ментальном лексиконе, в то время как при сознательном лексическом выборе автор может опираться на более дистантные связи.

В работе анализируется контаминация в английском языке. При рассмотрении лексических контаминантов мы использовали выборку, составленную Н. Беляевой (506 единиц) [1]. Материалом для исследования контаминантов-ошибок послужили примеры, найденные нами в корпусе речевых ошибок В. Фромкин (101 единица) [2].

При рассмотрении семантических связей между компонентами контаминантов, относящихся к анализируемым группам, выяснилось, что большая часть типов смысловых связей присутствует в обеих группах. Но есть типы, представленные только в лексических контаминантах, например, метафорические контаминанты, основанные на *сравнении производящих слов* (17,6 %): *anger* ‘злость, гнев’ + *aneurism* ‘аневризма’ = *angerism* ‘состояние, при котором человек рассержен до крайности, готов «взорваться»’. При аневризме стенки сосудов истончаются, сосуды значительно увеличиваются в размере, что в итоге может привести к их разрыву. Развитие болезни длительное, поступательное. Именно это свойство ложится в основу сравнения: человек может постепенно раздражаться, пока не достигнет состояния неконтролируемого гнева. Кроме того, в группе лексических контаминантов обнаружилось много примеров, при которых имеет место *сужение, конкретизация значения* одного производящего слова другим (26,2 %): *friend* ‘друг’ + *envy* ‘зависть’ = *friendvy* ‘зависть к другу’; *god* ‘бог’ + *podcast* ‘подкаст’ = *godcast* ‘подкаст на богословскую тематику’.

Рассмотрим типы связей, которые представлены в обеих группах контаминантов, но в разном объеме. *Синонимия* слабо представлена в номинативных контаминантах (4,5 %), но широко – в ошибках (45,5 %): *focus* ‘фокусироваться’ + *concentrate* ‘концентрироваться’ = *focustrate* ‘фокусироваться и концентрироваться’; *smart* ‘умный’ + *clever* ‘разумный’ = *smever*. *Антонимия* также в незначительной степени представлена в лексических контаминантах (2 %) и несколько шире в ошибках (7,9 %): *simplify* ‘упрощать’ + *complicate* ‘усложнять’ = *complify* ‘усложнять’; *major* ‘основной’ + *minor* ‘второстепенный’ = *maunor*. Производящие слова редко относятся к одной тематической группе в номинативных контаминантах (6,9%) и часто в контаминантах-ошибках (22,8%): *Google* + *YouTube* = *GooTube* ‘название, которое ввела компания *Google* после того, как перекупила *YouTube* в 2006’ (названия сайтов); *drill* ‘сверлить’ + *dig* ‘копать’ = *drig* (виды работы). В выборках представлены и более малочисленные группы, в частности, контаминанты, построенные на когипонимии и партономии (ни одна не превышает 3%).

Отдельно необходимо отметить контаминанты, образованные от словосочетаний, – *синтагматические*. Они почти отсутствуют среди контаминантов-ошибок (4%), но широко представлены в группе лексических контаминантов (26,6%): *chocolate milk* ‘шоколадное молоко’ → *chmilk* ‘шоколадное молоко’; *boiled wild rice* ‘вареный дикий рис’ → *biled rice*. Это различие связано с тем, что при лексической контаминации автору удобно придумать короткое и запоминающееся слово, которое заменит фразу (*British exit* → *Brexit* ‘выход Великобритании из ЕС’, *Trump’s economics* → *Trumponomics* ‘экономическая политика Д. Трампа’). Создание такого слова протекает сознательно и минимизирует усилия говорящего: достаточно сократить уже готовое словосочетание. При появлении ошибки синтагматика играет меньшую роль, потому что объединение слов в словосочетание происходит на поздних этапах речепорождения. Как правило, контаминант-ошибка возникает раньше и опирается на семантические связи контаминированных слов.

На наш взгляд, распространенность одних типов связей и избежание других обусловлены намеренностью/ненамеренностью процесса контаминации. Создание лексического контаминанта – сознательный процесс, который, как правило, приводит к появлению экспрессивных языковых единиц. При подборе слов говорящий стремится придать контаминанту необычное значение. Желание создать «интересное» слово влечет за собой использование таких логических операций над производящими словами, как сравнение (*angerism*), конкретизация (*frienvy*) и др. Речевые ошибки возникают бессознательно в результате сбоя при речепорождении. Их спонтанный характер обуславливает преобладание других типов связей: синонимия, антонимия, принадлежность к общей тематической группе. Если рассматривать отдельно взятое производящее слово, то оно устанавливает связи

с ближайшими словами, связанными с ним по смыслу. Это происходит потому, что для возникновения контаминанта-ошибки при речепорождении необходима высокая степень активации обоих слов [3], которая легче достигается при установлении связи с ближайшими – связанными по смыслу – словами, чем с дистантными, связанными со словом лишь опосредованно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Beliaeva, N.* Unpacking contemporary English blends: Morphological structure, meaning, processing : thesis by Doctor of Philosophy / N. Beliaeva. – Wellington: Victoria Univ. of Wellington, 2014. – 284 p.
2. Fromkin's Speech Error Database [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.mpi.nl/dbmpi/sedb/sperco_form4.pl. – Date of access : 05.09.2018.
3. *Dell, G.* A spreading-activation theory of retrieval in sentence production / G. Dell // Psychological Review. – 1986. – № 93 (3) – P. 283–321.

In this article we assumed that lexical selection is influenced by conditions, in which blends are produced. Therefore, we tried to define what types of meaning interplay are most common in error blends, which occur in spontaneous speech, and intentional blends, which result from conscious word-formation.

Н. В. Нестерович
(Минск, Беларусь)

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье представлен сопоставительный анализ образа женщины, закреплённого во французских и итальянских пословицах, отражающих культурно и социально обусловленные мнения о женских качествах, атрибутах, нормах поведения и их языковой репрезентации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *гендер, гендерный стереотип, женщина, пословица.*

В антропоцентрической лингвистической парадигме особое внимание уделяется всем параметрам человека, зафиксированным в языке. Одним из таких параметров является *гендер* – социокультурная надстройка над биологической реальностью, которая создается индивидом и обществом в соответствии с нормами культуры и содержит «неявные ценностные ориентации и установки, воздействующие на роли и поведение женщин и мужчин» [1, с. 4].

Понятие гендера в лингвистике раскрывается через анализ гендерных стереотипов, представляющих собой конструируемые в языке и закреплённые в сознании его носителей образы, нормы, традиции, стиль поведения, а также совокупность атрибутов, которые приписываются мужчинам и женщинам в определенном социокультурном сообществе [2, с. 14].

В центре внимания нашего исследования – образ женщины во французской и итальянской лингвокультурах. Актуальность выбранной темы объясняется интересом современной лингвистики к манифестации гендерных стереотипов в языке и выявлению их национально-культурной специфики.

Богатейший материал в этом плане представляют *паремии* как составляющие фразеологического фонда языка, «в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [3, с. 9].

Работа с фактическим материалом [4; 5] позволила выделить три группы стереотипных представлений о «женственности», закрепленных во французских и итальянских паремиях:

- *социально-поведенческие* связаны с ролью и поведением женщины во взаимоотношениях с мужчиной;
- *природно-физические* характеризуют внешний облик, возраст и физиологические характеристики женщины;
- *интеллектуально-психологические* включают черты характера, интеллект, чувства, эмоциональные состояния и др.

Социально-поведенческие стереотипы содержат представления о женщине как о спутнице мужчины, его жене, а также положительную/отрицательную оценку моделей поведения женщины в этом качестве. Согласно существующим представлениям, только хорошая жена делает хорошим и мужа. Для этого женщина должна быть молчаливой и работающей, а у французов еще и мудрой, благоразумной и экономной женой-домоседкой.

Фр.: *Bonne épouse, (vaut) charrue d'or* 'Хорошая жена стоит воза золота'; *C'est la bonne femme qui fait le bon mari* 'Хорошая жена делает хорошим и мужа'; *Femme de bien n'a point d'yeux ni d'oreilles* 'У хорошей жены нет ни глаз, ни ушей'; *Femme prudente et sage, est l'ornement du ménage* 'Благоразумная и мудрая жена – украшение дома'; *Femme sage reste à son ménage* 'Мудрой жене домоседство не мука'; *Femme économe fait la maison bonne* 'Экономная жена делает дом хорошим'.

Итал.: *Donna buona vale una corona* 'Хорошая женщина стоит короны'; *È la donna che fa l'uomo* 'Женщина создает мужчину'; *Le buone donne non hanno né occhi né orecchi* 'У хороших женщин нет ни глаз, ни ушей'; *Piglia casa con focolare e donna che sappia filare* 'Хватай дом с очагом и женщину, умеющую прясть'.

Паремии предписывают женщине быть целомудренной и скромной, при этом французы более категоричны, чем итальянцы.

Фр.: *La femme doit avoir la vertu dans son cœur, et sur son front la pudeur* 'Женщина должна иметь добродетель в сердце и целомудрие на челе'; *La femme sans pudeur cesse d'être une femme* 'Бесстыдница перестает быть женщиной'.

Итал.: *Abito troppo portato e donna troppo vista vengono presto a noia* 'Часто надеваемая одежда и бросакая женщина быстро надоедают'; *La donna troppo in vista, è di facile conquista* 'Женщина, выставяющая себя на показ, – легкая добыча'.

Некоторые пословицы содержат одновременно положительную и отрицательную оценку роли женщины во взаимоотношениях с мужчиной.

Фр.: *Les femmes font le ciel ou l'enfer sur la terre* 'Женщины создают рай или ад на земле'; *Femmes, argent et vin ont leur bien et leur venin* 'Женщины, деньги и вино – это и благо, и отрава'.

Итал.: *La donna è come l'onda, o ti sostiene o ti affonda* 'Женщина как волна или вознесет тебя, или утопит'; *Donne danno, fanno gli uomini e li disfanno* 'Женщины и создают мужчин, и разрушают их'.

Согласно стереотипам, женщина является причиной беспокойств и неприятностей. К подобной оценке особенно склонны итальянцы.

Фр.: *Qui femme a, guerre a* 'У кого жена, у того и война'; *Fumée, pluie et femme sans raison chasse l'homme de la maison* 'Дым, дождь и неразумная жена гонят мужчину из дома'; *Femme querelleuse est pire que le diable* 'Сварливая женщина хуже черта'.

Итал.: *Donna e fuoco, toccali poco* 'Держись подальше от женщин и от огня'; *La donna, il fuoco e il mare fanno l'uomo pericolare* 'Женщина, огонь и море представляют опасность для мужчины'; *È meglio avere la cura di un sacco di pulci che una donna* 'Проще заботиться о мешке блох, чем об одной женщине'; *La cattiva moglie è una febbre quotidiana* 'Плохая жена – ежедневная лихорадка'.

Из всей совокупности природно-физических характеристик, объектом стереотипизации чаще всего выступает женская красота, которая заставляет французских мужчин жениться: *Parmi les femmes, la beauté fait excuser beaucoup de défauts* 'Красота женщины затмевает ее недостатки'; *L'oeil de la femme est une belle toile d'araignée* 'Женские глаза – это паутина'; *On ne peut jamais voir les épaules d'une jeune femme sans songer à fonder la famille* 'Невозможно смотреть на плечи молодой женщины и не думать о создании семьи'.

Ценят женскую красоту и итальянцы, но рассматривают ее как явление, присущее молодости, а также не самое важное качество, которое может быть источником проблем: *Chi nasce bella, non nasce povera* 'Рожденная красивой, уже не бедна'; *Ogni bella scarpa diventa ciabatta, ogni bella donna diventa nonna* 'Каждый красивый башмак становится стоптанным, каждая красивая женщина становится бабушкой'; *Bella moglie, dolce veleno* 'Красивая жена – сладкий яд'; *Moglie bella ti fa far la sentinella* 'Красивая жена заставит тебя быть сторожем'; *Belle o brutte, si sposan tutte* 'Красивые или некрасивые – замуж выйдут все'.

Согласно стереотипным представлениям об интеллектуально-психологических качествах, женщина болтлива, хитра и коварна.

Фр.: *Deux femmes font un plaid, trois un fort grand caquet, et quatre un marché complet* 'Две женщины устраивают судебное заседание, три – громкое кудахтанье, а четыре – целый рынок'; *Femme sait un art avant le diable* 'Женщина искуснее дьявола'; *La femme rit quand elle veut et pleure quand elle peut* 'Женщина смеется, когда хочет, и плачет, когда может'; *Foi de femme est plume sur l'eau* 'Верность женщины – это перо на воде'.

Итал.: *Più facile trovar dolce l'assenzio, che in mezzo a poche donne un gran silenzio* 'Легче найти сладкую полынь, чем молчание среди нескольких женщин'; *Tre donne fanno un mercato e quattro una fiera* 'Три женщины способны устроить рынок, а четыре – целую ярмарку'; *Lacrime di donna fontana di malizia* 'Женские слезы – фонтан хитрости'; *A quattro cose non prestar fede: sole d'inverno, nuvole d'estate, amor di donna e discrezion di frate* 'Нельзя доверять четырем вещам: зимнему солнцу, летним тучам, женской любви и скромности монаха'.

Проведенный анализ позволяет заключить, что стереотипные представления о женщине во французской и итальянской лингвокультурах отражают общую тенденцию патриархальной культуры, поскольку исходят преимущественно от мужчины и чаще всего содержат отрицательную оценку. Подтверждением доминирующей роли мужчины является численное превосходство паремий, касающихся социально-поведенческих характеристик женщины, в сравнении с двумя другими группами. В целом стереотипы французской и итальянской лингвокультур совпадают по содержанию и языковому выражению. Национально-культурная специфика стереотипов проявляется в восприятии женской красоты и в ассоциациях, связанных с образом женщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кавинкина, И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Анализ гендерных стереотипов в коммуникации / И. Н. Кавинкина. – Saarbruchen : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 168 с.
2. Нурсеитова, Х. Х. Введение в гендерную лингвистику: учеб. пособие / Х. Х. Нурсеитова. – Павлодар, 2008. – 70 с.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 284 с.
4. Dictionnaire de proverbes et dictions / par F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzonni. – Paris : Le Robert, 2000 – 491 p.
5. Proverbi sulle donne [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.scuolissima.com/2017/05/proverbi-donne.html>. – Date of access : 15.10.2018.

The article is devoted to a comparative analysis of the image of a woman fixed in the French and Italian paroemias, reflecting culturally and socially determined opinions about women's qualities, attributes and norms of behavior and their language representation.

Ю. В. Овсейчик
(Минск, Беларусь)

НЕМОДАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА *VOULOIR*

В течение многих лет немодальное употребление модального глагола *vouloir* не было объектом пристального внимания лингвистов. Хотя данные случаи фиксировались

уже с XIV века, они не являются частотными. Семантические изменения модального глагола заключаются не только в выражении волеизъявления, но и в намеренном пояснении говорящим значения слов, точек зрения, позиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *модальный глагол, немодальное употребление, волеизъявление.*

Этимологически французский модальный глагол *vouloir* ‘хотеть’ восходит в народной латыни к глаголу *volere*, происходящему от формы *velle* в классической латыни. В диахроническом аспекте развития модального глагола его семантическое ядро волонтиативности (*la volition*) осталось относительно стабильным и представляет собой изъявление воли, которое включает в себя желание, намерение, готовность и попытку совершить действие, приказ, повеление, рекомендацию, совет, размышление, согласие. Различные оттенки модального значения объединяются наличием «волевого отношения субъекта к действию, осознаваемого субъектом – независимо от того, какие обстоятельства к этому привели, – как его собственное волевое побуждение» [1, с. 95].

Так, в большинстве случаев модальный глагол *vouloir* имеет волитивное значение как в латыни, так и во французском языке. Ср.:

Idem velle atque idem nolle, ea demum firma amicitia est / Vouloir les mêmes choses et détester les mêmes choses, c'est ce qui rend l'amitié stable ‘Желать и ненавидеть одно и то же делает дружбу крепче’.

Начиная с классической латыни, модальный глагол *vouloir* приобретает второе значение – футуральности, – которое имеет место в некоторых диалектах на востоке Франции и в Швейцарии [2]. В настоящее время основным значением нейтрального модального глагола *vouloir* признается волитивное: субъект волеизъявления оценивает, предпочитает и выбирает фрагмент действительности как потенциальную ситуацию, в реализации которой он заинтересован. Так, например, в высказывании

Elle veut ressembler à Jeanne d'Arc, dans ses haillons de fille maudite → Elle désire ressembler à Jeanne d'Arc... ‘Она хочет быть похожей на Жанну д’Арк, проклятой девушки в лохмотьях’ → ‘Она желает ...’

соотнесенность желаемой для субъекта волеизъявления ситуации «быть похожим на...» с будущим является исходной для интерпретации волитивного употребления модального глагола *vouloir*. Вероятность реализации желания напрямую зависит от внутренних волевых качеств самого субъекта, его стремления к успеху и избегания неудач.

Отметим, что желание всегда кому-либо принадлежит, кем-либо высказывается, поэтому употребление модального глагола *vouloir* невозможно без одушевленного субъекта, источника волеизъявления. Таким образом, наличие неодушевленного субъекта в сочетании с модальным глаголом *vouloir* должно приводить к противоречию и не допускаться в речевом употреблении. Насколько корреляция неодушевленного субъекта и модального

предиката волеизъявления является отклонением? В чем заключается взаимообусловленность неодушевленного субъекта и модального предиката в синтагматической последовательности? Сохраняется ли волитивное значение модального глагола либо он приобретает новое семантическое наполнение?

Объектом нашего анализа является трехкомпонентная структура *X veut dire*, где позицию субъекта волеизъявления занимает одушевленное лицо, которое имеет «желание» что-то сказать: *telle personne veut dire ceci ou cela = telle personne souhaite dire ceci ou cela* 'Некто хочет что-то сказать'. → 'Некто желает что-то сказать'. Однако анализ практического материала показал, что в позиции субъекта может оказаться слово или выражение, значение которого поясняется: *un mot ou une phrase veut dire quelque chose = un mot ou une phrase signifie quelque chose* 'Слово или фраза означает что-либо'. Наличие одушевленного или неодушевленного субъекта модального предиката предопределяет разную степень актуализации волитивного значения модального глагола *vouloir* в структуре *X veut dire*.

Было выявлено, что в линейной последовательности структуры *X veut dire* позиционное место субъекта могут занимать: 1) личное местоимение первого лица единственного числа (*je*); 2) слово / понятие (*mot / expression*); 3) указательное местоимение (*ça*). В каждом из представленных случаев происходит утрата волитивного значения модального глагола *vouloir* в составе данной структуры.

В первом случае анализируемая структура реализуется двумя моделями, которые на синтаксическом уровне различаются наличием или отсутствием косвенного дополнения: *je veux dire à qn* и *je veux dire*. Волитивное значение модального глагола *vouloir* сохраняется в модели *je veux dire à qn*. Говорящий, выраженный личным местоимением первого лица единственного числа как субъект волеизъявления, соотносит некоторое действие с будущим, выбирая для своих целей модальный глагол *vouloir*. Ср.: *je veux te dire = je tiens à te déclarer, je souhaite te dire*. Ср.:

Ce que je veux dire aux Français, c'est que la peur n'est pas bonne conseillère → *Ce que je tiens à dire aux Français, c'est que la peur n'est pas bonne conseillère* 'То, что я хочу сказать французам, так это то, что страх – нехороший советчик'. В данном высказывании реализуется намерение говорящего проинформировать других о некотором потенциальном положении дел. Замена модального глагола подтверждает его волитивное употребление.

При отнесенности волеизъявления в план прошедшего все высказывание приобретает значение недосказанности. Ср.:

Que voulais-je (te) dire? → *J'avais l'intention de dire quelque chose, j'ai oublié où j'en étais* 'Что я хотел тебе сказать? Я намеревался что-то сказать, но подзабыл'.

Qu'a-t-il voulu dire ? → *Il tenait à dire quelque chose, à faire comprendre, mais personne n'a saisi l'allusion* 'Что он хотел сказать? Он желал что-то сказать, дать понять, но никто не понял его намек'.

В высказываниях, построенных по второй модели (*je veux dire*) без маркированной адресованности, утверждается наличие некоего фрагмента действительности, требующего уточнения из-за недосказанности или неправильно изложенного факта. Ср.:

Il n'est pas très sociable, je veux dire un peu décalé, un peu dans son monde. 'Он не очень общителен, я имею в виду чуть «сдвинутый», немного в своем мире' и *On a rendez-vous mardi...euh... mercredi j'veux dire* 'Встреча назначена на вторник..., нет, на среду, я ошибся'.

Как видим, в первом случае модальный глагол *vouloir* – в сочетании с дополнением-предикатом *dire* – употребляется в значении 'уточнить, иметь в виду' и теряет свое волитивное значение.

Во втором случае глагол *vouloir* в составе структуры *X veut dire* предназначен для описания значения одной единицы языка посредством других. Ср. также: *Le mot amour veut dire un sentiment intense d'affection et d'attachement envers un être vivant* → *Le mot amour signifie un sentiment intense d'affection et d'attachement envers un être vivant* 'Слово любовь означает чувство сильной привязанности к живому существу'.

Модальный глагол *vouloir* маркирует таким образом экпликацию лексической единицы, соотнося ее (лексическую единицу как виртуальный знак) со значением. Наличие неодушевленного субъекта, лишенного волитивных качеств, в самой структуре *X veut dire* предопределяет реализацию немодального значения глагола *vouloir*, что подтверждается приведенной выше трансформацией.

Третий случай представляет собой устойчивый оборот (*bloc figé*) *ça veut dire*. Отметим, что *dire* – единственно возможный предикат-дополнение в *ça veut* в утвердительной форме. В остальных случаях при употреблении *ça* с модальным глаголом *vouloir* необходимо отрицание: *ça ne veut pas démarrer, pas marcher, pas venir*, etc.). Так, с неодушевленным лицом допускается реализация *vouloir* только с отрицанием: *Le café ne veut pas passer. Cette tache ne veut pas partir. Le sommeil ne veut pas venir* → *Le café ne passe pas. Cette tache ne part pas. Le sommeil ne vient pas* 'Кофе не идет'. 'Пятно не уходит.' 'Сон не приходит.' Опускание модального глагола в структуре предложения не приводит к изменению содержания высказывания. Заметим, что в устойчивом обороте *ça veut dire* невозможно произвести как замену указательного местоимения на любое неодушевленное имя, так и глагола ни на один другой: **le café veut passer*, **ça veut déclarer*, **ça veut informer*.

Итак, в высказывании *La lune est brouillée, ça veut dire qu'il va pleuvoir* → *La lune est brouillée, ça signifie qu'il va pleuvoir* 'Луна затянута, значит, пойдет дождь' формально автономные две части сложного предложения *lune brouillée* и *il va pleuvoir* образуют единое смысловое целое посредством объединяющего их указательного местоимения *ça*. Двуправленность местоимения *ça* проявляется в способности соотносить уже сказанное (первая

ассерция) с тем, что еще будет сказано (вторая ассерция). Говорящий, первично вводя информацию о некотором фрагменте действительности, повторно утверждает его актуальное наличие и значимость в настоящий момент, имплицитно последствия в будущем: две части высказывания *lune brouillée* и *il va pleuvoir* соотносятся с одним фрагментом действительности, представленным разными языковыми средствами и разделенным временной рамкой. Таким образом, утратив волитивное значение, модальный глагол *vouloir* способствует утверждению существования некоторого фрагмента действительности относительно как плана прошедшего, так и будущего.

Следует отметить, что в анализируемой структуре *X veut dire* глагол говорения *dire* первичен и необходим для утверждения расхождения между утвержденным и утверждаемым, а модальный глагол *vouloir* лишь осуществляет замысел говорящего, выступая посредником между двумя частями высказывания.

Проведенный анализ позволил установить, что модальный глагол *vouloir* в структуре *X veut dire* маркирует процесс перехода от «невидимой», «недосказанной» части к «видимой», «досказанной». Уникальная способность модального глагола *vouloir* в структуре *X veut dire* заключается в проявлении неволитивного значения, обозначая тем самым неразрывность утвержденного и утверждаемого относительно некоторого фрагмента действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др]. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. – 262 с.
2. *Cesalli L.* «Dire et vouloir dire: philosophies du langage et de l'esprit du Moyen Âge à l'époque contemporaine: présentation» / L. Cesalli, C. Majolino. [Source électronique]. – 14 / 2014, mis en ligne le 24 avril 2014. – Mode d'accès : <http://journals.openedition.org/methodos/4090> ;DOI:10.4000/methodos.4090. – Date d'accès : 22.10.2018.

The article deals with cases of the non-volitive use of the modal verb. Constructions whose components lead to loss of modal value are analyzed. Cases of the use of an inanimate subject with a modal verb of wish expression are revealed.

В. А. Павловский
(Минск, Беларусь)

ПРЕПОЗИЦИЯ И ПОСТПОЗИЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО КАК ЯВЛЕНИЕ СТИЛИСТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием синтаксической позиции прилагательного на его семантику во французской структуре «N+A». Особый акцент сделан на изучении прилагательных, которые способны изменять свое значение в зависимости от местоположения (препозиция/постпозиция) в синтагме относительно определяемого существительного.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *прилагательное, именная синтагма, препозиция/постпозиция, нейтрализация, денотация, референция, синтаксическая оппозиция.*

Зависимость семантики языковых единиц от синтаксиса в романских языках – один из тех вопросов, которые волнуют лингвистов на протяжении долгого времени. Несмотря на то, что сам этот факт не подвергается сомнению, немногие исследователи решаются заниматься данной проблемой вплотную. В данном контексте особый интерес представляют прилагательные, которые способны менять свою семантику в зависимости от их местоположения в словосочетании или предложении. Вопрос местоположения прилагательного относительно имени уже попадал в поле зрения как зарубежных, так и отечественных лингвистов во второй половине XX века. За это время в романских языках произошли многочисленные изменения. В частности, изменилось представление о проблеме взаимосвязи семантики и синтаксиса, сместился фокус в рассмотрении проблемы местоположения прилагательного, что фактически является предметом настоящей статьи.

Известно, что в латинском языке в группе «существительное + прилагательное» порядок слов мог варьироваться [1, с. 215]. Со временем в романских языках препозиция и постпозиция прилагательного закрепились за двумя разными функциями: функцией оценки и функцией ограничения. Особенно отчетливо это проявляется во французском языке, где фиксированный порядок слов рассматривается в качестве нормы. Будучи в *постпозиции*, прилагательное выделяет только определенное качество существительного, в то время как в случае препозиции прилагательного существительному добавляется определенная субъективная оценка. При этом далеко не все прилагательные могут находиться в *препозиции*. Такой возможностью обладает лишь определенная группа качественных прилагательных, часть из которых может занимать место в обеих позициях: как перед, так и после существительного. Именно в подобного рода оппозициях наиболее ярко проявляются характерные черты исследуемого явления. Господствующим членом синтагмы прилагательное становится только в постпозиции. В качестве подтверждения данного положения В. Г. Гак приводит следующие примеры: *une vieille amitié*, но *une amitié vieille de dix ans*; *un long voyage*, но *un voyage extrêmement long* [2, с. 219]. Одновременно отмечается следующая особенность позиции прилагательного: слово, находящееся в постпозиции, приобретает статус определения (например, *le vent debout*, *un chapeau paille*).

Исследуя семантику прилагательных в зависимости от их позиции, В. Г. Гак выделяет четыре функции, выполняемые прилагательным: *основная оппозиция, нейтрализация, асемантическая функция, стилистическая функция* [2, с. 220–222].

О с н о в н а я о п п о з и ц и я включает два значения. В первом реализуется ограничительный признак предмета: прилагательное характеризует один класс или целые группы предметов или явлений. Такой случай называется спецификацией, которая, как правило, реализуется в постпозиции.

Второй случай, получивший название *классификация*, – это выражение прилагательным неспециального признака предмета, который реализуется в препозиции. В большинстве случаев прилагательное в препозиции выделяет специфические признаки предмета, однако иногда оно занимает указанную позицию для подчеркивания общих свойств называемого явления. Чаще всего для этого используются характеристики размеров (*grand /petit*), субъективные оценки (*bon/mauvais*, *pauvre* в переносном значении), возраст (*jeune/vieux*), соответствие/несоответствие идеальному представлению о предмете (*une chemise en vraie soie*).

Н е й т р а л и з а ц и я. Индифферентность к позиции по отношению к существительному преимущественно свойственна оценочным прилагательным типа *délicieux*, *magnifique*, *splendide*, *superbe*, *horrible*, *extraordinaire*, *étonnant*, *passionnant*, *merveilleux*, *incroyable*, *admirable*, *excellent*, etc. Они сохраняют свое значение в обоих положениях:

une terrible nouvelle – une nouvelle terrible;
une splendide maison – une maison splendide;
un éminent savant – un savant éminent;
un délicieux thé – un thé délicieux.

Как видим, отдельные прилагательные, употребляемые преимущественно в препозиции, могут без изменения значения употребляться в постпозиции и наоборот. Это связано, как правило, с возможностью использования наречий интенсивности или полноты признака. Ср.: *un grand appartement* и *un appartement très grand*; *un livre intéressant* и *un très intéressant livre* (сказать *un intéressant livre* невозможно, так как это противоречит узусу) [2, с. 222].

А с е м а н т и ч е с к а я ф у н к ц и я. Лексикализация. В отдельных случаях место прилагательного объясняется не семантическими особенностями, а лишь традицией, либо просодическими факторами. Нередко в определенной позиции прилагательное образует единое семантическое целое с существительным (*un jeune homme*, *la blanche neige*, *les vertes prairies*), а также выступает как привычный традиционный эпитет: *la douce France*, *la perfide Albion*. Одно и то же прилагательное может лексикализироваться в разных позициях: *un coup bas* и *les bas morceaux*; *la Haute Cour* – Верховный суд и *la Chambre Haute* – Верхняя палата; позиция прилагательного может закрепиться и в составе фразеологических единиц: *pleurer à chaudes larmes*.

С т и л и с т и ч е с к а я ф у н к ц и я. Одно из самых распространенных объяснений позиции прилагательного выдвигает на первый план действие стилистических факторов. Мнения исследователей, объясняющих позицию прилагательного стилистическими причинами, достаточно схожи. Так, Ш. Балли считает, что если прилагательное предшествует существительному, то ему присуще субъективно-оценочное значение. В случае препозитивного употребления прилагательного «подлинное качество отступает перед силой впечатления», и поэтому сочетания типа *une large vallée* имеют оттенок восклицания. Препозитивное прилагательное, как правило, добавляет к качеству оттенок оценки, т.е. выражает удовольствие или недовольство, содержит

в себе похвалу или порицание. Эти оттенки могут оказаться преобладающими либо и вовсе исчезнуть, как в примере: *petite mère* – мамочка. Такие прилагательные приобретают чаще всего значение увеличительных или уменьшительных, хвалебных или уничижительных префиксов и заменяют суффиксы того же значения [3, с. 255]. Таким образом, согласно мнению Ш. Балли, постпозиция прилагательного рассматривается как нейтральная, а препозиция – как стилистически окрашенная, оценочно-субъективная. Схожую точку зрения высказывает С. Ульман, который также объясняет разницу пост – и препозиции прилагательного во французском языке стилистическими особенностями препозиции. По его мнению, препозиция регулярно выражает аффективность, оценку, в то время как постпозитивное определение добавляет различительный и «интеллектуальный» признаки к идее, выражаемой существительным [4]. Это связывается с тем, что нормативный порядок слов во французской именной синтагме – НА, а каждая необычная синтаксическая конструкция приобретает экспрессивное значение [5].

Многие лингвисты сходятся на том, что постпозиция прилагательного не несет никакого стилистического оттенка. Это системная позиция, которую язык резервирует за прилагательным. Препозиция же прилагательного, напротив, появляется в речевых высказываниях для выражения стилистических нюансов: эмоции и оценки говорящего. Иначе говоря, препозиция всегда мотивирована говорящим субъектом.

При рассмотрении позиции прилагательного по отношению к существительному важным представляется их классификация на *качественные* и *относительные*. Если качественные прилагательные отражают в своих значениях свойства, присущие объекту, характеризуют его по форме, цвету, величине, вызываемому ощущению и впечатлению и т.д. (*long, noir, petit, doux, agréable...*), то относительные в своих значениях отражают отношение данного объекта к другим субстанциям, действиям, обстоятельствам, поскольку всякое отношение и действие могут быть представлены в виде признака. Относительные прилагательные, как правило, следуют за существительным, тогда как качественные могут ему предшествовать. Перед существительными ставятся преимущественно однослоговые прилагательные и формируют достаточно закрытый ряд: *autre, beau (bel, belle), bon (bonne), grand (-e), gros (grosse), haut (-e), joli (-e), long (longue), mauvais (-e), nouveau (nouvel, nouvelle), petit (-e), vilain (-e), jeune, vieux (vieil, vieille)*.

Целый ряд оценочных прилагательных может занимать позицию и до, и после существительного, не изменяя при этом своего значения: *délicieux, magnifique, splendide, superbe, horrible, extraordinaire, étonnant, passionnant, merveilleux, agréable, incroyable, épouvantable, excellent* и некоторые другие. При этом следует заметить, что, будучи употребленными в препозиции к существительному, они приобретают ярко выраженный субъективный оттенок. Ср.:

- (1) *De loin j'entendais des cris épouvantables.*
- (2) *Ce fut un épouvantable supplice.*

Во втором примере степень интенсивности просматривается ярче.

Особый интерес представляют прилагательные, которые – в зависимости от местоположения к существительному – реализуют свое прямое либо переносное значение. Последнее наблюдается в препозиции.

Прилагательное	В постпозиции	В препозиции
<i>amer</i>	горький (на вкус) <i>des pommes amères</i> (горькие яблоки)	горький, едкий (перен.) <i>d'amers reproches</i> (горькие упреки)
<i>bas</i>	низкий, нижний <i>une table basse</i> (низкий столик) тихий <i>à voix basse</i> (тихим голосом, тихо)	низкий (перен.) <i>une basse vengeance</i> (низкая месть) юный, молодой <i>les enfants en bas âge</i> (малолетние дети) нижний (по географической ситуации) <i>dans la basse ville</i> (в нижней части города)
<i>brave</i>	смелый <i>un homme brave</i> (смелый человек)	честный, порядочный, славный <i>un brave homme</i> (честный, порядочный человек)
<i>chaud</i>	горячий, теплый <i>un plat chaud</i> (горячее блюдо)	горячий, теплый (перен.) <i>un chaud accueil</i> (теплый прием)
<i>cher</i>	дорогой <i>un manteau cher</i> (дорогое пальто)	дорогой (в обращении) <i>mon cher ami</i> (дорогой друг) любимый, ценный <i>sa chère voiture</i> (его любимая машина)
<i>cruel</i>	жестокий <i>un homme cruel</i> (жестокий человек)	жестокий, мучительный (абстр.) <i>la cruelle vérité</i> (жестокая правда)
<i>curieux</i>	<i>un garçon curieux</i> (любопытный мальчик) любопытный <i>un esprit curieux</i> (любопытный ум)	<i>une curieuse fille</i> (странная девочка) удивительный <i>une curieuse nouvelle</i> (удивительная новость)

<i>dernier</i>	прошлый <i>l'année dernière</i> (в прошлом году) <i>mercredi dernier</i> (в прошлую среду)	последний <i>la dernière semaine de janvier</i> (последняя неделя января) <i>ces derniers temps</i> (последнее время)
<i>doux</i>	сладкий, нежный, мягкий <i>une pomme douce</i> (сладкое яблоко)	приятный, милый, нежный <i>un doux souvenir</i> (приятное воспоминание)
<i>dur</i>	твердый <i>un lit dur</i> (твердая кровать)	тяжелый <i>une dure épreuve</i> (тяжелое испытание)
<i>fameux</i>	знаменитый, известный <i>un écrivain fameux</i> (знаменитый писатель)	превосходный, замечательный (не обязательно знаменитый) <i>un fameux écrivain</i> (превосходный писатель)
<i>fin</i>	тонкий, острый; мелкий; чистый <i>l'or fin</i> (чистое золото)	умный, искусный, умелый <i>un fin connaisseur</i> (тонкий ценитель)
<i>fort</i>	сильный, крепкий <i>un garçon fort</i> (крепкий мальчик)	сильный (интенсивный) <i>une forte pluie</i> (сильный дождь)
<i>fou</i>	помешанный, безумный, сумасшедший <i>une tête folle</i> (взбалмошная голова)	шаловой, безумный <i>une folle aventure</i> (безумное приключение)
<i>franc</i>	открытый, чистосердечный, прямой <i>une personne franche</i> (открытый человек)	явный, отъявленный <i>une franche sottise</i> (явная глупость)
<i>froid</i>	холодный <i>une pierre froide</i> (холодный камень)	холодный (перен.) <i>la froide audace</i> (холодная отвага)
<i>furieux</i>	яростный, бешеный, сердитый <i>un client furieux</i> (сердитый посетитель)	очень сильный, чрезвычайный <i>une furieuse envie</i> (очень сильное желание)
<i>gris</i>	серый <i>du papier gris</i> (серая бумага)	неинтересный, невеселый <i>une grise mine</i> (обиженный вид лица)
<i>léger</i>	легкий <i>un vêtement léger</i> (легкая одежда)	легкий (перен.) незначительный, легкомысленный <i>une légère notion</i> (элементарное понятие)

<i>maigre</i>	худой, тощий <i>un chat maigre</i> (худой кот)	жалкий, скудный, незначительный <i>un maigre salaire</i> (скудная зарплата)
<i>méchant</i>	злой, злобный, вредный <i>un homme méchant</i> (злой мужчина)	ничтожный <i>un méchant roman</i> (плохой роман)
<i>mince</i>	тонкий, худощавый <i>une femme mince</i> (стройная женщина)	незначительный <i>un mince revenu</i> (скудный доход)
<i>mortel</i>	смертный, смертельный <i>un poison mortel</i> (смертельный яд)	смертельный (перен.) <i>une mortelle inquiétude</i> (страшное беспокойство)
<i>mou</i>	мягкий, слабый <i>un climat mou</i> (мягкий климат)	мягкий (перен.), слабый <i>de molles protestations</i> (слабые протесты)
<i>noble</i>	дворянский <i>une famille noble</i> (дворянская семья)	благородный, возвышенный <i>une noble famille</i> (благородная семья)
<i>pâle</i>	бледный, тусклый <i>une lumière pâle</i> (тусклый свет)	жалкий <i>un pâle crétin</i> (жалкий идиот)
<i>pauvre</i>	бедный, нищий <i>une famille pauvre</i> (бедная семья)	несчастный <i>un pauvre type</i> (несчастный человек)
<i>pieux</i>	набожный, почтительный <i>un enfant pieux</i> (набожный ребенок)	благой <i>un pieux mensonge</i> (святая ложь)
<i>plaisant</i>	приятный <i>un voyage plaisant</i> (приятное путешествие)	веселый, странный, нелепый <i>une plaisante réponse</i> (забавный ответ)
<i>propre</i>	чистый <i>une assiette propre</i> (чистая тарелка)	собственный <i>mes propres affaires</i> (мои личные дела)
<i>rare</i>	редкий, редко встречающийся <i>des fleurs rares</i> (редкие цветы)	редкий (перен.) <i>une rare audace</i> (редкая отвага)
<i>riche</i>	богатый <i>une fille riche</i> (богатая девушка)	дорогой (перен.), великолепный, роскошный <i>un riche cadeau</i> (роскошный подарок)

<i>rude</i>	жесткий, суровый; неровный; резкий; неприятный; тяжелый <i>une vie rude</i> (суровая жизнь)	большой, сильный <i>une rude sottise</i> (большая глупость)
-------------	--	---

Прилагательные, как видим, неоднородны по своей признаковой семантике и являются семантически несамостоятельным классом слов. В силу отсутствия предметной отнесенности они лишены денотации, поэтому включаются в сферу обозначения через соотношенность с субстанцией – именем существительным.

Прилагательные сочетаются с существительными самой различной семантики, допуская разнообразные сдвиги в собственном значении. Они совмещают в семантической структуре два аспекта: значение собственно признака и оценку. С этим связана их способность занимать позиции в денотативной и референтной структурах.

Место прилагательного по отношению к существительному является грамматической категорией, называемой *способом характеристики*. В зависимости от характера выражаемой признаковости следует различать значения *спецификации* (когда прилагательное находится в постпозиции к существительному) и *квалификации* (положение препозиции). Препозиция прилагательного появляется в речевых высказываниях для выражения эмоции и оценки говорящего, т. е. она всегда мотивирована говорящим субъектом. Иначе говоря, синтаксическая оппозиция AN-NA объясняется стилистическими факторами: постпозиция, как правило, нейтральна, препозиция – стилистически маркирована.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисова, Т.Б. Введение в романскую филологию / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – М. : Высш. шк., 2007. – 453 с.
2. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1979. – 304 с.
3. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Иностр. лит., 1961. – 394 с.
4. Ullmann, S. Précis de sémantique française / S. Ullmann. – Paris : PUF : A. Francke, S. A. Berne, 1965. – 352 p.
5. Riegel, M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J-C Pellat, R. Rioul. – Paris : PUF, 2014. – 1107 p.

The article considers the issues associated with the impact of the syntactic position of an adjective over it's semantics in the nominal structure «N + A» of the French Language.

С. Н. Панкратова, Т. А. Стрельцова
(Минск, Беларусь)

ЭЛЛИПСИС КАК ЧАСТНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ КОМПРЕССИИ ТЕКСТА (на материале современного французского языка)

Эллиптические конструкции, будучи эффективным синтаксическим средством имплицитной передачи информации, рассматриваются в связи с понятием компрессии текста. Основными факторами, которые обуславливают компрессию информации, являются требования языковой прагматики, стилистические и жанровые (эстетические) требования. Эллиipsis характерен как для разговорной, так и для письменной речи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *эллиipsis, языковая экономия, компрессия текста, микро-контекст, макроконтекст, упрощение, обобщение, исключение.*

С античных времен изучение эллиipsis занимало важное место в деятельности многих исследователей. Впервые он был представлен среди фигур стиля и рассматривался как явление риторики. Многие ученые подчеркивали особое значение эмоций, которые и служили, по их мнению, одной из причин эллиipsis. Считалось, что бурные эмоции мешают человеку полно выражать все свои мысли или правильно закончить предложение. Позже лингвисты стали рассматривать эллиipsis как грамматическое явление.

Проблема эллиipsis представляет большой интерес и для современной лингвистики, так как эллиптические предложения могут возникать как в устной разговорной речи, так и в произведениях художественной литературы. Подобные конструкции служат весьма эффективным синтаксическим средством имплицитной передачи информации в устной и письменной речи.

Эллиipsis рассматривается в связи с раскрытием понятия *компрессии языка*, будучи наиболее ярким ее выражением. В настоящее время такие явления, как неофициальность и непринужденность общения, позволяют сократить высказывание: коммуниканты используют только те части предложения, которые необходимы для понимания смысла.

В процессе лингвистической компрессии структура языковой единицы сокращается, но при этом не происходит изменения заложенной в ней информации. Этот процесс стилистически немаркирован и имеет системный характер. Лингвистическая компрессия может происходить либо в результате опущения избыточных элементов, либо за счет их замены менее протяженными единицами. Сокращение высказывания дает коммуникантам возможность увеличить информационную емкость высказывания, а большое разнообразие средств экономии в разных стилистических группах – передать различные эмоциональные и стилистико-смысловые оттенки. «Информационная компрессия – это сжатие плана означающего при сохранении плана означаемого. Для определения предела сжатия существует понятие текстовой

нормы. В разных текстах она будет разной, однако есть и общий показатель у этой нормы: речевая единица не должна утрачивать своего сообщительного смысла» [1].

Если рассматривать эллипсис как конкретное проявление (то есть структурную модель) компрессии, эксплицированное в синтаксической редукции любого компонента высказывания, и при этом есть возможность его восстановления до полного варианта, можно говорить о двух типах эллипсиса: *диахроническом* и *синхроническом*.

Под *диахроническим* эллипсисом следует понимать модели образования неполных предложений, которые уже невозможно восстановить до их полного варианта, однако только в том случае, если в их основе лежало опущение компонентов на одном из более ранних этапов развития языка.

Синхронический эллипсис представляет собой опущение компонентов предложения, которые можно с легкостью восстановить до полного варианта, так как при этом необходимо существование полного коррелята в языке, эквивалентного по смыслу эллиптической конструкции.

Современные лингвисты выделяют ряд мотивов, которые обуславливают компрессию информации.

- Требования языковой прагматики. В данном случае характерно, например, применение терминов, дающих максимальное свертывание информации, т.е. употребление термина без его определения, так как он номинирует понятие в предельно свернутом виде.

- Требования жанра, либо эстетические требования. В подобных ситуациях компрессия информации диктуется жанровыми установками текста как, например, в афористике.

- Стилистические требования. Данный случай связан с применением особых стилистических приемов, например, умышленное умолчание, недоговоренность.

В целом информационная компрессия приводит к лаконизации текста, степень которой зависит от коммуникативной ситуации. Однако следует понимать лаконизацию не как сокращение текста за счет снятия части информации, но как его сжатие с сохранением полного объема информации. Следовательно, информационная компрессия является одним из способов повышения информативности вербальных средств выражения, сводящийся к тому, чтобы добиться построения такого текста, в котором был бы максимально выражен необходимый смысл при минимальной затрате речевых средств.

Общая тенденция к экономии языковых средств, будучи наиболее сильной, проявляется в языках мира. В процессе употребления языка (часто независимо от говорящих) происходит рациональный и экономный отбор действительно необходимых для целей общения языковых средств. С этим общим направлением тесно связаны и частные. Для французского языка актуальны следующие.

- Тенденция к изменению фонетического облика при утрате им лексического значения. Например, группа слов, утратившая свое первоначальное значение, может подвергнуться сокращению: латинское выражение *quo modo* ‘каким образом’ дало *comme* во французском языке. Вульгарно-латинское *in-casa* дало во французском *chez*.

- Тенденция к устранению языковых элементов, имеющих незначительную семантическую нагрузку. Например, редкие фонемы, обладающие малой частотностью, в процессе развития языка сливаются с близкими им фонемами. Так происходит в современном французском языке с фонемой *oe* носовой, которая в разговорной речи приближается к фонеме *ε* носовой.

- Тенденция к превращению самостоятельных слов в суффиксы. Например, суффиксы в некоторых именах являются следами франкского:

-bert ‘brillant’: *Albert* ; *-baud* ‘audacieux’: *Thibaud* ; *-ard* ‘fort, puissant’: *Bernard*. Происхождение суффикса *-ment* лингвисты видят в аблятиве латинского существительного *mens*, *-tis*, *mente*, который имел значение ‘esprit’, затем ‘manière d’être’.

Таким образом, ясно видна роль закона экономии в развитии и функционировании языка. В процессе порождения речи говорящий выбирает структурно компрессивные единицы, составляющие ядро того или иного высказывания.

Существуют определенные приемы, позволяющие добиться компрессии текста.

- Объединение, или упрощение. При использовании данного приема происходит слияние нескольких предложений в одно, замена сложноподчиненного предложения простым, замена предложения (или его части) указательным местоимением, замена фрагмента текста синонимичным выражением, замена придаточной части ее эквивалентом. См.:

Quand il était encore adolescent, il aimait tant observer les oiseaux (N.Buron). ← *Encore adolescent, il aimait tant observer les oiseaux*.

Je trouve que Mik est épatant (A.Gavalda). ← *Je trouve Mik épatant*.

- Замена, или обобщение. При таком приеме сжатия текста используется замена однородных членов предложения обобщающим наименованием, замена предложения или его части определительным или отрицательным местоимением с обобщающим значением. См.:

Dans son jardin, j’ai vu des marguerites peu exigeantes, des dents-de-lion rêveuses, des pensées timides (A.Gavalda) ← *Dans son jardin j’ai vu des fleurs*.

- Удаление, или исключение. Оно достигается при помощи исключения повторов, одного или нескольких синонимов, уточняющих и поясняющих конструкций, фрагмента предложения либо нескольких предложений.

Sur chaque point d’inventaire statistique situé en forêt visité sur le terrain, les équipes de l’IFN réalisent tout au long de l’année des observations écologiques et floristiques (expositions, pente, topographie, relevé floristique complet sur une

surface fixe de 700 m, description du sol, etc.) ← *Sur chaque point d'inventaire statistique situé en forêt et visité sur le terrain, les équipes de l'IFN réalisent tout au long de l'année des observations écologiques et floristiques.*

С опорой на структурный критерий с учетом функциональных характеристик пропущенного элемента можно выделить следующие виды эллипсиса в современном французском языке.

- Эллипсис знаменательных частей речи.

Эллипсис существительного: *Je suis en permission, la première depuis trois mois* (A.Gavalda). ← *Je suis en permission, la première **permission** depuis trois mois. A la prochaine!* ← *A la prochaine **fois** !*

Эллипсис прилагательного и наречия: *Ça coûte.* ← *Ça coûte **cher**. Il fait un froid !* ← *Il fait un froid **extraordinaire** !*

Эллипсис местоимения: *Marianne, je rêve les body's été sont encore dans la réserve. Faudrait peut-être s'y mettre* (A.Gavalda). ← ***Il** faudrait peut-être s'y mettre.*

Зевгматические модели эллипсиса глагола: *Que dois-je faire ? s'impatiente-t-il. Ma valise ou bien ma prière ?* (G.Khadra) ← ***Faire** ma valise ou bien **faire** ma prière ?* (зевгматические модели).

Незевгматические модели эллипсиса глагола:

опущение глаголов *être* и *avoir*

Faux. ← ***C'est** faux. Juste à temps ! **Tu es** juste à temps !*

опущение модальных глаголов:

Du thé ? ← ***Voulez-vous** du thé ?*

опущение в инфинитивных предложениях:

Rien à faire. ← ***Il n'y a** rien à faire. Deux mots étaient rédigés sur la carte de correspondance : « Vous revoir », ils étaient signés « Arthur »* (M.Lévy). ← *« **Je veux** vous revoir ».*

- Эллипсис служебных частей речи.

Эллипсис предлогов: *Une statue marbre.* ← *Une statue **en** marbre. Il était au service publicité mais il est parti avant ton arrivée.* (A.Gavalda) ← *Il était au service **de** publicité...*

Эллипсис союзов: *Descends que je t'embrasse.* ← *Descends **afin** que je t'embrasse.*

Эллипсис артикля: *Vous arrêtez danse et musique.* ← *Vous arrêtez **la** danse et **la** musique.*

Эллипсис отрицательной частицы *ne*: *C'est pas possible.* ← *Ce **n'est** pas possible. Je veux pas.* ← *Je **ne** veux pas.*

- Эллипсис во фразеологизмах (чаще всего в разговорной речи): *Jeter un oeil* ← *jeter un **coup d'œil**.*

- Эллипсис части периода: *Qu'il soit heureux !* ← ***Je souhaite** qu'il soit heureux.*

Во французском языке наблюдается особая тенденция к полному оформлению сложных предложений, которая предполагает экономию языковых средств за счет слов-заместителей. Эллипсис тесно связан с контекстом. Лингвисты отмечают, что контекста предложения, содержащего в себе эллипсис, часто оказывается достаточно для понимания высказывания. То есть, самой фразы будет достаточно, чтобы «восстановить» инфинитив (авторы называют эту операцию трансформацией восполнения). См.: *Il ne continua pas sa phrase* (G. de Maupassant). После трансформации восполнения фраза получается следующая: *Il ne continua pas à/de dire sa phrase*.

Таким образом, ученые приходят к выводу, что микроконтекст является минимальным средством объяснения эллипсиса [2]. Однако можно встретить предложения с фазисными глаголами, требующие более широкого контекста. Например, содержание предложения *Il continua cependant* не позволяет понять содержание действия. Поэтому в данном случае следует обратиться к более широкому контексту (макроконтексту), то есть предшествующим и/или последующим предложениям. Ср.:

Cette lettre disait : Je ne... . À ce début Jacques pâlit. Il continua cependant. Soyez courageux, mon ami (A. Dumas). ← *Il continua cependant à/de lire*.

Обращаясь к контексту, мы получаем возможность понять содержательную сторону высказывания и определить опущенный инфинитив.

В языке выделяются несколько типов макроконтекстов:

- *Макроконтекст-антецедент* (когда смысл отрезка высказывания поясняется фрагментом текста, предшествующим фразе, которая содержит эллипсис). См.:

Après avoir écrit, Hélène s'approcha du vieux soldat, qu'elle trouva dormant ; elle lui déroba sa dague sans qu'il s'en aperçut, puis elle l'éveilla. « J'ai fini, lui dit-elle, je crains que nos ennemis ne s'emparent du souterrain (M. Lévy).

В данном случае перед фразой *J'ai fini, lui dit-elle...* можно видеть фрагмент текста, который содержит сведения, необходимые полному пониманию смысла предложения и природы функционирования фазисного глагола *finir*.

Именно макроконтекст-антецедент дает возможность провести трансформацию восполнения: *J'ai fini d'écrire, lui dit-elle...*

- *Макроконтекст-постцедент* (восстановление инфинитива происходит при помощи фразы, следующей за эллиптическим построением) :

Tu ne recommenceras pas ? Tu ne me laisseras pas seule pendant une journée entière, sans me donner signe de vie, sans me dire où tu es, ni ce que tu fais ? (N. Buron).

- *Смешанный контекст*. В этом типе контекста предшествующая эллиптической конструкции часть дает предварительную информацию,

а часть, следующая за фразой, предоставляет дополнительные сведения, которые позволяют убедиться в возможности восстановления полной структуры. Ср.:

Frédéric demandait la liberté du commerce. « Comment... ? mais permettez ! » L'autre ne répondait pas et continua. Il réclamait l'impôt sur la rente... (G. Flaubert).

Первая часть указывает на то, что глагол *continuer* является частью инфинитивной конструкции с глаголом говорения. Вторая часть (которая следует за рассматриваемой фразой) обосновывает выбор глагола *parler* при трансформации восстановления.

Выделение трех типов макроконтекста позволяет уточнить особенности взаимодействия отдельных языковых элементов с их окружением в тексте, а также понять взаимодействие экономии и избыточности на уровне высказывания. Следует учитывать, что практически всегда экономия на одном участке высказывания влечет за собой избыточность на другом. Таким образом, информация в любом случае будет доходить до получателя (читателя или слушающего) в полном объеме.

Итак, информационная компрессия приводит к лаконизации текста, которая понимается как сокращение с сохранением полного объема информации. Модели с пропущенным компонентом необходимы для функционирования любого языка. Эта тенденция связана с объективным законом языковой экономии, то есть принципом наименьшего усилия. Кроме того, существует настоятельная необходимость применения компрессии в таких жанрах, как аннотация, реклама, учебные адаптированные тексты для детей и др. Эллипсис используется не только как опущение в синтаксической структуре, но и как прагматический подход к созданию текста, т.е. желание автора высказывания передать свои чувства слушающему/читающему. Таким образом, эллипсис – явление и синтаксиса, и прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина, Н. С. Семиотические и коммуникативные способы компрессии информации в тексте / Н. С. Валгина // Теория текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books-xbook029-01/part-025.htm>. – Дата доступа: 20.04.2014.
2. Скредина, Л. М. Эллипсис и контекст / Л. М. Скредина, Э. М. Попова // Иностранные языки в школе. – М.: Просвещение, 1982. – №3/82. – 99с.

Elliptic constructions are an effective syntactical tool to implicit transmission of information. They are observed according to the definition of text compression. The main factors influencing on text compression are the requirement of pragmatic language, the requirement for a certain genre, aesthetic and style.

М. Н. Романкевич
(Минск, Беларусь)

СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НОМИНАЦИЙ ЦВЕТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Многообразие связей объектов действительности обуславливает сложность взаимоотношений их номинаций в лексической системе. Выделение семантических моделей сочетаемости слов, а также степени их связности способствует раскрытию языковых механизмов их совместного узуального и индивидуального использования. Для лексико-семантической группы «Номинации цвета» характерным является, ассоциирование цвето-обозначения со словами, обозначающими другой цвет, а также с типичным носителем цветовой характеристики и др.

Ключевые слова: система, семантические модели, сочетаемость, номинация цвета, ассоциативная реакция.

Объективность исследования системных отношений в лексике обуславливается тем, что в системе связей слов любого языка отражаются взаимодействия тех предметов и явлений действительности, которые эти слова называют. Вполне логично, что при произнесении имени существительного, называющего предмет, на ум (по ассоциации) приходят глаголы, обозначающие действия, совершаемые над этим предметом, или имена прилагательные, называющие качества предмета. Многообразие семантических связей отражает сложность взаимодействия называемых сегментов реальности. В то же время стоит упомянуть и о связях эмоционального характера, логических и связях, основанных на совместной встречаемости или эквивалентности слов. Несмотря на то, что отношения между реальными объектами разнообразны, для языкового сознания не все они оказываются одинаково значимыми. Этот факт находит свое выражение в закреплённости некоторых признаков в словарной дефиниции или же в степени встречаемости слова в качестве слова-реакции в ассоциативных экспериментах.

Уточнение семантико-синтаксических моделей сочетаемости слов (а также формальная и семантическая связанность внутри словосочетаний) включается в ряд актуальных вопросов, поскольку их решение поможет выяснить причины языковых механизмов, обуславливающих возникновение обязательной сочетаемости слов, установить случаи их узуального и индивидуального использования. Основные закономерности в сочетаемостных предпочтениях определенных групп слов в количественном плане можно проиллюстрировать данными корпусных и психолингвистических исследований. Рассмотрим лексико-семантической группы «Номинации цвета», характеризующейся высокой степенью освоенности наивным языковым сознанием.

Говоря о преобладании синтагматических или парадигматических реакций в данной группе слов, отметим, что в данном случае сложно говорить о доминировании первых или вторых. Показательным можно считать ассо-

цирование цветообозначения со словами, обозначающими другой цвет: так, для стимула *noir* 'черный' 58 % ответов респондентов составляют номинации других цветов, для *blanc* 'белый' – 67 %, для *rouge* 'красный' – 49 %, для *bleu* 'синий' – 37 %, для *vert* 'зеленый' – 36 %, для *gris* 'серый' – 43 %, для *brun* 'коричневый' – 64 % [1].

Общеизвестно, что тесная связь элементов цветовой палитры проявляется в возможности линейного расположения основных и переходных цветов, поэтому логично ассоциирование, в первую очередь, черного цвета с белым и наоборот: *noir*<*BLANC* (1 реакция), *blanc*<*NOIR* (1 реакция), а также синего и зеленого цветов: *bleu*<*VERT* (2 реакции), *vert*<*BLEU* (1 реакция). Другие цветовые ассоциации также встречаются, но в гораздо меньшем количестве: *noir*<*BLANC* (266 реакций из 499), <*ROUGE* (10), <*GRIS* (5), <*BLEU* (4), <*VERT* (3) или *blanc* < *NOIR* (327 реакций из 327), <*BLEU* (8), <*ROUGE* (6), <*GRIS* (3).

Объединение анализируемых лексических единиц в одну лексико-семантическую группу происходит благодаря наличию у них общей архисемы 'couleur' ('цвет'), которая эксплицитно представлена в каждой дефиниции (*noir* – se dit de la couleur ... , *blanc* – qui est d'une couleur ... , *rouge* – de la couleur ... , *vert* – se dit de la couleur ... , *gris* – qui est d'une couleur ... , *bleu* – qui est d'une couleur ... , *brun* – d'une couleur ...). В ассоциативных реакциях актуализация указанной выше архисемы является значимой: у всех анализируемых единиц есть подобная реакция как одна из типичных (например, для стимула *noir* <*COULEUR* (23), для *blanc* – 12, для *rouge* – 26).

В ассоциативных парах чаще встречаются те элементы значения лексической единицы, которые закреплены в дефиниции слова. Приведем в доказательство дефиницию, например, прилагательных *rouge* 'de la couleur du sang, du coquelicot' ('цвета крови, мака'), *blanc* 'qui est d'une couleur analogue à celle de la neige, du lait' ('цвета, аналогичного цвету снега, молока') или *bleu* 'qui est d'une couleur analogue à celle d'un ciel sans nuage' ('цвета, аналогичного цвету безоблачного неба'). Респонденты предложили в качестве типичных/частотных реакций эти указанные в дефиниции слова: *rouge* <*SANG* (97), *coquelicot* (3); *bleu* <*CIEL* (171); *blanc* <*NEIGE* (32), <*LAIT* (9). В то же время в качестве типичных носителей цветовой характеристики предлагаются другие, не нарушающие норму и реальный порядок вещей. В качестве таких носителей можно привести следующие примеры для красного цвета: *lèvre* 'губа' (13), *feu* 'огонь' (6), *vin* 'вино' (5); для синего: *mer* 'море' (55), *océan* 'океан' (7), *eau* 'вода' (3); для зеленого: *herbe* 'трава' (70), *arbre* 'дерево' (20), *feuille* 'лист' (12), *forêt* 'лес' (8), *pelouse* 'лужайка' (6).

У цветообозначений вопрос об актуализации переносных значений в качестве слов-реакций является более сложным. Как правило, не все переносные значения обладают высокой степенью воспроизводимости, поэтому в ассоциативных парах встречаются наиболее логичные и понятные для носителей языка. Так, одним из значений прилагательного *noir* является

‘qui est sans luminosité; obscur, sombre’ (‘который не имеет яркости; темный’), и соответственно есть ассоциативные пары типа *noir* <*SOMBRE* (27), *noir* <*OBSCURE* (2), *noir* <*OBSCURITE* (2); значение ‘qui est triste, morne, terne, sans intérêt’ ‘кто грустный, скучный, неинтересный’ прилагательного *gris* актуализируется в ассоциативной паре *gris* <*TRISTE* (10). Традиционно для русской лингвокультуры красный цвет ассоциируется с коммунизмом, в то же время подобная ассоциация встречается и во французском ассоциативном словаре: *rouge* <*COMMUNISME* (8), <*COMMUNISTE* (5). Аналогичное значение фиксируется толковыми словарями французского языка: ‘qui a trait aux communistes, aux partisans de l’action révolutionnaire’ [2].

Остановимся на специфической для французской лингвокультуры ассоциативной паре *bleu* <*BLANC ROUGE* (5) ‘синий <БЕЛЫЙ КРАСНЫЙ’, базирующейся на фоновых знаниях о расцветке национального флага, который называется еще *tricolore* ‘трехцветный’. Сочетание трех цветов воспринимается французами как единое целое: *le drapeau tricolore de la France: bleu, blanc, rouge*.

Двусторонний характер связи цветовой характеристики и ее носителя проявляется и в дефинициях соответствующих номинаций. Если остановимся на уже упомянутых существительных *sang* ‘кровь’, *coquelicot* ‘мак’, *neige* ‘снег’ и *lait* ‘молоко’, то в их лексическом значении отмечается, что *sang* ‘liquide rouge’ (‘красная жидкость’), *coquelicot* ‘pavot rouge’ (‘красный мак’), *lait* ‘liquide blanc’ (‘белая жидкость’), *neige* ‘en flocons blancs et légers’ (‘в виде белых легких хлопьев’).

Цветовая информация часто поддерживается визуальными ассоциациями и связывается с наиболее типичными носителями данной цветовой характеристики. В языковом сознании закрепляются приоритетные цветовые образы. Представление значения лексемы в виде «расчлененного текста» и их соотнесение с ассоциативными представлениями французов показывают степень закреплённости той или иной части значения в языковом сознании, а также позволяют выявить особенности употребления и культурные ассоциации, связанные с данным словом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Debrenne, M.* Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications [Resource électronique] / M. Debrenne // Variétés, variations et forme. – École Polytechnique, 2011. – L’accès : <http://dictaverf.nsu.ru/ru>. – Date de l’accès: 03.09.2018.

2. Encyclopédie Larousse en ligne [Resource électronique]. – L’accès: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/vivre-ensemble>. – Date de l’accès: 13.08.2018.

The diversity of relations of objects determines the complexity of the relationship of their nominations in the lexical system. The semantic models of word compatibility and the degree of their coherence contributes to the disclosure of the linguistic mechanisms of their common and individual use. The lexico-semantic group of color nomination is characterized by the absence of the prevalence of syntagmatic or paradigmatic reactions, the association with words denoting a color, the association a typical carrier of color characteristics, etc.

О. С. Рыбчинская
(Минск, Беларусь)

ЭКСПЛИКАЦИЯ ТЕМЫ В МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ КОММЕНТАРИЯХ ИНТЕРРОГАТИВОВ (на материале французских политических ток-шоу)

В статье устанавливается и рассматривается зависимость метакоммуникативных ходов тематического характера, сопровождающих интеррогативный речевой акт во французских политических ток-шоу, от этапа общения. Они маркируют начало, развитие и завершенность диалогического взаимодействия, отличаются семантическим и прагматическим разнообразием, а также способствуют прагматической интерпретации интеррогатива, отражают социально-ролевые характеристики участников диалога.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *ток-шоу, интеррогативный речевой акт, метакоммуникативный ход, метакоммуникативный маркер, этап диалогического взаимодействия, эксплицитность, имплицитность, прагматическая интерпретация.*

Как известно, политическое ток-шоу относится к числу весьма важных и динамично развивающихся жанров массмедийного дискурса. Это обусловлено тем, что современные ток-шоу являются площадкой для полемического обсуждения наиболее актуальных вопросов политики, самого широкого круга социальных, экономических и культурных проблем.

Политические ток-шоу максимально приближены к разговорному стилю и представляют собой «интеграцию речи спонтанной и речи подготовленной, смешение разговорных и книжно-письменных стилей» [1, с. 15], а их содержание обусловлено спецификой определенного национально-культурного сообщества. «Эти различия, объясняемые разным общественным строем, историческими особенностями формирования и развития функциональных стилей, связаны также с определенными журналистскими традициями» [2, с. 18]. К национально-специфическим характеристикам французских телевизионных ток-шоу можно отнести высокую степень этноцентризма и этикетности, свойственные французской журналистике в целом [3], а также особый статус приглашенных (как правило, это политики высокого ранга).

Одной из важных особенностей политического ток-шоу является сложность и многовекторность его коммуникативно-прагматической организации. Ток-шоу предполагает взаимодействие участников, выполняющих различные коммуникативные роли (активные/пассивные участники, эксперты, наблюдатели, модератор и т.п.), реализацию разнообразных моделей коммуникативного поведения (кооперативных и некооперативных, имеющих информирующий и воздействующий характер, рациональных и эмоционально-оценочных и т.д.). Соответственно, коммуникативные ходы участников ток-шоу, направленные на разворачивание диалога, зачастую сопровождаются дополнительными метакоммуникативными комментариями, среди которых важное место зани-

мают *речевые ходы*, ориентированные на мониторинг тематической стороны общения. Такие ходы могут сопровождать любые речевые действия коммуникантов, в том числе и интеррогативные речевые акты.

Как показал анализ, во французских политических ток-шоу метакоммуникативные ходы (МКХ), сопровождающие и характеризующие интеррогативы, весьма активно участвуют в регулировании тематических аспектов диалога, причем характер этого участия различается в зависимости от этапа диалогического взаимодействия.

Этап 1. Вступление в диалог.

Наиболее типичными метакоммуникативными маркерами фиксации темы на данном этапе являются структуры с ключевым словом *question*:

– *J'ai **une question** là-dessus qui porte sur les mères qui portent les voiles et qui accompagnent et qui peuvent accompagner les sorties de classe. Vous êtes prononcé contre cette possibilité?*

– *Derrière **cette question** où vous ramenez toujours à la stigmatisation, à la délinéation de nos compatriotes musulmans, il y a derrière ça **une question** décisive qui est : qu'est-ce que c'est que la France et qu'est-ce que c'est que la France demain dans ses classes populaires?*

– *Par rapport à ce que vous dites, il y a **une question**.*

При условии, что речевое поведение коммуникантов направлено на сотрудничество, а не на конфронтацию, фиксация темы происходит с учетом социальных ролей коммуникантов и при соблюдении субординативных и этикетных норм. Соотношение статуса и ролей адресанта и адресата «конституирует системы равно- и разноположных отношений, включая или не включая механизм подчинения» [4]. Зачастую для того, чтобы с самого начала настроить собеседника на определенную тональность диалога и подчеркнуть важность обсуждаемой темы, эксплицитно может быть выражено указание на социальный статус собеседника, его гендерную принадлежность и т.д.:

– *Autant qu'**'au ministre marocain** je vous pose la question.*

– *Je voudrais entamer encore une question qui préoccupe surtout les femmes et ce serait logique de la poser en premier lieu à notre invitée, **la seule femme** à accéder au poste **de Premier ministre**.*

Метакоммуникативное оформление вопроса – в случае ввода темы – чаще всего имеет трехчастную структуру, включающую вводную конструкцию, фиксацию новой темы (либо отсылку к уже прозвучавшему суждению) и только затем собственно вопрос [5, с. 41]. Ср.:

– *Nous, on voulait poser une question sur précisément cette offre politique (a), c'est à dire, on sait que l'extrême droite se nourrit en règle générale de la crise démocratique en mélangeant comme vous le faites la gauche, la droite comme le fait E.Macron, vous créez un espace politique assez important qui fait l'espace large entre vos oppositions (б). **La question:** est-ce que cet espace politique ce n'est pas un risque ? (в).*

– *Donc ma question vous le savez comme on vous a dit de quoi nous allons parler(a). C'est que la position, vous l'avez aujourd'hui, et l'air totalement réconcilié avec votre jeunesse, vos engagements révolutionnaires, anticapitalistes au côté et avec le parti communiste quand même posent une question et on doit se poser (б). Alors ma première question est toute simple (в).*

– *Avant de passer à un autre thématique une question (a) liée car c'est une question d'actualité, liée à ce qui était le point de départ, la Lybie (б). Deux questions toutes simples (в).*

Вступая в диалог, адресант – в наиболее сложных ситуациях – пытается предусмотреть различные пути его развития и эксплицирует мотивы актуализации вопроса, предвывая его комментарием, основанным на фоновых знаниях и пресуппозициях:

– *Je pose la question parce que votre bras droit Alexis Corbière a tweeté que la diffusion par les chaînes en direct du mariage princier était une farce de mauvais goût pour notre République. Est-ce que vous partagez cette opinion?*

Этап 2. Развитие диалога.

На этом этапе МКХ уточняют, поясняют или дополняют вопрос. В ток-шоу они могут быть представлены как

- автокоррекция:

– *J'ai encore une nuance sur la question de imams;*

- побуждение не отклоняться от обсуждаемой темы:

– *Mais la question porte sur le contrôle, vous avez compris;*

– *Juste une question qui fera transition avec ce que vous a dit J-J;*

- намерение уточнить/развернуть тему:

– *Quant à votre question initiale, peut-être que nos échanges permettront d'en éclairer une partie et puis l'histoire aussi jugera. Vous venez de poser une question sur...;*

– *Cela veut dire donc que le nombre de migrants diminue?*

- намерение сменить тему:

– *Je termine sur cette question générale en forme de questions philosophiques par la référence à un livre que je cite souvent.*

Поскольку данный этап развития диалогического взаимодействия является наиболее значимым, для него характерны развернутость и детализированность МКХ обсуждаемого типа:

– *Est-ce que dans ce débat y a pas aussi une forme de changement de mentalité d'évolution, c'est-à-dire que traditionnellement quand on vivait à la campagne, quand on vivait dans les petites villes, on vivait pas comme dans les grandes villes? Certaines choses étaient plus loin et plus difficiles à obtenir et est-ce qu'aujourd'hui, il y a une nouvelle attente de vos habitants, par exemple?*

Этап 3. Завершение диалога.

На этом этапе МКХ, относящиеся к речевому акту интеррогатива, маркируют завершенность темы. Сигналы исчерпанности могут быть выражены

как эксплицитно, так и имплицитно; при этом эксплицитное выражение характеризуется более категоричной формой, имплицитное же выражение отличается некатегоричностью и некоторой неопределенностью, вследствие чего его интерпретация адресатом может быть неоднозначной. Ср.:

– *C'est la question pour les historiens, pour nous ce qui est l'essentiel c'est l'avenir.*

– *Moi j'en ai assez qu'on pose un certain type de questions pour poser un certain paysage!*

На данном этапе развития диалога МКХ, сопровождающие интеррогативные речевые действия, зачастую обусловлены тем, что коммуникант пытается уйти от ответа, демонстрирует нежелание/неспособность высказаться по соответствующему поводу, отказывается обсуждать предлагаемую тему. Здесь возможны такие варианты, как

- указание на непонимание темы вопроса:

– *Et vous demandez ce que je pense de la quatrième République?*

– *Je vous demande juste, c'est notre histoire commune. Vous êtes dans une dynamique de force. Vous pouvez être le troisième, le deuxième, voire le premier à la présidentielle.*

– *Et quelle est la question?*

– *La question est qu'est-ce que vous avez à dire de tout cela?*

– *De quoi?*

– *De cela. Cela ne vous concerne pas?*

– *Mais si vous m'interrogez sur Vercingetorix?*

– *F. Mitterrand n'est pas le Vercingetorix pour vous?*

- критические замечания по поводу содержания вопроса:

– *Je trouve que vous posez votre question en terme un peu curieux.*

– *Je crois pas du tout que ce soit une question au centre de l'attention des Français.*

– *Bon, peut-être c'était pas une bonne façon de répondre mais je me méfie toujours des questions hypothétiques.*

- ссылка на отсутствие информации:

– *Je ne suis pas compétent à y répondre.*

– *Vous dites la compétence mais est-ce qu'il n'y a pas derrière ça une stratégie de mensonge?*

- ссылка на отсутствие времени:

– *Nous n'avons pas le temps d'aborder des questions de fond, de parler des programmes, contredire que 50% des Français ne savent pas pour qui voter aujourd'hui.*

Таким образом, во французских политических ток-шоу тематические МКХ, сопровождающие интеррогативы, отличаются семантическим и прагматическим разнообразием: они участвуют в планировании и развитии темы, способствуют прагматической интерпретации интеррогатива, отражают

социально-ролевые характеристики участников диалога. При этом их характер и прагматические функции обнаруживают очевидную зависимость от этапа общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2008. – 264 с.
2. *Кузнецов, В. Г.* Женевская Лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму / В. Г. Кузнецов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 184 с.
3. *Седых, А. П.* Штрихи к портрету языковой личности французского журналиста: Патрик Пуавр Д'Арвор / А. П. Седых // Научные ведомости. Сер. Гуманит. науки. – Белгород, 2016. – Вып. 32. – № 28 (249). – С. 124–129.
4. *Макаров, М. Л.* Регламентный компонент ситуации речевого акта / М. Л. Макаров // Речевые акты в лингвистике и методике : сб. науч. тр. – Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1986. – С. 142.
5. *Метакоммуникативная организация диалогического дискурса / под общ. ред. Е. Г. Задворной.* – Минск : МГЛУ, 2017. – 112 с.

The dependence on the stage of communication of metacommunicative moves of a thematic nature accompanying the interrogative speech act in French political talk shows are established and considered. They mark the beginning, development and completeness of the dialogical interaction and are characterized by semantic and pragmatic diversity. These metacommunicative moves contribute to the pragmatic interpretation of the interrogative, reflect the social-and-role characteristics of the participants in the dialogue.

С. С. Сарвилина
(Минск, Беларусь)

ФРАНКОЯЗЫЧНЫЙ РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС: МЕХАНИЗМЫ УВЕЛИЧЕНИЯ СУГГЕСТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье проанализированы практики косвенного воздействия на адресата во франкоязычном рекламном дискурсе. Установлены три варианта авторства оценки: автор рекламного сообщения, производитель рекламируемого объекта, третье лицо.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *рекламный дискурс, практика непрямого воздействия, авторство оценки.*

Рекламный дискурс представляет собой определенный набор рекламноречевых актов, предназначенных для передачи интенций рекламодателя обобщенному получателю рекламного сообщения. Речь идет о косвенных речевых актах с множеством оттенков реализации. Общими признаками данных речевых актов согласно специальным исследованиям являются: тематическая связность с доминантной темой (гипертемой) и ее конститутивными трансформантами, ситуативная обусловленность с опорой на коммуника-

тивную ситуацию, динамичность, социальная ориентация; неоднородная структурированность и жанровая форма существования [1, с. 23–24]. В специальных исследованиях рекламного дискурса доказано наличие двух преобладающих коммуникативно-речевых типов: гиперакт сообщения и гиперакт побуждения, которые представлены совокупностью конкретных типов речевых актов [Там же, с. 23–24].

Дискурс рекламы характеризуется четкой прагматической ориентацией. Воздействующая составляющая в языке этой формы коммуникации, несомненно приоритетна. Однако функциональной особенностью подобного воздействия является отсутствие жесткой императивности. Рекламист, как правило, прибегает к использованию косвенной тактики, позволяющей завуалировать откровенно коммерческую цель рекламного сообщения, снять критическое восприятие рекламного текста адресатом (Т. В. Еромейчик).

Лингвисты единодушны во мнении, что рекламный дискурс в современном обществе отличается высокой степенью суггестивности, использованием практик непрямого воздействия на аудиторию [2, с. 258]. Но остаются невыясненными причины частотного использования практик косвенного воздействия на аудиторию, чем и мотивируется наше обращение к выявлению воздействия интенции говорящего, отраженной в иллокуции текста, на его формальные и семантические характеристики. Иллокутивная составляющая рекламы может быть рассмотрена как сложный речевой акт, включающий распределение обязанностей между участниками общения. Автор рекламного сообщения обещает адресату некие «блага», для чего адресат, в свою очередь, должен произвести определенное действие, т.е. приобрести данный объект. При этом постулаты принципа кооперации позволяют экспликацию только информационной части данного сложного речевого акта, в то время как постулаты принципа вежливости разрешают реализовать оценку рекламируемого объекта, но запрещают использование прямого воздействия на адресата. Следовательно, автор рекламы использует различные способы косвенного воздействия «манипуляции» адресатом.

Поскольку коммуникативная задача рекламы заключается в возбуждении у адресата по меньшей мере интереса к рекламируемому объекту, то решение этой задачи во многом зависит от авторитетности автора оценки и доверия к нему адресата. Оценка может быть дана непосредственно автором рекламного сообщения, который стремится создать атмосферу прямого контакта с адресатом: *Vos gencives vont connaître une nouvelle force* (реклама средства по уходу за деснами); *Deviens ce que tu es* (реклама продукции марки Lacoste). Личные местоимения второго лица множественного и единственного числа являются самым естественным способом обращения к адресату (в нашем материале отмечено большое количество рекламных сообщений с данными местоимениями).

Авторство оценки приписывается всему социуму: *Quand on est une légende, le prénom suffit* (реклама радиостанции Nostalgie). Данный рекламный слоган является обобщающим утверждением, при помощи которого адресант дает понять адресату, что радиостанция Nostalgie не нуждается в рекламе, достаточно лишь упоминания ее названия, чтобы вызвать определенные эмоции. Существительное *une légende* имплицитно как характеристики большой популярности радиостанции у разных групп слушателей, так и ее положительную оценку. Если адресат не разделяет данное мнение, то он автоматически исключается из социума, члены которого разделяют вышеуказанное суждение.

Авторство оценки может быть передано адресату: *Un SYM, je t'aime* (реклама одежды марки SYM); *Clarins régénère ma peau* (реклама косметической продукции марки Clarins). Личное местоимение первого лица и посессив используются для указания на адресата, от лица которого дается положительная оценка применения объекта рекламирования. Аналогичный прием находим в работах по рекламному дискурсу на немецкоязычном и англоязычном материалах, в которых отмечается эффективность вложения сообщения в уста «вторичного коммуникатора» [3, с. 199].

Автор рекламного сообщения достаточно редко может передать авторство оценки производителю: *Notre sucre naît des fruits* (реклама пищевых продуктов). В данном рекламном сообщении внимание адресата обращается на высокие качества рекламируемой продукции (полезность для здоровья), посессив первого лица множественного числа указывает на производителя данной продукции.

И, наконец, оценка рекламируемого объекта – результата его применения – может быть дана от имени лица, которое является «экспертом» в данной области. Как правило, рекламное сообщение сопровождается иллюстрацией или фотографией известного персонажа (кинозвезды, спортсмена, политика и т.д.), что создает положительный образ объекта. Однако приведем рекламное сообщение, в котором автор дает слово не известному персонажу, а одному из потенциальных потребителей, которого представляют в качестве авторитета: *On ne retient pas les Hommes avec n'importe quoi* (реклама набора кастрюль). Авторство оценки передано «авторитету» – симпатичной седоволосой даме, чья фотография предшествует тексту. Неопределенное местоимение *on* указывает на всех искусных домохозяек в ее лице. Объект рекламирования представлен весьма своеобразно – это нечто противоположное тому, что выражено словосочетанием *n'importe quoi*, следовательно, речь идет о товаре высокого качества.

Примечательно, что в исследованиях рекламного дискурса на немецкоязычном материале мы находим идею использования адресантом различных «масок». И. Г. Осмоловская выделяет три типа отправителя рекламного сообщения: комментатор, информатор, советчик. Маска информатора приз-

вана убедить адресата в «объективности» представляемой информации. Маска комментатора используется для передачи личной оценки рекламируемого. Отправитель-советчик может пытаться повлиять на волю адресата [4].

Таким образом, для достижения своей коммуникативной цели автор рекламного сообщения может представить оценочные высказывания таким образом, что авторство оценки приписывается другому лицу. И именно авторство оценки оказывается решающим для реализации элементов иллокутивной составляющей рекламных текстов. Обнаружены три варианта представления авторства оценки: автор рекламного сообщения, третье лицо (адресат, жюри, «эксперт» и т.д.), производитель рекламируемого объекта. Языковые средства выражения оценки зависят от перечисленных выше позиций автора рекламного сообщения, но наиболее прямыми являются оценки, подающиеся от третьего лица. Во всех случаях широко используется описание результата применения рекламируемого объекта. Возможность передачи «авторских прав» составляет специфическую особенность рекламных сообщений и обеспечивает полифонию рекламного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горлатов, А. М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке // А. М. Горлатов. – Минск : МГЛУ, 2002. – 257 с.
2. Чепкина, Э. В. Дискурсивные практики конструирования персонажей в рекламе модных брендов в журнале Vogue / Э. В. Чепкина, Д. И. Терновская // Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты / под ред.: Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 258–264.
3. Труш, Е. Н. Взаимодействие средств различных языковых уровней при формировании рекламного образа / Е. Н. Труш // Материалы ежегодной науч. конф. преподавателей и аспирантов ун., 24–25 апр. 2013 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Ч. 4. – С. 199.
4. Осмоловская, И. Г. Особенности использования аномалии в рекламно-речевых актах (на материале немецкоязычной коммерческой рекламы) / И. Г. Осмоловская // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2013. – № 5 (66). – С. 67–78.

The article deals with the indirect impact on the addressee practice in the francophone advertese. The following three variants of the authorship assessment have been set: advertising message author, advertising object producer, the third party.

А. В. Сытько
(Минск, Беларусь)

ДЕОНТИКА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: АНОМАЛИЯ ИЛИ НОРМА?

Целью данного исследования стал анализ высказываний с деонтической модальностью в немецкоязычном и русскоязычном рекламном дискурсе. Предлагается модель изучения деонтики в рекламных дискурсах, рассматриваются схемы дискурсивных отрезков с деонтической модальностью и деонтическая семантика, «отбираемая» силовым полем рекламного дискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *деонтика, семантика, рекламный дискурс, детерминация.*

Сегодня человек существует в информационном пространстве, определяющем в значительной мере его поведение и мировоззрение, и частью этого пространства является феномен современного социума – реклама. Это социальный институт, наделенный определенными материальными ресурсами, нормативно оформляющий и внутренне структурирующий совокупность рекламодателей, производителей и распространителей рекламы, потребителей и общественных отношений между ними. Как вид институционального общения реклама представляет собой дискурс: сложный социокультурный феномен, который, будучи составляющей более широкого социального взаимодействия, охватывает многие сферы жизни современного социума и, таким образом, оказывается связанным с разнообразными видами человеческой деятельности. Рекламный дискурс представляет особую сферу речевой деятельности, продуктом которой является рекламный текст.

Дискурс есть практика, «которая систематически формирует объекты, понятия, темы и *модальности*» (курсив наш. – А. С.) [1, с. 50; 92], подчиняющиеся определенному порядку. Модальность понимается нами как «обновление точек зрения, содержаний, форм, стиля описания, использования индуктивных или вероятностных умозаключений, типов определения причинности» [Там же, с. 118]. Так, для описания дискурса Т. ван Дейк предлагает ряд «семантических структур или аналитических категорий» [2, р. 12–13], среди которых он отмечает деонтическую модальность, касающуюся вопросов нормативной организации социальных взаимоотношений (долг, вынуждение, разрешение, запрещение). Объектом данной работы становятся высказывания с *деонтической модальностью* в рекламном дискурсе.

В любом дискурсе происходит не только обмен информацией о мире, но также выражаются нормативные взгляды и планы о том, что надо делать. Таким образом, деонтика выступает стандартным параметром дискурса. Являясь одной из базовых модальностей, обеспечивающих существование человека в социуме, она представляет собой выражение отношения к действиям (своим или окружающим) по *непременному* созданию того или иного положения дел в мире. Дж. Лайонз отмечает, что деонтическая модальность связана с отношением субъекта к событиям и действиям: речь идет о том, как люди должны действовать, вести себя в мире [3, р. 823]. Ф. Палмер подчеркивает ее дискурсно-ориентированный (discourse-oriented) характер [4, р. 96–97], поскольку она связана с ролью «одного из участников в дискурсе» (*Он должен прийти завтра*).

Высказывания с деонтической модальностью могут проявлять себя в трех сферах субъектно-адресатной предназначенности: 1) в отношении себя (*я должен, мне необходимо*); 2) в отношении других (*ты обязан*) и 3) в отношении к окружающему миру (обязанностей с точки зрения социальных или институциональных законов: *службы обязаны, прави-*

тельство должно). Деонтика представляет собой семантическую палитру, состоящую из двух значений: деонтической необходимости и деонтической возможности, которые образуют круг частных деонтических значений (долг, нормативность, обязательство, запрещение как разновидность обязывания, долженствование, вынуждение, необходимость и потребность, целесообразность, разрешение/ неразрешение, право).

Деонтика относится к семантической сфере потенциальности и направлена в будущее. Субъектом является лицо, оценивающее некоторую предметную ситуацию, которая характеризуется признаками нефактичности с точки зрения ее необходимости, обязательности. Основанием для формулирования высказывания с деонтической модальностью служат объективно существующие или субъективно представленные говорящим обстоятельства, детерминирующие необходимость реализации данной ситуации. При этом субъект/говорящий не всегда выступает источником деонтики (*modal source*), тем, от кого исходит долженствование, кто предписывает необходимость. Д. Байбер указывает на два типичных структурных коррелята деонтической модальности [5, с. 485]: (i) субъект – человек и (ii) основной глагол, который должен быть динамическим, описывающим динамику, деятельность, активность, действия, которые можно контролировать. Однако деонтика может оформлять не только действие (*Он должен это сделать*), но и существование (*Костюм должен быть темным*).

Деонтика выражается различными средствами. Дискретными знаками или деонтическими операторами во всех языках выступают лексические единицы, с помощью которых могут быть описаны все без исключения семантические варианты данной модальности: *долг, обязанность, должен, обязан, обязательно, непременно, норма, следует, полагается, подобает, положено; пора, надо, необходимо, есть необходимость; вынужден, приходится/придется, принужден, сто́ит, надлежит, имеет смысл, важно, правильно, целесообразно; разрешено/можно, запрещено* и некоторые другие.

В данной статье мы обращаемся только к дискурсу коммерческой рекламы товаров и услуг и не рассматриваем социальную рекламу, в которой нормативные оттенки являются ключевыми: популяризирующими соблюдение правил дорожного движения, уплату алиментов, проверку документов при продаже алкогольной и табачной продукции и т.д. См.: *Видишь, подросток покупает пиво, скажи – нет! Это не просьба, это закон!* (МВД России) = ‘Вы не имеете права/запрещено продавать пиво’.

Реклама нацелена на «красивую упаковку» товара, чтобы его продать. В ней не может идти речь об установлении норм, правил или обязывании. Тогда возникает вопрос, есть ли вообще деонтический «след» в рекламе? И если да, то какие условия или ограничения накладывает порядок коммерческого рекламного дискурса на использование конструкций с деонтической модальностью?

Само слово *должен* (и его корреляты) является в большинстве случаев языковой ловушкой, поскольку трактуется как: 'безальтернативно, только так и никак иначе'. В рекламе, несмотря на ее институциональный характер, происходит выравнивание статусных характеристик коммуникантов. Составитель рекламы не имеет статуса превосходства, поэтому данный дискурс не демонстрирует конструкций с деонтикой, обладающей интенциональной направленностью в отношении других (*Вы обязаны купить... ; Вам необходимо... ; Вы непременно посетите...*): потребитель никому ничего не обязан и не должен. В рекламной коммуникации адресат (как равноправный собеседник) *может*, но не *обязан* выполнить каузируемое действие. Однако семантика *долженствования* здесь не исключена, если копирайтеры хотят сделать акцент на том, чтобы адресат ускорил принятие решения. Возникновение данного модального значения определяет необходимость преобразования существующей ситуации в новую, которая – предположительно – принесет *пользу* адресату, при этом модальный агент деонтики оформляется обезличенной формой, а основной глагол, выраженный инфинитивом, имеет динамическую характеристику. Ср.:

А самое главное, что у каждого из нас еще есть шанс стать причастным к этому волшебству, ведь несколько готовых квартир еще ждут своих владельцев! И тем, кто хотел бы жить рядом с парком Челюскинцев, следует поторопиться в отдел продаж компании Дана Холдингс (реклама жилого комплекса) [А].

С помощью деонтической семантики происходит не наложение адресантом обязательств как таковых, а воздействие на волю адресата (на его сознание), которое претендует на изменение/коррекцию его поведения. От сознания в данном случае требуется только, чтобы модальный агент немедленно осуществил действие. Однако рекламный дискурс не предполагает немедленного выполнения. Специфика коммуникации в условиях данного дискурса характеризуется разорванностью во времени, опосредованностью коммуникативного акта средствами массовой коммуникации, следствием чего являются «физическая разобщенность общающихся, дистантность и конкретно неопределенная массовость как реципиентов, так и отправителей информации» [6, с. 180].

Копирайтер использует частное значение *нормативности* при описании положительных характеристик товара/услуги, которые он позиционирует как норму, правило, и таким образом имплицитно налагает обязательство на продуцента, делая акцент на качестве предмета рекламы. Сформулированные правила в рекламном сообщении отсылают адресата к его жизненному опыту. Экспликация деонтики выступает в таких контекстах в роли обуславливающего фактора. С точки зрения способа отнесения содержательно-фактуальной информации фрагмента текста к тому, о чем идет речь в последующих или предыдущих частях, высказывания с данным модальным значением

выполняют как проспективную, так и ретроспективную функцию, а также одновременно обе. При этом причинно-следственная связь между высказыванием с деонтической семантикой и обусловливаемым высказыванием не всегда выносится в поверхностную структуру высказывания. См.:

Минск Мир создается согласно концепции «город в городе». Это новый формат строительства, который привнесла в практику белорусского градостроения компания Дана Холдингс. <....> Все, что может понадобиться проживающему здесь человеку, должно быть «под рукой». (реклама жилого комплекса Минск Мир) [Б].

[Схема: застройщик использует новый формат строительства ← потому что правило: в качественном жилом комплексе все находится рядом].

*Wir nehmen unseren Forschungsauftrag ernst, auch weil gute akademische Lehre forschungsgeleitet sein muss. Wir **pfl**egen eine offene Forschungskultur.* (реклама Высшей школы экономики и права, Берлин) ‘Мы серьезно относимся к нашим исследовательским задачам также и потому, что хорошее академическое образование **должно быть** ориентировано на науку. Мы культивируем открытую исследовательскую культуру’ [В].

[Схема: университет делает все для науки ← потому что норма, правило: хороший университет ориентирован на науку поэтому → уточнение действий для выполнения этого правила].

Рекламный текст инициируется и распространяется рекламодателем, представляя собой *специфическую* информацию, производимую определенными общественными структурами для воздействия на целевую аудиторию: это «селективные, оптимизированные» сведения о предмете рекламирования, «оплаченное *информирование* отдельных целевых аудиторий и всего общества в целом о товарах и услугах, их производителях и продавцах» [7, с. 46].

Информирование осуществляется путем теснейшей взаимосвязи предметного уровня, связанного с содержательной стороной, и прагматического уровня, который направлен на достижение поставленной цели с учетом получаемой информации, т.е. приобретение товара. С одной стороны, требуется подчеркнуть достоверность предлагаемой информации, с другой – акцентировать объективную необходимость совершения тех или иных действий путем подчеркивания качества предмета рекламы. Для этих целей субъект дискурса использует семантику деонтической модальности. Основной интенцией рекламного дискурса является создание мотивации к действию (приобретение товара) посредством внедрения в сознание адреса представлений о товаре и о потребности в товаре. Поэтому еще одним семантическим полем деонтики в рекламном дискурсе выступает значение *необходимости*, демонстрирующее потребности модального агента в чем-то, которая косвенно наложит на него обязательство к приобретению. Данная модальность выступает обусловливающим фактором: деонтика → способы устранения необходимости (*Вы нуждаетесь, вот решение*). См.:

Sie brauchen eine reichhaltige Pflege für Ihre trockene Haut? Entdecken Sie die NIVEA Reichhaltige Body Milk. Sie schützt Ihre Haut vor dem Austrocknen und sorgt für ein spürbar glattes und geschmeidiges Hautgefühl. (реклама молочка для тела NIVEA) ‘Вам **нужна** забота о сухой коже? Откройте для себя молочко для тела NIVEA Rich Body Milk. Оно защищает вашу кожу от высыхания и обеспечивает гладкое и мягкое ощущение кожи’ [Г].

Схема дискурсивного отрезка показывает перспективную роль деонтики: пропозиция ‘сухая кожа’, цель: увлажнить → ваша потребность → продукт, удовлетворяющий потребности.

Инвариантными функциями рекламного текста являются информативная, репрезентативная, имеющие отношение к содержательной информации, с одной стороны, и фатическая, экспрессивная, аппеллятивная (вызвать реакцию), с другой. Семантика необходимости участвует в реализации как информативной, так и экспрессивной, и аппеллятивной функций, выступая мотивацией к приобретению товара, удовлетворению возникшей потребности, воздействуя как на чувства, так и на волю потребителя рекламы. Деонтика представляет собой не волевой акт целиком, а лишь его подготовительный этап – осознание, продиктованное некоторой потребностью. Сознательная направленность субъекта к свершению действия создает условия для дальнейшей возможности его реализации. Цель может быть не названа, но имплицирована в контексте:

*Для здоровья и блеска нормальные волосы **нуждаются** в качественном ежедневном уходе. Молочко для нормальных волос от NIVEA обеспечивает мягкую, но эффективную заботу, восстанавливая волосы без утяжеления и ...* (реклама шампуня NIVEA) [Д].

[Схема: цель: здоровые и блестящие волосы → деонтика: потребности волос (метонимический перенос: адресат) → продукт, удовлетворяющий потребности.]

Еще одним частным деонтическим значением, которое рекламный дискурс демонстрирует, оказывается *необходимость со знаком «минус»*, что детерминирует отсутствие внешних обстоятельств, вызывающих необходимость реализации данной ситуации. См.:

Sie wollen maximale Effizienz im Engineering und im Betrieb von Pressen? Dafür müssen Sie nicht in Details einsteigen! Bauen Sie auf die jahrzehntelange Erfahrung und die Kompetenz von Siemens rund um die Antriebs- und Automatisierungstechnik im Pressshop. Einzigartiges Expertenwissen sowie Systemlösungen <...> bringen Sie zuverlässig ans Ziel ‘Вам нужна максимальная эффективность при проектировании и эксплуатации прессов? Для этого Вам **не нужно** вдаваться в подробности! Основываясь на многолетнем опыте Siemens в области технологий привода и автоматизации в пресс-шопе, уникальные экспертные знания, а также системные решения, <...> точно приведут вас к цели’ (реклама продукции для предприятий компании Siemens) [Е].

В качестве глаголов, подвергающихся модуляции (термин М. Халлидея), могут выступать глаголы пропозитивной семантики:

Кредитная карта банка Москвы <...> может стать не только способом быстро «достать» нужную сумму денег, но еще и немного «подзаработать». Теперь вам не нужно бояться, что у вас из кармана украдут деньги. Ведь кредитная карта является персональной [Ж].

[Схема: фактологическое перечисление достоинств → темпоральный маркер + деонтика_{Neg} → причины/факты, устранившие необходимость.]

Данная модальность может выступать в трех сущностях: *универсальная* (на основании закона), *экзистенциальная* (согласно необходимости обстоятельств или правилам некоего коллектива) и *целеориентированная/телеологическая* (для того, что ..., необходимо сделать). Очевидно, что деонтические значения, отмечаемые в рекламе, относятся к экзистенциальной и телеологической сферам.

Таким образом, рекламный дискурс «накладывает» свои правила на функционирование деонтики, что проявляется в ограниченном наборе ее частных значений, представленных в рекламном тексте. Характер и содержание частных деонтических значений в рекламе строятся с учетом жизненного опыта потребителя, его потребностей, его фоновых знаний. Обуславливающая роль деонтики призвана обеспечить убедительность специфической информации рекламного сообщения, подчеркивая качества рекламируемого объекта, его полезность для адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко, М. Археология знаний / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесниковой. – СПб. : Гуманит. Академия, 2004. – 416 с.
2. Dijk, T. A. van The study of discourse / T. A. van Dijk // Discourse as structure and process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Sage, 1997. – Т. 1. – Р. 1–35.
3. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 2. – 897 p.
4. Palmer, F. R. The English verb / F.R. Palmer. – London: Longman, 1987. – 268 p.
5. Biber, D. Modals and semi-modals / D. Biber // Longman grammar of spoken and written English. – London: Longman. Pearson Education ESL, 1999. – Р. 483–502
6. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
7. Ильинский, С. В. Общественные связи. Реклама. Маркетинг. Нейро-лингвистическое программирование. Оперативный словарь-справочник / С. В. Ильинский. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. – 479 с.

ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Второй дом комплекса у парка Челюскинцев готовится к заселению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/vtoroy-dom-kompleksa-u-parka-chelyuskintsev-gotovitsya-k-zaseleniyu.html>. – Дата доступа: 08.11.2018.

Б. Минск Мир: пять Марин в строю! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/minsk-mir-pyat-marin-v-stroyu.html> – Дата доступа : 15.10.2018.

В. Hochschule für Wirtschaft und Recht Berlin [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.hwr-berlin.de/hwr-berlin/ueber-uns/leitbild>. – Дата доступа : 15.10.2018.

Г. NIVEA Österreich (Austria) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.nivea.at/shop/nivea-reichhaltige-body-milk-40058087795430064.html> – Дата доступа : 08.11.2018.

Д. NIVEA Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nivea.ru/new-from-nivea/blue-push-hair-care . – Дата доступа: 08.11.2018.

Е. Produkte und Lösungskompetenz für den gesamten Pressshop/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.siemens.com/global/de/home/branchen/maschinenbau/umformtechnik/pressensysteme.html#item1-copy-856616786/> . – Дата доступа : 08.11.2018.

Ж. Кредитная карта банка Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mkbank.ru/kreditnaya-karta-bank-moskvy-usloviya/>. – Дата доступа : 08.11.2018.

The research is aimed at analyzing statements with deontic modality in advertising discourse. The paper proposes a possible model for analyzing deontic of advertising discourse, examines deontic semantics selected by the force field of advertising discourse, a scheme of discursive segments with deontic modality.

Т. Н. Талецкая

(Мозырь, Беларусь)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ И ИХ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена проблематике определения лингвистического статуса структурно незавершенных высказываний (СНВ) как единиц синтаксиса разговорной речи с позиции системы норм. СНВ не соответствует системной языковой норме, поскольку оно не способно к реализации языковой событийной номинации. Но в речевой ситуации СНВ получает способность к речевой событийной номинации за счет эксплицитной (или имплицитной) реализации своей семантики. СНВ функционирует как коммуникативно-релевантная и прагматически отмеченная единица синтаксиса разговорной речи при достижении коммуникативного результата. При его отсутствии СНВ является коммуникативно-нерелевантной единицей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *синтаксис разговорной речи, структурно незавершенное высказывание, языковая / речевая событийная номинация.*

Аномалии окружают человека во всех сферах жизнедеятельности (в природе, в генетическом развитии, аномалии в психике, в поведении, во взаимоотношении полов и др.) и сопровождают его на протяжении всей жизни. Язык тоже не исключение, и в нем есть единицы, считающиеся «аномальными». Тем не менее эти явления успешно функционируют в речи, поскольку у них есть свое предназначение. Они исследуются лингвистами на фоне тех языковых единиц, которые соответствуют так называемой универсальной абстрактной норме.

Под руководством доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Альбины Николаевны Степановой был выполнен целый ряд исследований, посвященных синтаксису разговорной речи. В центре внимания оказались проблемы, связанные с «неправильностями», «нарушениями» синтаксической нормы, считающейся своего рода эталоном, которому необходимо следовать в речи.

Так, в соответствии с нормативным синтаксисом правильным признается только предложение, обладающее структурной, семантической и интонационной завершенностью. Отступление от этого требования уже не вписывается в понятие «нормативного». К неграмматичным («ущербным») относятся разного рода неполносоставные структуры, в которых нарушается последовательность синтаксических отношений из-за нереализации – с переходом на поверхностный уровень – некоторых компонентов, обязательных на семантическом (глубинном) уровне. Классическим примером в данном случае считается структурно незавершенное высказывание (СНВ). На синтаксическом уровне главным критерием, на основании которого СНВ отличаются от других разновидностей синтаксической недостаточности (неполноты, эллипсиса), является отсутствие у них грамматического завершения. Структурная недостаточность СНВ свидетельствует о его несоответствии системному статусу предложения как структурно-семантической модели. Необходимыми свойствами последней выступает полнота и завершенность, в силу чего только семантическая модель – S (action, état) + Pr (a, b, c, d ...) – как денотат реальной ситуации и как модель, изоморфная структуре суждения (SP) – способна осуществлять прямую (языковую) событийную номинацию предложения. СНВ же как речевой отрезок, не совпадающий по своим границам с предложением и тем самым актуализирующий лишь часть семантической модели, оказывается неспособным к языковой событийной номинации, чем, собственно, и объясняется его несоответствие системной норме.

В связи с появлением таких наук, как коммуникативная лингвистика и лингвистическая прагматика, у лингвистов стало складываться менее категоричное отношение к абсолютизации нормы. Был выдвинут тезис о существовании системы норм. Языковые явления стали исследоваться, с одной стороны, по отношению к языку как системе, с другой – к конкретному употреблению языка в речи. На первый план в исследованиях была выдвинута *коммуникативно-прагматическая норма*, в соответствии с которой нормативным можно признать любое оправданное с коммуникативной точки зрения синтаксическое построение в конкретной ситуации общения.

Такой подход к исследованию отклоняющихся от языковой нормы синтаксических явлений позволил по-новому подойти к решению следующих проблем: номинация и референция, реализация/импликация семантики анализируемых единиц и их прагматическая направленность. В нашем исследовании СНВ получили интерпретацию в единстве трех аспектов – *семантического, синтаксического и прагматического* (коммуникативного).

Такой подход дал возможность посмотреть на «не-предложения» (каковыми являются СНВ) в системе – по отношению к языковой и коммуникативной нормам. Раскрывая системную ненормативность исследуемых единиц, мы показали одновременно действие коммуникативных норм, позволяющих данным высказываниям функционировать как единицам общения.

СНВ по-разному ведут себя в плане событийной номинации: они не способны к языковой номинации, но способны к речевой. Несмотря на то, что некоторые из СНВ не являются номинативными единицами, они, тем не менее, осуществляют референцию к ситуации, которую должны обозначать. В таких случаях референция уточняется за счет когнитивных, визуальных и паралингвистических средств. Именно эта специфика определяет коммуникативность СНВ.

В прагматическом плане определяющей служит не языковая правильность анализируемых единиц, а их воздействующая функция, направленная на получение запланированного эффекта. Адекватность последнего коммуникативной установке говорящего – воздействовать «недоговоренностью» – также свидетельствует о наличии коммуникативного результата. Нормативность СНВ определяется, таким образом, эффективностью их функционирования в конкретной ситуации общения. *Коммуникативно-нормативными* следует признать преднамеренно-незавершенные СНВ, референция которых правильно декодируется адресатом и сопровождается адекватной коммуникативной установкой говорящего. *Коммуникативно-ненормативными* в этой связи становятся те СНВ, использование которых ведет к различным нарушениям речевой ситуации (например, к проявлению незапланированного перлокутивного эффекта), или же СНВ, утрачивающие коммуникативную функцию в силу своей неинформативности.

Таким образом, СНВ можно квалифицировать как «не-предложение» (оно не соответствует системным нормам языка), коммуникативно-релевантную или коммуникативно-нерелевантную, прагматически отмеченную единицу синтаксиса разговорной речи.

An incomplete utterance can be structurally qualified as “non-utterance” (it doesn’t correspond to the system language norms). But this is a communicatively relevant (or communicatively irrelevant) item of spoken language syntax which has its pragmatic purpose.

А. В. Темнохуд
(Минск, Беларусь)

НАРУШЕНИЕ СИСТЕМНЫХ ПРАВИЛ КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА

Языковая игра представляет собой языковую аномалию – нарушение однозначности, одного из основных принципов коммуникации. Закономерность игры со словом состоит

в том, что она использует скрытые резервы, свойства языка, способные обыгрывать различного рода отклонения: не разрушая системы языка, она становится одним из проявлений гибкости этой системы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковая игра, говорящий субъект, нарушение системных правил, аномалия, самовыражение, целенаправленность.

Человек не отделим от речевой деятельности: он общается каждый день в разных жизненно необходимых сферах – личных, общественных; коммуникация – одна из основных форм его жизни. Высказывание направлено на то, чтобы что-то сообщить, выразить чувства, отношение или побудить собеседника к определенным действиям, вызвать у него ожидаемую реакцию. Говорящий субъект, имея свою коммуникативную установку, использует те языковые средства и правила, которые способствуют выражению его намерения и адекватному восприятию его адресатом.

Основополагающим условием языковой людической деятельности становится, прежде всего, *нарушение системных правил*. Говорящий, испытывая потребность в творческом самовыражении и/или стремясь привлечь внимание к своему высказыванию, намеренно нарушает привычное воспроизведение знака, используя языковые средства нестандартным образом, что и порождает эффект игры [1, с. 10]. Ср.:

Lorsque Alphonse Allais était jeune journaliste, il avait l'habitude de venir voir chaque mois le caissier du journal et de lui dire:

– Bonjour, je viens toucher mon appointement.

Après quelques mois, le caissier ne put s'empêcher de lui faire remarquer qu'on devait dire mes appointements.

*– Oui, c'est vrai! répondit Allais, mais je ne vais tout de même pas **déranger le pluriel** pour si peu de choses!* (F. Caradec).

‘Когда Альфонс Алле был начинающим журналистом, он, как обычно, приходил раз в месяц к бухгалтеру газеты и говорил ему:

– Здравствуйте, я пришел получить «мою денежку».

Спустя несколько месяцев бухгалтер не выдержал и сделал ему замечание о том, что следует говорить «мои деньги».

– Да, это так! – ответил Алле, – но мне не хотелось бы тревожить множественное число по такому пустяку!’

В высказывании *Bonjour, je viens toucher mon appointement* А. Алле намеренно использует существительное *mon appointement* в единственном числе, зная, что это нарушение языковой нормы (*les appointements* ‘жалование’, ‘зарплата’) используется во французском языке только во множественном числе) [2]. Сознательно совершенная грамматическая ошибка свидетельствует о ее целевой направленности, а результатом становится игра слов: *Mais je ne vais tout de même pas **déranger le pluriel** pour si peu de choses!*. Глагол *déranger*, обычно требующий употребления одушевленного имени

существительного, используется в сочетании с неодушевленным *le pluriel*, который как грамматический термин (множественное число) в данной речевой ситуации обозначает ‘много’, ‘большое количество’ (денег), ‘большой размер зарплаты’. Истинный смысл высказывания: ‘Моя зарплата настолько мала, что не заслуживает даже называться словом во множественном числе’.

Одновременно говорящий субъект реализует свою речетворческую свободу как «процесс обнаружения потенциальных возможностей языка, не реализованных в узусе и норме», представляющий собой языковую игру – один из способов проявления в речевой деятельности интеллектуальной активности и «индивидуальности языковой личности» [3, с. 3].

Закономерность игры со словом состоит в том, что она использует скрытые резервы, свойства языка, способные обыгрывать различного рода отклонения. Язык, при всей его упорядоченности, – весьма своеобразная система, сложная, «мягкая» и в некоторой степени противоречивая. А языковая игра эти противоречия использует и делает их явными.

В любой игре, проходящей по абсолютно обязательным и добровольно принятым правилам, намеренное или случайное нарушение последних неизбежно приводит к конфликту и наказанию. В игре со словом намеренное или случайное нарушение языковых правил есть норма, допускающая два пути разрешения «конflikта» – *положительный* и *отрицательный*. Не разрушая системы языка, языковая игра становится одним из проявлений гибкости этой системы – смысловой двойственности иной, чем смысловое единство игрового контекста, семантико-синтаксическая организация которого соответствует языковым нормам [4, с. 6].

Системные правила, предписания и их нарушение (в отличие от правил дорожного движения, например, где все ясно: или нарушил или нет) в языке не так однозначны и строги, свидетельством чему является наличие множества исключений. К тому же отдельные правила в языке носят лишь рекомендательный характер. «Как будто для высказывания существует понятие “правильности” и “неправильности”, как будто этим предрассудком должен руководствоваться в своей работе лингвист, и было бы весьма странно, если бы разговорный язык не обладал бы особым способом» [5, с. 352]. Инициатор языковой игры имеет право выбора и часто выбирает не самый простой вариант, а «особый способ» выражения смысла.

Нарушение правил, которое совершает говорящий субъект с определенной целью, ненаказуемо и не отслеживается институтом судейства, как это имеет место в общекультурной (двигательной) игре. Его нарушение – целенаправленное: «В ситуации, когда нарушить правило “нельзя, но очень хочется” ... говорящий делает это, когда ему нужно не столько сообщить что-то другому человеку, сколько обратить на себя внимание, произвести эффект, “поиграть” словом» [6, с. 4].

В какой-то степени нестандартность образа мышления позволяет отнести языковую игру к языковой аномалии – нарушению однозначности,

одного из основных принципов коммуникации. Языковая игра сама по себе представляет своеобразное «поле самовыражения» для ее инициатора, служит средством проявления индивидуальных черт личности адресанта, среди которых особое место отводится остроумию, чувству юмора, находчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сопова, Т. Г. Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. Г. Сопова; Ин-т лингвист. исследований РАН. – СПб., 2007. – 22 с.
2. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.
3. Янченкова, И. С. Адресованность в языковой игре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. С. Янченкова; Камчат. гос. ун-т им. Витуса Беринга. – М., 2006. – 20 с.
4. Щетинкин, В. Е. Двусмысленность как лингвистическое явление / В. Е. Щетинкин // Проблема слова и словосочетания: межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена; редкол.: Р. Г. Пиотровский (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1980. – С. 5 – 13.
5. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Иностр. лит., 1961. – 394 с.
6. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 344 с.

Language game is a language anomaly – a violation of uniqueness, one of the basic principles of communication. The regularity of the game with the word is that it uses hidden reserves, the properties of the language, capable of playing out various kinds of deviations: without destroying the language system, language play becomes one of the manifestations of the flexibility of this system.

В. В. Устинович
(Минск, Беларусь)

О ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ФРАНЦУЗСКИХ УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ТОПИКАЛИЗОВАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

До настоящего времени во французском языке не существует единого подхода к пониманию коммуникативного статуса и функции синтаксических структур с вынесенным влево элементом. Кроме того, остается нерешенным вопрос о свойстве таких синтаксических структур привносить дополнительные коннотации в коммуникативную структуру. Представляется, что просодические средства помогают определить коммуникативный статус элемента, а также наличие или отсутствие маркированности коммуникативной структуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *коммуникативная структура, антиципация, ядро, тема, рема, степень активированности.*

Одной из особенностей современной французской спонтанной речи является достаточно частотное употребление так называемых расчлененных

(сегментированных) конструкций, в которых один из членов предложения выносится в начало высказывания в обособленный сегмент и затем повторяется в структуре предложения в форме местоимения.

В научной литературе существуют определенные расхождения относительно коммуникативного статуса обособленных сегментов, и в разных работах они соотносятся с разными понятиями: топиком [1; 2; 3; 4 и др.], темой [5; 6 и др.] или отделенной лексической опорой ‘support lexical disjoint’ [7] и, соответственно, им приписываются разные функции.

Однако при сохранении термина *тема* (или *топик* в англосаксонской лингвистической традиции) под ним могут пониматься элементы разного содержания (начало высказывания, то, о чем высказывание, и т.п.). Поэтому мы будем оперировать понятием *антиципация*.

Функция и коммуникативный статус вынесенного в инициальную позицию и повторяющегося в виде местоимения в структуре высказывания, до сих пор вызывают разногласия исследователей (в том числе и применительно к французскому языку). Особенностью рассматриваемого типа структур является наличие определенных ограничений относительно того, какие члены предложения могут подвергаться антиципации. Анализ отобранного материала позволил отметить для французского языка тенденцию к антиципации подлежащего (77 %). Что касается частей речи, способных выступать в роли антиципированного элемента, в первую очередь, это – существительное (в основном развернутая именная группа) – 68,2 % и местоимение – 25,5 %.

Элемент, вынесенный в высказывании в инициальную позицию, имеет в большинстве наблюдаемых случаев особое просодическое воплощение. Анализ высказываний в спонтанной устной речи позволил выявить наиболее распространенные модели со следующими типами тонов.

- Равномерно восходящим средневысоким широким:

(1) *Et la /dette, Madame Hidalgo, à Paris, elle est de plus de 5 milliards* ‘И долг, мадам Идальго, в Париже он свыше 5 миллиардов’;

(2) *Le pro/grès, je le vois précisément dans la garantie des droits* ‘Прогресс, я его вижу именно в гарантии прав’.

- Резко восходящим средневысоким/высоким тоном на крайнем или на начальном слоге вынесенного влево элемента:

(3) *La pauvre↑té, elle existe en France* ‘Бедность, она существует во Франции’;

(4) *↑L’industrie photoélec’trique, elle était allemande* ‘Фотоэлектрическая промышленность, она была немецкой’.

- Без перцептивно релевантных изменений мелодии, со средневысоким или высоким ударением, без пауз между элементом и следующей за ним группой:

(5) *La ‘France, elle va mal* ‘Франция, у нее плохи дела’ ;

(6) *Le gouverne'ment, il penche très clairement à droite* 'Правительство, оно отчетливо отклоняется вправо'.

• Равномерно или замедленно-ускоренным нисходящим тоном, узким или широким:

(7) *Or, le problème, il est pas dans l'innovation* 'Но проблема, она не в инновации';

(8) *Ces parlementaires européens, ils sont élus par une base* '(досл.) И эти европейские парламентарии, они избираются базой'.

Аудитивный анализ высказываний с антиципацией не позволил определить четких корреляций между тем, каким членом предложения является вынесенный влево элемент и его просодическим воплощением.

Многие французские лингвисты подчеркивают маркирующий, или фокусирующий, характер такой синтаксической структуры [2; 8; 9]. Так, М. Шароль отмечает, что антиципация выполняет две основные функции: «введение референта, связанного с предыдущим контекстом, и выражение связей, в которых он состоит в предикации» [8, р. 11]. Эти связи, в свою очередь, заключаются в том, что вынесенный влево элемент, как утверждают М.-А. Морель и Л. Данон-Буало, «представлен как единственный в парадигматическом классе» [7, р. 65], т.е. как некий результат выбора говорящего, который реализуется посредством синтаксических средств.

Некоторые авторы утверждают, что в устной речи антиципация может утрачивать свой маркирующий потенциал. Так, К. Мерийу убедительно обосновывает вероятность потери восприятия во французском языке и употребления антиципации как маркированной структуры. По мнению автора, «использование такой ... структуры несет риск использования впустую, что приведет не к ее исчезновению, а к потере фокусирующего значения» [10, р. 32]. Другими словами, роль антиципации может быть сведена к чисто дискурсивной.

Вопрос о просодических характеристиках антиципированного элемента, их соотношении с его коммуникативным статусом в высказывании, а также о фокусирующем характере антиципации и условиях ее реализации в рамках данной синтаксической структуры требует уточнения и детального анализа.

Просодия позволяет уточнить коммуникативный статус антиципированного элемента. Можно отметить высокую степень зависимости выбора модели с нисходящим или восходящим тоном от степени активации словоформы/словосочетания, которая (или которое) подвергается антиципации. Так, нисходящее тональное движение (как прототипически наделяющее элемент более высокой степенью «рематичности», «новизны») сигнализирует о том, что в инициальной позиции высказывания находится элемент, не имеющий прямого референта в предтексте. Другим словами, элемент вводится впервые и вместе с тем преподносится собеседнику как в некоторой степени активированный:

(9) *Le \texte de la transition écologique, il l'a soutenu* 'Текст законопроекта об экологическом преобразовании, он его поддержал';

(10) *Mon \fils, il est en filière professionnelle* 'Мой сын, он учится в профессиональном лицее';

(11) (*Et si on discutait concrètement des choses.*) *La réali\té dans les hôpi>taux, elle est discutée avec des médecins* '(Давайте поговорим конкретно о некоторых вещах.) Реальное положение дел в больницах, оно обсуждается с врачами'.

Восходящий тон является маркером иного информационного статуса, который приобретает характеристики такого компонента, как тема:

(12) (*Mais je regarde plus particulièrement la dette*) *Et la /dette, Madame Hidalgo, à Paris, elle est de plus de 5 milliards* '(Но я смотрю в особенности на долг). И долг, мадам Идальго, в Париже он свыше 5 миллиардов';

(13) (*La suppression de la taxe d'habitation va avoir comme conséquence très probablement l'augmentation de la taxe foncière...*) *La taxe d'habita\tion, 80 pour cent des gens vont plus la payer grâce à cette politique très concrète* '(— ... Отмена налога на жилье, вероятно, будет иметь своим последствием повышение земельного налога) Налог на жилье, 80 процентов людей больше не будут его платить благодаря этим очень конкретным политическим мерам';

(14) (*Cet autre sujet ce sont les valeurs de la République...*) *↑Moi, la Répu\blique, je l'aime* '(досл.) (И эта другая тема касается ценностей Республики...). И я, Республику, я ее люблю'.

Сопоставление коммуникативного статуса антиципированных элементов возможно при следующей трансформации (при сохранении просодического оформления компонентов коммуникативной структуры высказывания):

Ср.: *Mon \fils est en filière professionnelle – Et la /dette (...) est de plus de 5 milliards.*

В случае, когда антиципированный элемент несет нисходящий тон, он в содержательном (а также в просодическом) отношении приближает коммуникативную структуру к той, которая может быть выражена расчлененной структурой *c'est ... qui/que*.

Ср.: (*Le Schengen, on n'a pas parlé*) *Mais les fron\tières de Schengen, il va falloir en parler* '(О Шенгене мы не говорили) Но границы Шенгена, о них нужно будет поговорить' – *C'est des fron\tières de Schengen qu'il va falloir parler.*

Таким образом, антиципация, в зависимости от которой вынесенный влево элемент будет соответствующим образом реализован просодически, может выполнять как минимум две различные функции:

- дискурсивную, что приближает его формально и содержательно к теме;

• выделения «нового» референта или создания «нового отношения» между элементами дискурса, и в этой связи, вероятно, антиципацию можно рассматривать в свете ее свойств, маркирующих коммуникативную структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rossi, M. L'intonation, le système du français: description et modélisation / M. Rossi. – Ophrys, 1999. – 237 p.
2. Lahousse, K. La complexité de la notion de topique et l'inversion du sujet nominal / K. Lahousse // Travaux de linguistique. – 2003. – № 47. – P. 111–136.
3. Combettes, B. Thématization, topicalisation et éléments non-référentiels: le cas de l'adjectif détaché // B. Combettes // Cahiers de praxématique. – 1998. – № 30. – P. 133–159.
4. Mertens, P. Syntaxe, prosodie et structure informationnelle: une approche prédictive pour l'analyse de l'intonation dans le discours / P. Mertens // Travaux de linguistique. – 2008. – № 56. – P. 97–124.
5. Likhacheva-Philippe, L. Problèmes de la notion de topique / L. Likhacheva-Philippe // La linguistique. – De Boeck Supérieur, 2010. – Vol. 2. – № 46. – P. 127–144.
6. Bonnot, C. Intonation et thématization en russe moderne / C. Bonnot, I. Fougeron // Proc. of the XIth Intern. Congr. of phonetic sciences, August 1-7, Tallinn, USSR, 1987. – T. 2. – P. 463–467.
7. Morel, M.-A. Grammaire de l'intonation. L'exemple du français oral / M. – A. Morel, L. Danon-Boileau. – Ophrys, 1998. – 231 p.
8. Charolles, M. De la topicalité des adverbiaux détachés en tête de phrase / M. Charolles, S. Prévost // Adverbiaux et topiques. Travaux de Linguistique. – Louvain la Neuve, 2003. – Vol. 2. – № 47. – P. 11–51.
9. Nølke, H. La focalisation: une approche énonciative / H. Nølke // La focalisation dans les langues / Travaux réunis par H. et A. Włodarczyk. – CELTA, Paris-Sorbonne, 2006. – P. 59–80.
10. Mérillou, C. Une structure focalisante en voie de disparition? / C. Mérillou // Focalisation(s) saillance dans les langues: lexique, syntaxe, prosodie. – Presses Universitaires de Rennes, 2012. – P. 15–33.

Dislocated structures in the French language can have different communicative status and function within the utterance communicative structure. Then prosody is used to specify its status as well as marked or unmarked character of the communicative structure.

I. Yu. Filimonova
(Mogulev, Biélorussie)

IMAGE LINGUISTIQUE DU LOCUTEUR NATIF DU NORD DE LA FRANCE PAR LE BIAIS DE L'ŒUVRE D'ALEXANDRE DESROUSSEAU

Изучение французских говоров способствует познанию истории французского языка, иллюстрируя пройденный французским народом исторический путь. Диалектизмы как средство, использовавшееся А. Деруссо, автором обширного поэтического наследия

севера Франции, для достижения художественной выразительности и достоверности, призваны обогатить когнитивный опыт обучающихся. Происходящие в современной Европе изменения в области языковой политики привели к переосмыслению отношения говоров и диалектов к узуальной норме и, вследствие этого, к размышлениям о правомерности использования изоглоссов в образовательной практике. Утрата морганатического статуса диалектами призвана обогатить содержание современного лингвистического образования. Лингвистический процесс освоения народной культуры позволяет субъектам образования осознать сущность современных механизмов функционирования языка. Изучение французской этнолингвистики посредством приобщения к французской песенной культуре позволяет осознать неоднородность языка в территориальном и социальном отношении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *multiculturalisme (m)*, *interculturalisme (m)*, *socioculturel, régiolecte (m)*, *dialecte (m)*, *patois (m)*, *chanson (f) régionaliste*.

Les défis de la didactique contemporaine de l'apprentissage des langues nous poussent à mener la réflexion autour du choix d'objectifs axés sur la construction d'une compétence plurilingue et pluriculturelle et le développement de « l'expérience de plusieurs langues et de plusieurs cultures » [1, p. 134]. Le « Cadre européen commun de référence pour les langues » (CECRL) suggère la mise en place des modules « translangues » portant sur les « différentes ... ressources d'apprentissage, les modes d'exploitation de l'environnement extrascolaire, les malentendus de la relation interculturelle » [1, p. 133]. En d'autres mots, il devient indispensable de concevoir les scénarios de passage d'une culture à l'autre en ayant recours aux acquis civilisationnels.

Ce passage d'un contexte linguistique vers un autre s'effectuerait non sans difficultés à cause de la sémantique contradictoire du terme de « multiculturalisme » évoquant les valeurs de l'« ethnicisation » et du « communautarisme », en opposition à l'idée de l'unité nationale [2, p. 25].

Pourtant, note G. Zarate, la formation est vouée à dépasser le cadre national du « champ du savoir en cours de globalisation » [2, p. 31]. Plus est, les apprenants sont confrontés à accomplir la tâche éducative consistant à surmonter les divergences des codes linguistiques et culturels.

En se référant encore une fois au « Cadre européen commun de référence pour les langues », on tient à préciser, une fois de plus, que la composante socioculturelle est aussi importante que la composante pragmatique et la composante linguistique dans la structure de la compétence communicative langagière [1, p. 81].

Comme le terme même de l'interculturalisme suscite de nombreuses discussions autour de son interprétation, il nous paraît utile d'effectuer une petite enquête autour de sa valeur significative. L'interculturalisme pourrait être défini comme « l'échange entre les différentes cultures, l'articulation, les connexions, les enrichissements mutuels » [3, p. 136]. Complémentaire serait la définition selon laquelle la circulation interculturelle des idées est là où « une idée développée dans

un contexte culturel donné et exprimée dans une langue se diffuse dans un autre contexte et dans une autre langue » [2, p. 12]. D'une façon générale, on serait amené à considérer la compétence interculturelle comme « une compétence spécifique, articulée en différentes composantes qui touchent aux dimensions affectives, éducatives et cognitives de la connaissance culturelle » [2, p. 148].

D'ailleurs, la précision qu'apporte le CECRL à la définition est plus que pertinente. Elle fait élargir le champ paradigmatique de la notion en associant le plurilinguistique et le pluriculturel, « la maîtrise de plusieurs langues et l'expérience de plusieurs cultures » [1, p. 129].

Les politiques des langues en Europe, notamment la Charte européenne des langues régionales et minoritaires signée par la France le 7 mai 1999, ont rendu possible l'adoption de la loi d'orientation et de programme pour l'avenir de l'école du 23 avril 2005. Selon cette loi, l'enseignement des langues régionales est devenu possible dans l'école républicaine, trop soucieuse jadis de mettre en place la politique linguistique d'unicité [4, p. 64–65]. La pertinence des efforts menés par les acteurs sociaux nous conduit à constater que le statut des régiolectes, des dialectes et même des patois n'est plus morgantique.

Nous tenons à préciser que, par souci de déterminer la place du composant isoglosse dans le cursus linguistique, on ne fera pas différence entre le dialecte, « ensemble de particularités telles que leur groupement donne l'impression d'un parler distinct des parler voisins », et le patois, « forme populaire du dialecte » [5, p. 5–6].

Compte tenu de la diversité du patrimoine linguistique de la France, on voudrait déterminer la place des langues et des cultures régionales de la France dans le cursus linguistique de la République du Bélarus. En effet, est-il judicieux d'apprendre les unes et de s'initier aux autres vu qu'il y a autant de dialectes que de lieux?

Notre réponse serait affirmative car actuellement les écarts culturels et linguistiques ne sont plus laminés. Par la suite, la formation linguistique devrait prendre du sens par rapport aux contextes local, culturel et linguistique [6].

Quel matériel didactique pourrait assurer ce contenu ? Si le « prestige de la chanson est la chose du monde la mieux partagée par les Français » [7, p. 117], autant s'en prendre à la chanson régionaliste, « signée du nom d'un auteur, mais qui présente toutes les caractéristiques des chansons du terroir » [7, p. 44]. Tel est le cas de la berceuse « Le P'tit Quinquin », chanson emblématique composée par Alexandre Desrousseaux et considérée aujourd'hui comme un élément du folklore lillois. En 2018 cette « canchon dormoire » devenue l'hymne du Nord de la France a fêté ses 165 ans.

Étymologiquement, « quinquin » serait la déformation du mot flamand *kind* 'petit enfant' (L. Vermesse), ou encore le mot enfantin pour désigner 'coquin' (G. Hécart). Or, le poète patoisant G. Dubois précise que *quinquin* (*min quin, min p'tit quin*) n'est autre qu'« un mot d'amitié qu'on adresse aux enfants » [8, p. 9].

L'histoire d'une pauvre dentellière qui essaie d'endormir son enfant afin de finir son ouvrage aurait été soufflée à Alexandre Desrousseau par la vie même. « Dickens français » ou pas, Alexandre Desrousseaux a bien été ethnographe de la vie des petites gens du Nord de la France. Cette région connue par ses mines de charbon et son industrie textile a fourni à la langue française un nombre de termes techniques désignant les opérations, les outils et les simples gestes de tous les jours (*houille* (XVIe), *rescapé* (1925), *canevas* (1281), *tricoter* (1560), *stopper* (1730), etc.) [6].

Le parcours éducatif envisageant la reconstitution de l'image du locuteur ch'ti pourrait être basé sur l'élucidation des marques linguistiques et ethnoculturelles.

On va commencer par attirer l'attention des apprenants sur les traits phonologiques les plus marquants des dialectes du Nord (réduction des diphtongues, palatalisation du [s] en [ʃ], du [z] en [ʒ], conservation du [w] germanique, etc.), mais aussi, et surtout, les initier à la découverte des chiffres et particularités ethnoculturels posant des problèmes de compréhension aux allophones.

Tel est le cas du substantif *ducasse* (f) qui dérive du 'dédicace' et désigne la fête du saint patron du village (kermesse (f) flamande) :

J't'acat'rai l'jour de l'ducasse Je t'achèterai le jour de la ducasse

Un porichinelle cocasse... Un polichinelle cocasse... .

Coquille (f) que la mère promet à l'enfant s'il s'endort est une variété de gâteau allongé faisant penser à la coquille, ou « une petite brioche de Noël en forme de Jésus » [9, p. 42] :

Pour qu'i t'apporte eun' coquille Pour qu'il t'apporte une coquille

Avec du chirop qui guile... Avec du sirop qui coule... .

La mère s'engage à emmener son petit dans *l' cour Jeannette à Vaques*, une des courées ouvrières de Lille où l'on donnait des spectacles de marionnettes en faisant payer l'entrée avec *un doupe*, déformation du « double », une pauvre pièce équivalant à deux deniers. Le héros principal dans les théâtres de marionnettes de Lille était *Jacques*:

Nous irons dins l'cour Jeannette à Vaques

Vir les marionnettes. Comme te riras

Quand l'intindras dire « Un doup' pou' Jacques ! ».

Nous irons dans la cour Jeannette à Vaches

Voir les marionnettes. Comme tu riras

Quand [tu] l'entendras dire « Un double pour Jacques ! ».

Ainsi, dans l'enseignement du FLE, la chanson peut-elle jouer le rôle du document déclencheur attrayant pour les jeunes apprenants. En sorte que chanter en patois, c'est, désormais, chanter la culture locale incarnant pleinement la France qu'on a failli perdre.

BIBLIOGRAPHIE

1. Cadre européen commun de référence pour les langues. – Paris : Les éditions Didier, 2014. – 192 p.
2. La circulation internationale des idées en didactique des langues / coordonné par G. Zarate et A. Liddicoat. – Paris : FIPF, 2009. – 178 p.
3. Dictionnaire de didactique du français langue étrangère et seconde. – Paris : CLÉ international, 2003. – 303 p.
4. Les politiques des langues en Europe – Délégation générale à la langue française et aux langues de France. – 2007. – 191 p.
5. *Guiraud, P.* Patois et dialectes français / P. Guiraud. – PUF, 1971. – 126 p.
6. *Филимонова, И. Ю.* L'étude des patois français et sa place dans le curriculum universitaire / И. Ю. Филимонова // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 5 : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., 27–28 окт. 2017 г., Могилев / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. – С. 248–251.
7. *Vernillat, F.* La chanson française / F. Vernillat, J. Charpentreau. – Paris: PUF, 1977. – 126 p.
8. *Dubois, G.* Le P'tit Quinquin d'Alexandre Desrousseau / G. Dubois. – Lievin : DMG Concept, 2002. – 30 p.
9. *Landrecies, J.* Alexandre Desrousseaux / J. Landrecies // Revue de critique et de création littéraire du Nord Pas-de-Calais. – Lille : Presse Univ., 2004. – № 44. – 108 p.

Modern linguistic education must take into consideration ethno-cultural and socio-cultural contexts of communication. Due to the changes in the European language policy some dialects which used to be considered abnormal are not viewed as violation of norm any longer.

А. Б. Чиркун
(Минск, Беларусь)

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА (на материале испанского языка)

В статье рассматривается эстетическая оценка лиц женского пола на протяжении истории развития испанского общества и по настоящее время. Исследование строится на основе словарей разговорной речи и фразеологических словарей. Выделяются определенные аспекты внешнего вида женщины, соотносимые с позитивными эстетическими оценками.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *положительная и отрицательная эстетические оценки, национально-культурные ценности.*

Эстетическая оценка, соотносимая с концептами красоты и уродства, представляет собой один из основных критериев квалификации человека, его внешних качеств. Человеку свойственно оценивать себя, себе подобных и окружающий его мир с различных аксиологических позиций. В основе факта оценивания, с одной стороны, лежат собственные знания и представления человека о красоте, с другой, – система национально-культурных ценностей

и стереотипов [1, с. 40]. С течением времени те или иные национально-культурные ценности и стереотипы претерпевают изменения в разных культурах, ср.: идеал красоты женщины эпохи Барокко и современные каноны. Тем не менее, как отмечает Е.М. Вольф, все оценочные смыслы ориентированы на норму, которая «предполагает равновесие признаков, находящихся на шкале, и соотносится со стереотипными представлениями о среднем количестве признака, которым должен обладать данный объект» [2, с. 55]. Показателем нормы является мера. Нарушение меры приводит к сдвигу в качестве: положительному или отрицательному. Все чрезмерное не нормативно. Обычная, ничем не примечательная внешность, не нуждается в каких-то специальных обозначениях, в то время как внешность, выходящая за пределы нормы красоты или уродства, всегда имеет выход в лексику.

В современном испанском обществе в основе эстетической оценки лежит представление об идеализированной особи женского пола. Согласно собранным примерам из разговорной речи можно утверждать, что в испанском обществе объектом эстетической оценки становятся, в первую очередь, фигура женщины, ее внешность и женственность.

По критерию «женская фигура» объектом *позитивной* эстетической оценки становятся женщины с пышными формами. К числу наиболее частотных лексем при этом относятся *tetona*, *tetorra*, *mujer de buenas agarraderas* и т.п. Также можно выделить целую группу прилагательных, характеризующих исключительно хорошо сложенную женщину: *machorra*, *maciza*, *buenorra*, *jamona*, *tía bestial*, *tía de cuerpo salvaje* и т.п.

По критерию «внешность» объектом позитивной эстетической оценки становятся темноволосые красавицы с загорелой кожей: *morenaza*, *morena*, *mulata* и т.п.

Испанский язык богат различными языковыми средствами, с помощью которых выражается *негативное* отношение к тем или иным аспектам женской фигуры и внешности. Так, по критерию «женская фигура» можно выделить следующие лексемы: *vacabuey*, *lisa*, *campeona de natación* и т.п. По критерию «внешность» к числу лексических единиц, с помощью которых характеризуют некрасивое лицо женщины, в первую очередь, относятся: *carapolla*, *caraculo*, *coco*, *callo*, *gamba*. Кроме того объектом негативной эстетической оценки становятся мужеподобные женщины: *machorra*, *marimacho*, *machurróna*, *hombruna*, *maritornes* и т.п.

Образ красивой и некрасивой женщин, а также отношение испанского общества к тем или иным аспектам женской внешности создавались на протяжении столетий. Многовековая история их формирования лежит в основе появления устойчивых стереотипов, связанных в данном случае с женщиной как объектом эстетической оценки. Анализ исторически сложившейся фразеологии позволяет, с одной стороны, выявить черты внешнего вида, которые

соотносились (и продолжают коррелировать) с эстетической оценкой женщины, с другой – те из них, которые утрачивают свою актуальность в современном испанском обществе.

На основе собранных из фразеологических словарей примеров на положительную эстетическую оценку по критерию «внешний вид» мы выделяем следующие характеристики женщины.

- **Опрятность.** Исследуя языковой материал, можно сказать, что исторически ценилась ухоженная женщина. Под ухоженностью следует понимать чистоту и опрятность девушки, умение красиво одеваться и украшать себя. Приведем некоторые примеры: (1) *Agua y mujer a nada deben oler* ‘Вода и женщина должны быть без запаха’; (2) *Mujer aseada, aunque sea jorobada* ‘Пускай и горбатая, но опрятная’; (3) *A la mujer, búscala delgada y limpia, que gorda y sucia ella se volverá* ‘Ищи стройную и чистую жену, толстой и грязной она сама станет’; (4) *Mujer sin aretes, altar sin ramilletes* ‘Женщина без сережек, как алтарь без цветов’.

- **Красота.** В любой культуре всегда особо ценились красивые женщины, и испанская культура также не исключение в этом смысле. Ср.: (1) *Mujer hermosa nunca es pobre; y si lo es, es que es tonta* ‘Красивая женщина бедной не бывает, а если и бывает, значит, она глупа’; (2) *A la mujer bella y honesta, casarse poco le cuesta* ‘Красивой и порядочной девушке легко выйти замуж’; (3) *Mujer hermosa y buena espada, de muchos es codiciada* ‘Все мечтают о красивой жене и хорошем мече’.

- **Маленький рост.** Ср.: (1) *La mujer menudita, siempre pollita* ‘Маленькая жена всегда как маленький цыпленок’; (2) *La mujer y la gallina, pequeñina* ‘Выбирай жену и несущку поменьше’; (3) *La esencia fina, viene en frasco chico* ‘Мал золотник, да дорог’; (4) *Mujer chiquita, siempre es jovencita* ‘Маленькая жена всегда молода’. Как следует из приведенных примеров, невысокие девушки в испанской культуре являются гарантией долговременной красоты. Считается, что они будут дольше сохранять естественную молодость. Однако наряду с позитивной оценкой низкорослых женщин имела место и их негативная оценка, о чем пойдет речь ниже.

На основе собранных примеров мы выделяем следующие характеристики женщины по критерию «внешний вид», соотносимые с негативной оценкой.

1. **Красота.** В данном случае эстетическая оценка тесно сопряжена с этической, так как красота ассоциируется с неверностью. Отношение к красивой женщине менялось на протяжении истории развития человечества. В одни эпохи красивые женщины обожествлялись, в другие – ассоциировались с грехом. Например, в Средневековье считалось, что красивая женщина представляет опасность для всего общества, так как из-за ее красоты мужчина теряет контроль над собой. Ср.: (1) *Mujer hermosa, viña e higueras, muy malos son de guardar* ‘Сложно уберечь смоковницу, вино-

градник и красивую жену»; (2) *Quien casa con mujer bella, de su honra se descasa* 'Тот, кто женится на красавице, разводится со своей честью'; (3) *Si tu mujer es bonita, recibe pocas visitas* 'При красивой жене принимай мало гостей'; (4) *Al que tiene mujer hermosa, o castillo en frontera o viña en carretera, nunca le falta guerra* 'Тому, кто владеет красивой женой, замком на границе или виноградником при дороге, всегда хватает проблем'. Как следует из вышеперечисленных примеров, женская красота является не только олицетворением блага, но и корнем всех зол.

2. Маленький рост. Несмотря на то, что, как отмечалось выше, низкий рост коррелирует с позитивной оценкой, нами были зафиксированы случаи, которые соотносятся с негативной эстетической оценкой. Ср.: (1) *A mujer pequeña, mula, y baja: abrirla la puerta, pa'que se vaya* 'Маленькую смуглую женщину выставляй за дверь, чтобы она ушла'; (2) *La mujer y la cartera, cuanto mas pequeña mas fea* 'Чем меньше кошелек и женщина, тем страшнее'. Можно предположить, что низкий рост женщины ассоциируется с внешностью цыганок, отношение к которым было негативным.

3. Волосы на лице. Среди особенностей внешности, которые воспринимались негативно, обращают на себя внимание такие характеристики, как чрезмерный рост волос на лице. Ср.: (1) *A la mujer velluda, el diablo la sacuda* 'Волосатую женщину сам дьявол поколотит'; (2) *A la mujer bigotuda, de lejos se la saluda* 'С усатой женщиной здороваются издали'; (3) *A la mujer barbuda, de lejos se la saluda* 'С бородатой женщиной здороваются издали'. В данном случае эстетическая оценка тесно сопряжена с этической, так как чрезмерная волосатость на лице женщины указывает на ее бранный характер и крайнюю схожесть с мужчиной.

Таким образом, в современном испанском обществе в качестве идеализированной особи женского пола выступают женщины с пышными формами, загорелой кожей и темными волосами. Стигматизированными становятся мужеподобные женщины, а также женщины с небольшим бюстом. В свою очередь, результаты анализа фразеологизмов, содержащих эстетическую оценку женщины, указывают на то, что с однозначно положительной оценкой коррелирует опрятность женщины, а с негативной – наличие волос на лице. В свою очередь, красота и маленький рост женщины могут соотноситься как с положительной, так и с отрицательной оценкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учеб. пособие для студентов ВУЗ / А. В. Кирилина; Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН). – М., 2005. – 252 с.
2. Вольф, Е. М. Метафора и оценка / Е.М. Вольф // Метафора в языке и тексте / под ред. В. Н. Телия; Ин-т языкознания АН СССР. – М., 1988. – 176 с.

This article deals with the problem of *aesthetic* evaluation of the female beauty. The investigation is based on the Spanish spoken language.

Н. М. Щенникова
(Минск, Беларусь)

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛОВАРЕ СОКРАЩЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Французы уделяют особое внимание чистоте родного языка, хотя заимствования, являющиеся одним из средств пополнения любого словаря, проникают и во французский язык. Главная роль в этом процессе принадлежит английским заимствованиям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аббревиация, сокращение, заимствование, инициальные заимствования, англицизмы.

Изменение словаря – это естественное движение в языке. Новые реалии вносят в язык свои наименования. Состояние лексики, как известно, отражает уровень развития общества: различные социальные факторы находят свое выражение в языке; все новое, что приходит в нашу жизнь, запечатлевается в слове [1, с. 9]. Лексика – как самый подвижный пласт языка – наиболее чутко реагирует на все изменения в социальной, культурной и других сферах жизни любого коллектива: ведь именно слово является «зеркалом жизни» [2, с. 5–7].

Аббревиация, являясь в настоящее время одним из самых распространенных способов создания номинативных единиц, привлекает особое внимание лингвистов, поскольку в современных европейских языках постоянно увеличивается количество аббревиатур и возрастает частотность их употребления.

По мнению ученых, суть аббревиации заключается в обеспечении передачи максимального количества информации при минимальном использовании материальной оболочки языка, т.е. в повышении эффективности его коммуникативной функции. Другими словами, для расширения коммуникативных возможностей языка, не уменьшая информационной ценности высказывания, оказывается возможным опустить некоторые элементы в линейном потоке речи, т.е. заменить развернутое высказывание кратким.

Так, О. Д. Мешков исходит из значения самого термина: «Под общим названием *сокращение* кроются многочисленные и различные процессы и результаты, общим для которых является то, что слово так или иначе сокращается, становится короче по сравнению со своими прототипами» [3, с. 15]. В. В. Борисов понимает под аббревиатурой букву или короткое сочетание букв, имеющих алфавитное сходство с исходным словом или выражением и используемых вместо этого слова или выражения для краткости [4, с. 130]. В. Г. Гак, рассматривает сокращения в русском языке как формальный признак конверсии, во французском – как способ создания новой стилистической окраски [5, с. 235]. Это мнение разделяет ряд исследователей, подчеркивающих, что сокращенные слова отличаются от несокращенных своим эмоциональным зарядом и стилистической направленностью.

Сокращенные слова прочно вошли в современные языки, а их количество составляет значительную часть словарного состава. Проникая практически во все слои лексики, они широко применяются как в устной, так и письменной речи. Несомненно, такое явление связано, в первую очередь, с развитием научно-технического прогресса, породившего огромное множество понятий, требующих новых названий и их закрепления в языке. На процесс сокращения слов влияют различные как экстралингвистические, так и внутриязыковые факторы.

В процессе сокращения образуются полноправные коммуникативные единицы со всеми качествами слов. Новое образование является новой формой, даже если с исторической точки зрения оно может быть рассмотрено как сокращение. Подобная идея выражена в работах Д. И. Алексеева: «Аббревиация – сложное, многогранное явление, уходящее своими корнями в глубокое прошлое. Но прежде всего аббревиация – это способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [6].

А. П. Шаповалова называет аббревиатуры структурно-стилистическими эквивалентами слов и словосочетаний, которые получают «преимущественное право циркуляции, в то время как развернутое наименование служит лишь средством толкования значения аббревиатуры. Близкая к этому точка зрения заключается в том, что аббревиатурные знаки – это условные сокращенные словесные знаки опорных словосочетаний с той же предметной соотносительностью, являющиеся их стилистическими синонимами. Аббревиация служит своего рода вторичным кодом, выполняя тем самым функцию представления, замещения одной языковой материальной формы другой» [7].

Любой язык насыщен аббревиатурами, и мы настолько к ним привыкли, что используем их повсеместно. Знать аббревиатуры необходимо, поскольку среди них есть не только простые, но и достаточно важные сокращения, которые могут пригодиться в различных сферах нашей жизни. Мы достаточно часто автоматически употребляем ту или иную аббревиатуру, не всегда понимая (а иногда и не зная), как она расшифровывается. Однако несмотря на то, что они присутствуют в любом языке, каждый из них заимствует аббревиатуры из других языков.

Заимствование является одним из способов пополнения любого словаря. Представляющие для нас интерес инициальные сокращения обычно не регистрируются в толковых и двуязычных словарях и найти их можно лишь в специальных словарях сокращений.

Мы наблюдаем достаточное количество заимствований во французских словарях, что, безусловно, не могло не коснуться и словаря сокращений.

С целью определить количество инициальных заимствований, их роль в этом процессе, а также основные сферы их употребления нами был проведен анализ букв *M*, *R*, *L* и *Z* «Большого словаря сокращений в современном

французском языке» [8]. Полученный результат можно представить следующим образом в таблице (допускается минимальная погрешность в подсчетах количества заимствований):

№ п/п	Язык	Буквы (общее количество лексических единиц)					
		M (697)	R (504)	L (426)	Z (122)	Всего	
						(1749)	%
1	английский	53	28	34	2	117	6,69
2	русский	6	3	2	-	11	0,63
3	немецкий	2	2	4	2	10	0,57
4	латинский	-	1	3	-	4	0,23
5	иврит	1	-	1	-	2	0,11
6	греческий	2	-	-	-	2	0,11
7	итальянский	-	2	-	-	2	0,11
8	испанский	1	-	-	-	1	0,06
9	датский	-	-	1	-	1	0,06
Общее количество заимствованных сокращений						150	8,57

Несмотря на тот факт, что тема англицизмов во французском языке сегодня является «камнем преткновения» между различными учеными, лингвистами, политиками и даже обычными жителями Французской Республики, взаимодействия английского и французского языков избежать невозможно. Оба языка оказывают друг на друга взаимное влияние.

Огромная роль английского языка связана, в первую очередь, с развитием интернет-технологий, а также с тем, что он прочно укрепился на позиции международного языка. Учитывая тот факт, что сфера употребления многих инициальных слов ограничена определенной отраслью, анализ показывает, что основными сферами, которые заимствуют английские инициальные сокращения, являются информатика, бизнес, торговля, политика, экономика, медицина, космос, военная сфера. Что касается военной сферы, то здесь имеют место также и заимствования из русского и немецкого языков.

Проведенный нами анализ показал, что в представленных буквах из 8,57 % заимствованных сокращений англицизмы составляют 6,69 %, что демонстрирует их значительное преимущество перед заимствованиями из других языков. Вместе с тем следует отметить особую роль русского (0,63 %) и немецкого (0,57 %) языков в пополнении французского словаря сокращений, а также сохранение достаточно весомой роли латинского языка. Одинаковое количество заимствований (0,11 %) приходится на греческий, итальянский и иврит; испанские и датские заимствования составляют лишь 0,06 %.

Нами были проанализированы инициальные заимствования лишь четырех букв, и нельзя исключать вероятность того, что при анализе большего количества букв будут получены другие результаты. Мы считаем, что, вероятнее всего, они будут отличаться также при сравнении названного словаря с другими, относящимися к более поздним изданиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / Редкол.: Т. В. Максимова (отв.ред.) [и др.]. – Волгоград: Волг. ГУ, 2003. – 220 с.
2. Дубенец, Э. М. Неологизмы в английском языке / Э. М. Дубенец // Иностр. яз. в школе. – 1991. – № 6. – С. 90–92.
3. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка. – М. : Наука, 1976. – 312 с.
4. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
5. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Просвещение, 1983. – 287 с.
6. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа : http://studbooks.net/836951/literatura/abbreviatsiya_raznostrukturnyh_yazykah. – Дата доступа : 20.03.2017.
7. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа : <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=730612>. – Дата доступа : 14.04.2017.
8. Когут, В. Г. Большой словарь сокращений в современном французском языке / В. Г. Когут. – М. : Центрполиграф.; Спб. : МиМ-Дельта. – 2008. – 624 с.

These are the French who pay special attention to the purity of their mother tongue, though borrowings, which enrich any language, penetrate into French too. The main role in this process is played by English borrowings.

М. С. Яцкевич

(Минск, Беларусь)

РЕАЛИЗАЦИЯ АРГУМЕНТОВ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются аргументы предпочтения, коими являются субъект, предпочитаемый объект, альтернативные объекты, из которых производится выбор, обоснование предпочтения и эмоциональное описание всех достоинств. В ходе исследования была выявлена тенденция к имплицитному выражению таких аргументов предпочтения, как субъект и объект, реже – альтернативные объекты и обоснование предпочтения. Кроме того, представлены примеры особенностей функционирования аргументов предпочтения в журналистском дискурсе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *предпочтение, имплицитное и эксплицитное выражение, аргументы предпочтения, рациональное и операциональное предпочтение.*

Тема предпочтения является спорной и малоизученной в лингвистике и рассматривается как семантический сплав модальности, волеизъявления и сравнения. Для его выражения в языковой форме используются высказывания предпочтения. Основными единицами лексико-грамматической индикации предпочтения во французском языке являются глаголы *préférer* и *choisir*, составляющие ядро лексико-семантического поля. Периферию образуют такие слова, как *pencher vers*, *opter pour*, *adopter*, *élire*, *prédilection*, *plutôt*, *préférence*.

Все высказывания, выражающие модальность предпочтения, можно разделить на два вида: *конкретные* и *общие высказывания предпочтения*.

Высказывания первого вида характеризуются тесной связью с конкретной прагматической ситуацией. Они обладают определенными коммуникативными характеристиками: могут выражать как акт принятия решения, так и рекомендацию и используются в ситуациях, в которых человек располагает свободой выбора. Иначе говоря, значение конкретных высказываний, выражающих предпочтение, сформировалось, прежде всего, под давлением «фактора выбора». Наличие выбора из ряда альтернатив толкает человека на ценностное сравнение. Альтернативы сравниваются с точки зрения того, что лучше и что хуже. Выбор требует мотивировки, которую обычно ищут в практической целесообразности, удобстве, легкости, надежности, желанности и прочих видах частной оценки [1].

Общие высказывания предпочтения не связаны с конкретными условиями речевого общения. Они не определяются обстановкой речи, а сами задают класс ситуаций, обеспечивший им введение в коммуникацию. Их массив частью представлен пословицами. Многие из них выражают руководство к действию, и их форма повторяет особенности конкретных высказываний о предпочтении.

Актуализируя свою модальную функцию в тексте, высказывания предпочтения представляют системное отношение множества аргументов: 1) субъект; 2) предпочитаемый объект; 3) альтернативные объекты, из которых производится выбор; 4) обоснование предпочтения; 5) эмоциональное описание всех достоинств. Выделенные аргументы функционируют как тематически организованное единство, несмотря на то, что некоторые аргументы могут получать как эксплицитное, так и имплицитное выражение. См.:

Ma préférence va à Dominique Strauss-Kahn. D'abord parce qu'il a été un très bon ministre de l'Économie et des Finances pendant trois ans ... ensuite parce que Strauss-Kahn a une grande expérience internationale", explique le sénateur PS des Hauts-de-Seine (Le Parisien, 2006).

В данном отрывке текста мы находим все аргументы, необходимые для реализации модальности предпочтения. Субъектом предпочтения выступает сенатор Социалистической партии Франции от департамента О-де-Сен. Объектом его предпочтения является Доминик Стросс-Кан, французский

политик и экономист. Альтернативные объекты имплицитны, они подразумевают остальных *candidats à l'investiture socialiste*. Кроме того, субъект приводит рациональную аргументацию своего выбора, что позволяет судить об операциональной природе данного акта предпочтения, противопоставляющегося выбору наобум, на основе внутренних склонностей личности. Субъект предпочтения, столкнувшийся с ситуацией выбора, сравнивает альтернативы с точки зрения того, что хуже, а что лучше, и находит мотивировку в практической целесообразности и надежности выбранного им объекта.

Не все аргументы находят свое эксплицитное выражение в высказываниях предпочтения. Ср.: *Parmi les sympathisants de la gauche, 80% donnent la préférence à Manuel Valls face à Nicolas Sarkozy* (Public Sénat, 2015). В данном случае мы видим лишь субъект предпочтения в лице приверженцев левого толка, объект предпочтения в лице Мануэля Вальса, а также альтернативу объекту предпочтения – Николя Саркози. Необходимые для определения операциональности или неоперациональности предпочтения обоснования и аргументы не предъявлены автором.

При проведении исследования было выявлено, что такой аргумент предпочтения, как субъект, может быть представлен не одним лицом, а целой группой людей: *Les femmes ne s'en doutent pas, mais les hommes préfèrent les brunes, révèle lundi 5 décembre un sondage IPSOS selon lequel le "type de femme" favori des Français est une brune pulpeuse* (Le Nouvel Observateur, 2005). В данном случае субъектом предпочтения выступает не конкретный человек, а целая группа людей. Таким образом, предпочтение может выражаться как одним субъектом, так и некоторым их множеством. Объектом предпочтения также является не единственный объект, а целая группа, в данном случае – брюнетки. Выраженное субъектом предпочтение основано лишь на одном признаке – цвете волос, и не принимает во внимание другие признаки. Следовательно, предпочтение может отдаваться объектам, которые, казалось бы, совершенно не связаны друг с другом, однако они имеют один общий доминантный признак, на основе которого производится выбор. Рассматриваемый акт предпочтения является неоперациональным, так как не подлежит рациональным обоснованием и аргументации, а основывается на внутренней склонности и персональных вкусах [2].

Отметим, что не только субъект может быть множественным, но и объект: *Alors oui, tout cela demande de s'intéresser au fond, d'analyser, de sortir des postures, d'acter les progrès, les convergences aussi entre candidats plutôt que de chercher à cliver en permanence, de regarder les chiffres et de préférer les engagements ambitieux mais réalistes aux objectifs inatteignables ou aux mesures non budgétées* (L'Obs, 2017). В данном высказывании субъектом предпочтения выступает автор статьи, а объекты множественны, как и альтернативные объекты. Невозможно установить природу предпочтения, так как автор не представляет обоснования предпочтения, никак его не аргументирует и не ссылается на свои вкусы или склонности.

Анализируя такой аргумент как альтернативные объекты, была выявлена следующая особенность: при наличии двух альтернатив выбор может быть осуществлен не только в пользу одной из них, обеих альтернатив либо отказа от них. Человек – как разумное и мыслящее существо – способен создать собственную (дополнительную) альтернативу к уже существующим и осуществить выбор в ее пользу. Такой вариант можно наблюдать в следующем примере: *Entre les menaces d'Arcelor Mittal et celles du ministre du Redressement productif Arnaud Montebourg, Jean-Marc Ayrault a choisi une troisième voie pour les hauts-fourneaux de Florange. Le Premier ministre a annoncé vendredi 30 novembre que le groupe sidérurgique allait investir 180 millions d'euros sur cinq ans. En choisissant cette troisième voie raisonnable, le gouvernement s'est donc évité les foudres* (Le Point, 2018). В данном случае правительство избегает представленных альтернатив и создает новую, более разумную. Из чего следует основание выбора: разумное логичное рассуждение, подкрепленное доводами, что, в свою очередь, характеризует операциональную природу предпочтения.

Итак, наиболее часто эксплицитно выражены следующие аргументы: субъект и объект предпочтения. Реже встречаются альтернативные объекты и обоснование предпочтения. Крайне редки случаи эксплицитного выражения эмоционального описания всех достоинств. Таким образом, на уровне структуры выделяются основные и второстепенные аргументы, реализующие модальную функцию предпочтения.

Кроме того, в структуре предпочтения можно выделить объективную и субъективную части. К первой относятся субъект, объект и альтернативные объекты, которые продиктованы конкретной жизненной ситуацией. Субъективная же часть представлена эмоциональным описанием достоинств выбранной альтернативы. Данный аргумент напрямую зависит от субъекта предпочтения: от его вкусов и склонностей, если речь идет об неоперациональном предпочтении, либо от результата его размышлений и сделанных выводов, если предпочтение операционально. Объективная часть эксплицитно выражена в большинстве проанализированных примеров, тогда как объективная часть крайне редко находит эксплицитное выражение в высказывании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1990. – 192 с.
2. Wright, von G. H. The logic of preference reconsidered / G. H. von Wright // Theory and decision. – New York : Springer, 1972. – N3. – P. 145–146.

This article examines the arguments of preference, which are the subject, the preferred object, alternative objects, the justification of preference, and the emotional description of all virtues. The study revealed a tendency to implicitly express preference arguments such as subject and object, less often alternative objects and the justification of preference.

НАШИ АВТОРЫ

БАРТЕНЕВА Инга Ивановна – доцент кафедры романских языков Белорусского государственного экономического университета, кандидат филологических наук; e-mail: i.barteneva@mail.ru.

БАРТОШ Наталья Николаевна – преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: belnata2011@gmail.com.

БИЮМЕНА Анна Александровна – доцент кафедры иноязычного речевого общения Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: a-mesyats@tut.by.

БУЛАТ Елена Адамовна – зав. кафедрой лексикологии испанского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: elenabulat@mail.ru.

БУРЛО Валентина Денисовна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: bourand@yandex.ru.

ВЕРЕЗУБОВА Екатерина Евгеньевна – доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат филологических наук; e-mail: c_verezubova@mail.ru.

ГАВРИЛОВИЧ Алла Андреевна – доцент кафедры лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: allagavrilovich2720@tut.by.

ГАПАНОВИЧ Евгения Александровна – доцент кафедры лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: gapanovich_74@tut.by.

ГРАЧЕВА Людмила Алексеевна – доцент кафедры лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: ludmila.gratcheva@yandex.by.

ГРИЩЕНКО Наталья Михайловна – доцент кафедры лексикологии испанского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: nagri@tut.by.

ГРУШЕЦКАЯ Елена Николаевна – доцент кафедры романо-германской филологии Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: voblaki@yandex.ru.

ДУДИНА Анжелика Михайловна – зав. кафедрой лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: a_doudina@mail.ru.

ЕВЧИК Надежда Семеновна – профессор кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, профессор; e-mail: e.belrost@tut.by.

ЗМУДЯК Галина Абрамовна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: eorpey@tut.by.

КАЗЛОВСКАЯ Людмила Павловна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: ludmilak@tut.by.

КЕНЖИГОЖИНА Карлыгаш Серикбаевна – докторант Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева; e-mail: karlita4u@mail.ru.

КОЛЕСНИК Светлана Анатольевна – старший преподаватель кафедры лексикологии испанского языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: cicero@list.ru.

КОСТЮЧЕНКО Виктория Юрьевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета; e-mail: vk-82@tut.by.

КРЮЧКОВА Анна Евгеньевна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: kruchkova.hanna@gmail.com.

КУЗНЕЦОВ Валерий Георгиевич – профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка Московского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, профессор; e-mail: vgg.avamo@mail.ru.

КУРГАНОВА Нина Ивановна – профессор кафедры межкультурной экономической коммуникации Белорусского государственного экономического университета, доктор филологических наук, доцент; e-mail: nkurganova@gmail.com.

ЛЕБЕДЕВА Инна Геннадьевна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: inna_lebedzeva@tut.by.

МАКАРЕНКО Мария Михайловна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета; e-mail: maryia.makaranka@gmail.com.

МАНЬКО Наталья Игоревна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук; natalliamanko@yandex.ru.

МАТЮШЕВСКАЯ Ирина Викторовна – преподаватель кафедры лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: irina.matuchevskaya@gmail.com.

МОССЭ Екатерина Павловна – студент факультета межкультурных коммуникаций Минского государственного лингвистического университета; e-mail: kate190297@gmail.com.

МЯХОВСКИЙ Антон Александрович – магистрант Минского государственного лингвистического университета; e-mail: myahovskij@mail.ru.

НЕСТЕРОВИЧ Наталья Валентиновна – старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: belnatnet@yahoo.com.

НУРАХМЕТОВ Ермахан Нурахметович – профессор кафедры иностранной филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор филологических наук, профессор; e-mail: ermakhan_47@mail.ru.

ОВСЕЙЧИК Юлия Владимировна – зав. кафедрой фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: ovsei77@rambler.ru.

ПАВЛОВСКИЙ Валентин Антонович – декан факультета романских языков Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: vpravlovskil@yandex.ru.

ПАНКРАТОВА Светлана Николаевна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: sv.n.pankratova@gmail.com

ПИСАНОВА Татьяна Викторовна – профессор кафедры испанского языка и перевода Московского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, профессор; e-mail: ptp1@bk.ru.

РОМАНКЕВИЧ Марина Николаевна – доцент кафедры лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук; e-mail: romankevich_marina@mail.ru.

РЫБЧИНСКАЯ Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: france316316@mail.ru.

САРВИЛИНА Светлана Степановна – старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: sssvett@yahoo.fr.

СТРЕЛЬЦОВА Тамара Андреевна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: tamarauniver@gmail.com.

СЫТЬКО Анна Васильевна – зав. кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: anns55555@yahoo.de.

ТАЛЕЦКАЯ Татьяна Николаевна – доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина, доцент; e-mail: tatjanatalezkaya@mail.ru.

ТЕМНОХУД Алеся Валерьевна – старший преподаватель кафедры романских языков Белорусского государственного экономического университета; e-mail: khatskevitch_@mail.ru.

УСТИНОВИЧ Вера Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета; e-mail: ustinovich_vera@yahoo.com.

ФИЛИМОНОВА Ирина Юрьевна – доцент кафедры романо-германской филологии Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова; e-mail: filimonova-mgu@mail.ru.

ЧИРКУН Анна Борисовна – доцент кафедры лексикологии испанского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: chirkun.anna@mail.ru.

ЩЕННИКОВА Наталия Михайловна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: n.schennikova@gmail.com.

ЯЦКЕВИЧ Мария Сергеевна – учитель Боровлянской средней школы № 2; e-mail: mila.jatskevich@yandex.by.

Научное издание

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ, ГАРМОНИЯ В РЕЧИ

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск *А. Е. Крючкова*

Ст. корректор *С. О. Иванова*
Компьютерная верстка *Т. С. Соловьевой*

Подписано в печать 26.03.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 10,46. Уч.-изд. л. 11,79. Тираж 100 экз. Заказ 11.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.